

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ПОЛЬ
ФЕВАЛЬ

Горбун,
или
Маленький
Парижанин

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

История Горбуна

Поль Феваль

**Горбун, Или
Маленький Парижанин**

«Азбука-Аттикус»

1857

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Феваль П.

Горбун, Или Маленький Парижанин / П. Феваль — «Азбука-Аттикус», 1857 — (История Горбуна)

ISBN 978-5-389-23468-0

Поль Феваль – французский писатель, автор популярных приключенческих романов – при жизни пользовался колоссальной известностью, сравнимой с известностью Дюма и Бальзака. Его романы «плаща и шпаги», благодаря необычным сюжетам и неистощимой фантазии автора, выдерживали десятки переизданий и переводились на многие языки мира. В настоящий том вошел самый известный роман Феваля о похождениях непобедимого шевалье де Лагардера «Горбун, или Маленький Парижанин». Читатель найдет здесь все необходимые черты увлекательного приключенческого романа: динамичность повествования, таинственные перевоплощения, жестокие поединки, придворные интриги и, разумеется, любовные перипетии. Текст романа сопровождается многочисленными иллюстрациями из оригинальных французских изданий XIX века.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-23468-0

© Феваль П., 1857
© Азбука-Аттикус, 1857

Содержание

Часть первая	6
I	6
II	13
III	20
IV	28
V	35
VI	44
VII	51
VIII	57
Часть вторая	64
I	64
II	70
III	76
IV	83
V	90
VI	97
VII	104
VIII	111
IX	118
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Поль Феваль

Горбун, или Маленький Парижанин

Paul Féval

LE BOSSU, OU LE PETIT PARISIEN

Перевод с французского Леонида Цывьяна (части 1, 2, 3, 4 (главы I, II)) и Ивана Русецкого (части 4 (главы III–X), 5, 6)

© И. Г. Русецкий (наследник), перевод, 2023

© Л. М. Цывьян (наследник), перевод, 2023

© П. Л. Парамонов, иллюстрации, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

Часть первая Мастера клинка

I Долина Лурон

В древности здесь был город Лорр – город с языческими храмами, амфитеатрами и Капитолием. Теперь это пустынная долина, и ленивый плуг гасконского пахаря словно боится затупить свой железный лемех о мрамор укрытых в земле колонн. Совсем рядом горы. Прямо перед вами высокая цепь Пиренеев возносит заснеженные вершины, а сквозь глубокий разлом, который служит дорогой для венаскских контрабандистов, видно лазурное испанское небо. В нескольких лье отсюда Париж кашляет, танцует, смеется и мечтает вылечить свой неизлечимый бронхит водами источников Баньер-де-Люшона, а немножко дальше, по другую сторону, Париж, но уже ревматический, истово верит, что оставит свои ишиасы на дне серных ванн Бареж-ле-Бена. Париж всегда спасала и будет спасать вера, а вовсе не железо, сера или магnezия.

Итак, мы в долине Лурон, расположенной между долинами Ор и Барусс и, пожалуй, наименее известной завзятым туристам, которые ежегодно приезжают открывать эти девственные места; в долине Лурон с ее цветущими оазисами, изумительными потоками, причудливыми скалами и бурой Кларабидой, рекой, струящей свой темный хрусталь меж обрывистых берегов, со странными лесами и старинным замком – кичливым, тщеславным и неправдоподобным, как рыцарский роман.

Спускаясь с горы левее разлома по склону невысокого пика Вежан, вы сразу всю ее охватываете взором. Долина Лурон – это передовой отряд Гаскони. Она врезается клином между лесом Эн и красивейшими Фрешескими лесами, что через долину Барусс соединяют райские уголки Молеона, Неста и Кампана. Почва здесь бедная, но пейзажи богатейшие. Почти всюду местность изрезана горными ручьями, которые, прорыв русла через лужайки, обнажили корни гигантских буков и подножия отвесных обрывистых скал, в которые сверху донизу впились цепкие корни сосен. Какой-то троглодит выкопал себе обиталище у основания утеса, а не то проводник, не то пастух прилепил свое жилье на столь скалистом гребне, что в голову так и лезет мысль об орлином гнезде.

Лес Эн покрывает отрог холма, который внезапно обрывается посреди долины, чтобы дать проход Кларабиде. Восточная оконечность этого холма представляет собой обрывистый склон, по которому никому не под силу проложить тропинку. Горное это образование идет встречь окрестным хребтам. Оно перегородило бы долину от горы до горы, словно гигантская баррикада, если бы этому не воспротивилась река.

В здешних краях это чудесное место называют *le Hachaz* – «ле Ашаз», то есть «удар секирой». Естественно, существует и соответствующая легенда, но мы не станем вам ею докучать. Именно здесь некогда возносился Капитолий города Лорра, давшего, вне всяких сомнений, имя Луронской долине. И здесь до сих пор еще сохранились развалины замка Келюс-Таррид.

Издалека развалины эти производят сильное впечатление. Они занимают довольно большое пространство, и уже шагов за сто от Ашаза между деревьями видны израненные верхушки старинных башен. А вблизи это похоже на укрепленное селение. Повсюду руины заросли деревьями, а одной ели пришлось, чтобы вырасти, пробить свод из тесаного камня. Но большая часть развалин являет собой остатки достаточно скромных строений, в которых дерево и убитая глина частенько заменяют гранит.

Предание гласит, что один из Келюс-Тарридов (такова фамилия этой ветви, весьма влиятельной благодаря главным образом своим огромным богатствам) велел возвести валы вокруг небольшого селеньца Таррид, чтобы защитить своих гугенотских вассалов после перехода Генриха IV в католичество¹. Звали его Гастон де Таррид, и был он обладателем баронского титула. Если вы приедете к развалинам Келюса, вам покажут дерево барона.

Это дуб. Он врос корнями в землю на краю старинного рва, защищавшего замок с запада. Однажды ночью в него ударила молния. К тому времени это было уже большое дерево, и оно рухнуло поперек рва. Так оно и осталось лежать, питаясь соками благодаря коре, единственно уцелевшей в месте разлома. Но интереснее всего то, что один из побегов футов в тридцати-сорока от края рва пошел вверх от ствола. Он разросся и превратился в великолепный дуб, в висячий чудо-дуб, на котором тысячи две с половиной туристов уже вырезали свои имена.

К началу XVIII века род Келюс-Тарридов пресекся в лице Франсуа де Таррида, маркиза де Келюса, одного из действующих лиц нашего повествования. В 1699 году маркизу было около шестидесяти. В начале царствования Людовика XIV он прибыл ко двору, но не преуспел там и с неудовольствием удалился. С той поры он жил в своих владениях с единственной дочерью, красавицей Авророй де Келюс. В тех местах его прозвали Келюс На Засове. И вот почему.

На сороковом году маркиз, живший вдовцом после смерти первой жены, которая не одарила его детьми, влюбился в дочку графа де Сото-Майора, губернатора Памплоны. Инес де Сото-Майор исполнилось семнадцать. Это была истая дочь Мадрида со взором, исполненным огня, и сердцем, еще более пламенным, чем глаза. О маркизе ходили слухи, что его первая жена, все время жившая взаперти в старинном замке и умершая двадцати пяти лет от роду, была с ним не слишком счастлива. Инес объявила отцу, что никогда не выйдет за этого человека. Но в тогдашней Испании, которую мы знаем по драмам и комедиям, сломить волю юной девушки было куда как несложно. Ежели верить авторам водевилей, алькальды, дуэньи, пройдохи слуги и даже сама святейшая инквизиция существовали только ради этого. И вот однажды вечером печальная Инес, укрывшись за жалюзи, в последний раз слушала серенату младшего сына коррехидора, чудесно игравшего на гитаре. На следующий день она уезжала с маркизом де Келюсом во Францию. Маркиз взял Инес без приданого и, мало того, вручил господину де Сото-Майору уж не знаю сколько тысяч пистолей.

---

¹ В 1593 г. Генрих Наваррский, глава французских протестантов (гугенотов), принял католичество и благодаря этому стал королем Франции под именем Генриха IV. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Испанский граф, более родовитый, чем король, и еще более безденежный, чем родовитый, не сумел устоять перед таким подходом. Когда маркиз привез в замок Келюс свою прекрасную испанку, сокрытую под длинной мантилей, молодых дворян из Луронской долины охватило лихорадочное возбуждение. Тогда еще не было туристов, этих странствующих ловеласов, похищающих сердца провинциалок всюду, куда в поисках удовольствий им удается проехаться по сниженному тарифу, но непрекращающаяся война с Испанией привлекала на границу многочисленные отряды добровольцев, так что маркизу пришлось держать оборону.

И он держал ее, он отважно принял все условия соперничества. Поклоннику, решившему попытаться завоевать прекрасную Инес, первым делом следовало обзавестись осадными орудиями. И речь тут идет не только о сердце, потому что сердце находилось под прикрытием крепостных стен. Нежные записки оказывались бессильны, страстные взгляды теряли свою пламенность и томность, и даже гитара ничего не могла сделать. Прекрасная Инес была недоступна. Ни один из воздыхателей, будь то охотник на медведей, мелкопоместный дворянчик или капитан, не мог даже похвастаться тем, что видел, какого цвета у нее глаза.

Вот какую оборону держал маркиз. Года через три-четыре несчастная Инес наконец пересекла порог этого ужасного замка – пересекла, чтобы отправиться на кладбище. Она умерла от одиночества и тоски. После нее осталась дочка.

Воздыхатели, разъяренные своим поражением, дали маркизу прозвище Келюс На Засове. От Тарба до Памплоны, от Аржелеса до Сен-Годенса не нашлось бы ни мужчины, ни женщины, ни даже ребенка, который звал бы маркиза иначе как Келюс На Засове.

После смерти второй жены он сделал попытку жениться еще раз, поскольку обладал счастливой натурой Синей Бороды и не падал духом, но у губернатора Памплоны дочерей больше не было, а репутация господина де Келюса была уже настолько устоявшейся, что даже самые неустрашимые среди девиц на выданье отвергали его поползновения.

Он остался вдовцом и с нетерпением ждал, чтобы дочь его достигла возраста, когда ее нужно будет посадить под засов. Окрестные дворяне недолюбливали его, и ему нередко, невзирая на его богатство, недоставало общества. Скука гнала маркиза из его цитадели. Он приобрел привычку каждый год ездить в Париж, где молодые придворные занимали у него деньги и насмехались над ним.

Во время его отсутствия Аврора оставалась под надзором не то двух, не то трех дуэний и старика-кастеляна.

Аврора была такая же красавица, как ее мать. В жилах ее текла испанская кровь. Когда ей исполнилось шестнадцать, мирные жители деревушки Таррид частенько в темные ночи слышали, как заливаются сторожевые псы замка Келюс.

В ту пору Филипп Лотарингский, герцог де Невер, один из блистательнейших вельмож французского двора, приехал в свой замок Бюш, что находится в Жюрансоне. Ему было всего двадцать лет, но, слишком рано изведав все радости жизни, он приехал сюда, умирая от болезни, именуемой хандрой. Вид гор благотворно подействовал на него, и через несколько недель пребывания на лоне природы его охотничьи экипажи добрались до Луронской долины.

В первый раз, когда в замке Келюс лаяли ночью собаки, юный герцог де Невер, изнуренный усталостью, попросил в лесу Эн приюта у дровосека.

Де Невер прожил в замке Бюш целый год. Пастухи из Таррида рассказывали, что он был весьма щедрый дворянин.

Пастухи из Таррида рассказывали и о двух событиях, произошедших во время его пребывания в этих местах. Однажды в полночь в окнах старинной церкви замка Келюс был виден свет.

Собаки не лаяли, но какая-то тень, которую жители деревушки частенько видели и потому вскоре стали узнавать, скользнула в ров, как только спустились сумерки. В старинных замках полным-полно призраков.

А еще как-то госпожа Марта, не самая старая из дуэний мадемуазель де Келюс, в одиннадцать вечера выскочила через главные ворота замка и побежала в хижину дровосека, гостеприимством которого недавно пользовался герцог де Невер. Чуть позже через лес пронесли портшез. А еще чуть позже из хижины дровосека послышались женские крики. На следующий день этот славный человек исчез. Хижину свою он бросил на произвол судьбы. В тот же день госпожа Марта покинула замок Келюс.

С тех пор прошло четыре года. Никто больше не слышал ни о дровосеке, ни о Марте. Филипп де Невер тоже не появлялся в своем замке Бюш. Зато долину Лурон почтил своим присутствием другой Филипп, вельможа не менее блистательный. То был Филипп Поликсен Мантуанский, принц Гонзаго, которому маркиз де Келюс собирался отдать в жены свою дочь Аврору.

Тридцатилетний Гонзаго внешность имел несколько женственную, но в то же время был на редкость красив. Вряд ли можно было встретить осанку благороднее, чем у него. Черные, шелковистые, блестящие волосы мягко ниспадали вдоль белого – белей, чем у женщин, – лица, что придавало прическе ту пышность и как бы тяжесть, каких придворные Людовика XIV добились, прибавляя к тому, что им было даровано от природы, парик, сделанный из волос двух, а то и трех человек. Взгляд его черных глаз был, как у всех уроженцев Италии, ясен и горделив. Он был высок, прекрасно сложен, а его жестам и походке была присуща некоторая театральная величественность.

Мы не станем ничего говорить про дом, к которому он принадлежал. Имя Гонзаго звучит в истории так же громко, как имена Буйон, Эсте и Монморанси². Его дружеские связи не уступали благородству его рождения. У него было два друга, два брата – один из Лотарингского дома, другой – Бурбон. Герцог Шартрский, племянник Людовика XIV, будущий герцог Орлеанский и регент Франции, а также герцог де Невер и принц Гонзаго были неразлучны. При дворе их звали «три Филиппа». Взаимная их привязанность была столь безмерна, что на память приходили великие образцы дружбы, дарованные нам античностью.

Филипп Гонзаго был самым старшим. Будущему регенту было двадцать четыре, а Невер был годом младше его.

Можно себе представить, как льстила тщеславию старого Келюса надежда заполучить такого зятя. Ежели верить слухам, у Гонзаго были огромные владения в Италии; более того, он был двоюродным братом и единственным наследником Невера, о котором все говорили, что ему суждено умереть молодым. А Филипп де Невер, единственный представитель своего рода, располагал богатейшими владениями во Франции.

Разумеется, никто и помыслить не мог, что принц Гонзаго жаждет смерти своего друга, однако не в его силах было воспрепятствовать ей, а в этом случае он становился обладателем состояния в десять, а то и двенадцать миллионов.

Тесть и зять уже почти сговорились. Что же касается Авроры, ее мнения даже не спросили. Метода Келюса На Засове!

Стоял дивный осенний день, и было это в 1699 году. Людовик XIV постарел и устал от войн. Только что был подписан Рисвикский мир³, но стычки на границе между волонтерами продолжались, и в Луронской долине было тоже немало этих не слишком приятных гостей.

---

² Гонзаго – итальянский княжеский род, правивший Мантуей в 1328–1708 гг. Буйоны — герцогский род во Франции, один из представителей которого, Годефруа (1058–1100), был вождем I Крестового похода и стал иерусалимским королем. Эсте — итальянский княжеский род, правивший Моденой, Феррарой и Реджо. Монморанси — знатный французский род, давший Франции многих государственных деятелей и полководцев.

³ Мир, заключенный в 1697 г. Францией с коалицией, в которую входили Голландия, Англия, Испания и Священная Римская империя, и завершивший войну 1688–1697 гг. По условиям мира Франция возвращала все территории, захваченные ею в Испании, Нидерландах и Германии.

В столовой замка Келюс за богато накрытым столом сидело с полдюжины сотрапезников. У маркиза было немало пороков, но угостить он умел.

Кроме маркиза, Гонзаго и мадемуазель де Келюс, занимавших верхний конец стола, все прочие были люди незначительные, состоящие на службе. Во-первых, там сидел дон Бернар, священник замковой церкви, которому было поручено пастырское попечение над душами жителей деревушки Таррид и у которого в ризнице хранилась книга, куда записывались все смерти, рождения и браки; затем госпожа Изидора с мызы Габур, которая заменила госпожу Марту и исполняла те же обязанности, и, наконец, сьер Пероль, дворянин, приближенный принца Гонзаго.

Нам придется ближе познакомиться с ним, потому что он занимает значительное место в нашем повествовании.

Господин де Пероль был человек средних лет с худым, бледным лицом, редкими волосами, высокий, но несколько сутуловатый. В наши дни человека подобного типа трудно было бы представить себе не в очках, однако в ту эпоху такой моды еще не существовало. У него были невыразительные, как бы стертые черты, глаза близорукие, но взгляд наглый. Гонзаго утверждал, что Пероль весьма умело действует шпагой, каковая и висела у него на левом боку.

Вообще Гонзаго всячески превозносил его; чувствовалось, что он нуждается в Пероле.

Остальных сотрапезников, служивших у де Келюса, можно рассматривать как чистых статистов.

Мадемуазель де Келюс исполняла свои обязанности хозяйки с молчаливым и холодным достоинством. Можно утверждать, что обычно женщины, даже самые красивые, таковы, какими их делает чувство. Иная может быть обворожительна с тем, кого любит, но почти невыносима для других. Аврора же принадлежала к тем женщинам, которые нравятся вопреки их желанию и которыми восхищаются наперекор им самим.

Она была в испанском наряде. Три ряда кружев ниспадали среди волн ее черных как смоль волос.

И хотя ей еще не было двадцати, чистые и благородные линии ее губ уже выдавали затаенную печаль, но сколько света, должно быть, рождала вокруг ее юных уст улыбка и как, должно быть, лучились при этом ее глаза, затененные шелком длинных изогнутых ресниц!

Однако очень много дней уже никто не видел на устах Авроры улыбки.

Отец, бывало, говаривал:

– Все изменится, когда она станет принцессой Гонзаго.

К концу второй перемены Аврора встала и попросила разрешения удалиться. Госпожа Изидора с сожалением глянула на принесенные пирожки, печенье и варенье. Долг вынуждал ее последовать за своей юной госпожой. Как только Аврора вышла, маркиз принял более игривый вид.

– Принц, – сказал он, – вы собирались отыгаться в шахматы... Вы готовы?

– Всегда к вашим услугам, дорогой маркиз, – ответил Гонзаго.

По приказу де Келюса принесли столик и шахматную доску. За те две недели, что принц провел в замке, начинающаяся партия была уже, наверное, сто пятидесятой.

Подобная любовь к шахматам у Гонзаго, дожившего до тридцати лет, да еще при его имени и внешности, давала пищу для размышлений. Одно из двух: либо он был без памяти влюблен в Аврору, либо очень хотел пополнить ее приданым свои сундуки.

Каждый день после обеда и после ужина приносилась шахматная доска. Милейший маркиз На Засове игроком был весьма слабым. Каждый день Гонзаго позволял ему выигрывать с десяток партий, после чего торжествующий Келюс, не покидая поля боя, задремывал в своем кресле и храпел, как праведник.

А Гонзаго в это время ухаживал за мадемуазель Авророй де Келюс.

– Сегодня, принц, – объявил маркиз, расставляя фигуры, – я покажу вам комбинацию, каковую нашел в ученом трактате Чессоли. Я ведь играю не так, как прочие: я стараюсь черпать из надежных источников. Не всякий вам скажет, что шахматы были придуманы Атталом⁴, царем Пергамским, дабы развлечь греков во время долгой осады Трои. И только невежды либо люди злонамеренные приписывают честь этого изобретения Паламеду...⁵ Итак, начинаем. Прошу вас, будьте внимательней.

– Я даже выразить не могу, маркиз, – промолвил Гонзаго, – какое удовольствие доставляет мне играть с вами.

Они сделали первые ходы. Сотрапезники пока еще оставались с ними.

После первой проигранной партии Гонзаго сделал знак Перолю, тот отложил салфетку и вышел. Постепенно священник и остальные последовали его примеру. Келюс и Гонзаго остались одни.

– Латиняне, – продолжал старик, – называли эту игру *latrunculi*, то есть воришки. Греки же называли ее *zatrikion*. Сарразен⁶ в своем великолепном творении замечает...

– Маркиз, – прервал его Филипп Гонзаго, – прошу прощения за невнимательность. Вы не позволите мне вернуть ход?

Нечаянно он только что сделал пешкой ход, который приносил ему победу. Первым побуждением Келюса На Засове было отказать, но великодушие победило.

– Пожалуйста, принц, – позволил он, – но только, умоляю вас, будьте внимательней. Шахматы – серьезная игра.

Гонзаго испустил глубокий вздох.

– Понимаю, понимаю, – игривым тоном заметил маркиз. – Мы влюблены.

– До потери рассудка!

– Знаю, принц. И все же будьте внимательней. Я беру вашего слона.

– Вы вчера так и не досказали историю про того дворянина, который хотел проникнуть к вам в дом, – промолвил Гонзаго с таким видом, словно пытался отогнать тягостные мысли.

– А, хитрец! – воскликнул де Келюс. – Вы хотите отвлечь меня! Но ведь я подобен Цезарю, который мог диктовать одновременно пять писем. Кстати, вам известно, что он играл в шахматы?.. Ну а тот дворянин получил с полдюжины ударов шпагой там, во рву. Подобное приключение имело место не единожды, и клеветники так никогда и не получили возможности почесать язык насчет поведения обеих маркиз де Келюс.

– Вы так поступали, будучи супругом, маркиз, но стали бы вы так же действовать в качестве отца? – небрежно осведомился Гонзаго.

– Ну разумеется! – отвечал маркиз. – Я просто не знаю иного способа оберегать дочерей Евы... *Schah mato*, принц, как говорят персы! Вы опять проиграли.

Он откинулся в кресле:

– Эти два слова, *schah mato*, означающие «король убит», мы, согласно Менажу и Фрере⁷, превратили в «шах» и «мат». Что же касается женщин, добрые рапиры вокруг добрых стен – вот наилучшая порука добродетели.

Он закрыл глаза и задремал. Гонзаго торопливо вышел из столовой.

Было около двух пополудни. Де Пероль в ожидании хозяина прохаживался по коридору.

---

⁴ *Аттал* — имя трех царей Пергамского царства в Малой Азии, правивших в III–II вв. до н. э., поэтому ни один из них не мог участвовать в Троянской войне.

⁵ *Паламед* (миф.) – сын царя Навплия, участник Троянской войны. Ему приписывают изобретение алфавита, чисел, мер длины и веса, а также игр в шашки и кости, чтобы скрасить воинам долгую осаду.

⁶ *Сарразен, Жан Франсуа* (1614–1654) – французский поэт. Имеется в виду его сочинение «Мнение о происхождении слова „шахматы“ и игры в них».

⁷ *Менаж, Жиль* (1613–1692) – французский ученый и литератор. *Фрере, Николя* (1688–1749) – французский историк и лингвист. См.: *Dictionnaire etymologique de la langue française* [sic], par M. [Gilles] Ménage (Nouv. éd.: Paris, 1750, t. 1, p. 503); *Œuvres complètes de Fréret. Sciences et arts* (Paris, 1796, p. 130–131).

- Что наши молодцы? – тут же задал ему вопрос Гонзаго.
  - Шестеро уже прибыли, – отвечал Пероль.
  - Где они?
  - В кабачке «Адамово яблоко» по ту сторону рвов.
  - А кого еще нет?
  - Мэтра Плюмажа-младшего из Тарба и брата Галунье, его помощника.
  - Превосходные шпаги! – бросил принц. – А в остальном?
  - Марта сейчас находится у мадемуазель де Келюс.
  - С ребенком?
  - Да.
  - Как она прошла?
  - Через нижнее окно в баню, которое выходит под мостом в ров.
- Задумавшись на секунду, Гонзаго спросил:
- Ты спрашивал у дона Бернара?
  - Он молчит как рыба, – ответил Пероль.
  - Сколько ты ему посулил?
  - Пятьсот пистолей.
  - Эта Марта должна знать, где находится запись... Ее нельзя выпускать из замка.
  - Хорошо, – кивнул Пероль.

Гонзаго расхаживал по коридору.

– Я хочу сам поговорить с ней, – пробормотал он. – А ты уверен, что мой кузен де Невер получил послание Авроры?

- Письмо ему доставил наш немец.
- И Невер приедет?
- Сегодня вечером.

Сейчас они стояли у дверей покоя Гонзаго.

В замке Келюс под прямым углом сходились три коридора – главного корпуса и двух боковых крыльев.

Комната принца располагалась в западном крыле, из которого по лестнице можно было спуститься в ров. Из центральной галереи донесся шум. Это Марта вышла из покоев мадемуазель де Келюс. Пероль и Гонзаго поспешно укрылись в комнате принца, но дверь оставили приоткрытой.

Марта торопливо шла по коридору. Было светло, но испанский обычай пересек Пиренеи, и то был час сиесты. В замке Келюс все спали. Поэтому Марта имела все основания надеяться, что никакие нежелательные встречи ей не грозят.

Когда Марта проходила мимо комнаты принца, Пероль внезапно набросился на нее и, не дав закричать, зажал рот своим носовым платком. Затем схватил в охапку и втащил, полу-мертвую от страха, в комнату своего господина.

II Плюмаж и Галунье

Один ехал верхом на старой рабочей кляче с длинной спутанной гривой и мосластыми мохнатыми ногами; второй – на осле, посадкой напоминая священника, путешествующего на своем длинноухом скакуне.

Первый держался гордо, невзирая на весьма жалкий вид своего россинанта, уныло склонившего голову чуть ли не до земли. На нем была кожаная куртка на шнуровке с нагрудником в форме сердца, сапоги с отворотами, однако своей воронкообразной формой они весьма смахивали на те, что были в моде при Людовике XIII. Кроме того, на голове у него была фетровая шляпа, лихо сдвинутая на ухо, а на боку висела предлинная рапира. То был мэтр Плюмаж-младший, уроженец Тулузы, некогда учитель фехтования в Париже, ныне обосновавшийся в Тарбе, где он и влачил скудное существование.

Второй выглядел робким и скромным. По одежде он мог бы сойти за бедного писца: на нем был черный прямой, как подрясник, балахон, почти скрывающий тоже черные, но лоснящиеся от старости штаны. Голову его защищал шерстяной колпак, заботливо натянутый почти на уши, а обут он был, несмотря на изнурительную жару, в башмаки на меху.

В отличие от мэтра Плюмажа-младшего, обладателя богатейшей черной и курчавой, как у негра, шевелюры, к тому же в этот миг изрядно взлохмаченной, из-под колпака его спутника свисало лишь несколько неопределенно-белесого цвета прядей. Закрученные кверху усищи учителя фехтования столь же отличались от десятка жалких волосков, торчащих под длинным носом его помощника.

Да, этот смирный странник был помощником мэтра Плюмажа, и мы удостоверяем, что при случае он весьма лихо действовал чудовищной шпагой, которая сейчас была по боку его осла. Звали его Амабль Галунье. Родиной его был Вильдьё в Нижней Нормандии, городок, оспаривающий у знаменитого селения Конде-сюр-Нуаро славу поставщика наилучших бойцов. Друзья частенько называли его «брат Галунье» – то ли по той причине, что выглядел он как церковный служака, то ли оттого, что, прежде чем опоясаться шпагой, он был слугой у цирюльника и подручным в химической лаборатории. Все в нем было уродливо, кроме чувствительного блеска, вспыхивающего в крохотных синих глазках, помаргивавших всякий раз, когда тропинку пересекала красная бумазейная юбка. В отличие от него, Плюмаж в любой стране мог сойти за красавчика.

Они медленно трусили под южным солнцем. Кляча Плюмажа старательно обходила любой камешек, валяющийся на дороге, а серый брата Галунье через каждые двадцать пять шагов начинал артачиться.

– Ты посмотри, дорогуша, – произнес Плюмаж с явным гасконским акцентом, – этот чертов замок на той проклятой горе маячит перед нами уже два часа. У меня впечатление, что он удаляется с такой же скоростью, с какой мы приближаемся к нему.

– Успокойся, – по-нормандски певуче и в нос отвечал Галунье. – Все равно мы будем там гораздо раньше, чем нам придется приступить к делу.

– Ризы Господни! – вздохнул Плюмаж. – Да води мы себя поумней, брат Галунье, мы с нашими талантами сами могли бы выбирать, что нам делать, а чего нет.

– Ты прав, друг Плюмаж, – согласился нормандец, – да только страсти нас губят.

– Игра – карамба!⁸ – вино...

– И женщины, – добавил Галунье, возводя глаза к небу.

---

⁸ Черт возьми! (исп.)

Они ехали по долине Лурон вдоль берега Кларабиды. Впереди возвышался Ашаз, несущий, подобно огромному пьедесталу, массивные сооружения замка Келюс. Крепостных стен у него с этой стороны не было. Старинный замок открывался от фундамента до конька крыши, и любители величественных видов обязательно сделали бы тут остановку.

Да, замок Келюс поистине достойно увенчивал эту чудовищную преграду, родившуюся, очевидно, во время какого-нибудь сильнейшего трясения земли, память о котором исчезла. Под мхом и кустарником, покрывавшими его фундамент, можно было распознать следы языческих сооружений, к которым явно приложили свою могучую руку римские легионеры. Но это были всего лишь остатки, а то, что возвышалось над землей, носило явные признаки романского стиля X и XI веков. По бокам главного корпуса с юго- и северо-запада стояли две башни, скорей приземистые, чем высокие. Крохотные окна, расположенные над бойницами, не имели никаких украшений, и оконные арки опирались на простые пилястры безо всякой резьбы. Архитектор позволил себе единственное излишество – нечто наподобие мозаики. Обтесанные, симметрично расположенные камни перемежались с выступающими кирпичами.

Таков был первый план, и суровость его пребывала в полнейшей гармонии с наготой Ашаз. Но за прямолинейными очертаниями главного здания, которое, казалось, было построено Карлом Великим, виднелось скопление остроконечных крыш и башенок, и все это амфитеатром располагалось на склоне холма. Донжон, высокая восьмиугольная башня, завершающаяся византийской галереей с аркадами в форме трехлистных пальметок, возвышался над этим скопищем кровель, подобный великану среди карликов.

В округе поговаривали, что замок этот куда древней самих Келюсов.

Справа и слева от обеих романских башен видны были углубления. Тут кончались рвы; когда-то они здесь были перегорожены стенами для удержания в них воды.

За северным рвом виднелись среди буков последние дома деревни Таррид. В центре высился шпиль церкви, построенной в начале XIII века в готическом стиле, со спаренными окнами и сверкающими витражами в гранитных пятилистниках.

Да, замок Келюс был дивом пиренейских долин.

Но Плюмаж-младший и брат Галунье не отличались вкусом к изящным искусствам. Они продолжали свой путь и ежели бросали взгляд на угрюмую цитадель, то лишь для того, чтобы прикинуть, сколько им еще ехать. По прямой их отделяло от замка Келюс не больше полулье, но необходимость огибать Ашаз угрожала им еще добрым часом пребывания в седле.

Плюмаж, наверное, был приятным спутником, когда карман его оттягивал туго набитый кошелёк; простодушно-лукавая физиономия Галунье свидетельствовала, что ему обыкновенно присуще хорошее настроение, но сегодня оба пребывали в унылом расположении духа, и на то у них имелись причины.

Таковыми были пустой желудок, пустой кошелёк и перспектива, вероятней всего, опасной работы. От такой работы можно отказаться, когда в кармане у тебя звенят деньги. К несчастью для Плюмажа и Галунье, страсти пожрали все их достояние. И вот Плюмаж задумчиво произнес:

– Ризы Господни! Больше никогда не прикоснусь ни к картам, ни к стакану.

– А я навсегда отказываюсь от любви, – пообещал чувствительный Галунье.

И оба принялись строить добродетельнейшие планы, как они распорядятся своими будущими деньгами.

– Я куплю полную экипировку, – объявил с энтузиазмом Плюмаж, – и поступлю солдатом в роту нашего Маленького Парижанина.

– Я тоже стану солдатом, – подхватил Галунье, – или слугой полкового лекаря.

– Из меня получится неплохой королевский стрелок.

– Полк, в котором я буду служить, может быть уверен, что уж кровь-то я буду пускать как надо.

И оба продолжали:

– Мы снова увидим Маленького Парижанина! И иногда сможем уберечь его от нападения!

– Он снова будет называть меня стариной Плюмажем!

– Опять, как когда-то, будет подшучивать над братом Галунье!

– Гром и молния! – воскликнул гасконец и в возбуждении весьма чувствительно огрел кулаком свою клячу, которая никак не отреагировала на это. – Для людей военных мы страшно низко пали, дружище. Ну да Бог милостив. Чувствую, что с помощью Маленького Парижанина я вновь поднимусь.

Галунье печально покачал головой.

– Неизвестно, пожелает ли он узнать нас? – усомнился он, с унылым видом оглядев свой нелепый наряд.

– Дружище! – укоризненно промолвил Плюмаж. – У мальчика благородное сердце.

– А какая боевая стойка! – вздохнул Галунье. – Какая быстрота!

– Какая выправка! Какая осанка!

– А помнишь его удар слева с отскоком?

– А помнишь три прямых удара, которые он показал на состязании у Делепина?

– А сердце!

– Золотое сердце! А какой везучий в игре! Ризы Господни! Как пить умел!

– А как женщинам кружил головы!

С каждой репликой они все более воодушевлялись. По какому-то внутреннему побуждению оба они остановились и пожали друг другу руки. Их чувство было неподдельно и глубоко.

– Дьявол меня побери! – воскликнул Плюмаж. – Да пожелай только Маленький Парижанин, мы станем у него слугами. Не правда ли, друг мой?

– И сделаем из него большого вельможу! – завершил Галунье. – Тогда уж деньги Пероля не принесут нам несчастья.

Оказывается, это господин де Пероль, доверенное лицо Филиппа Гонзаго, вызвал мэтра Плюмажа и брата Галунье.

Они неплохо знали Пероля, а еще лучше его хозяина господина Гонзаго. Ведь до того, как приняться за обучение мелкопоместных тарбских дворянчиков благородному и достойному искусству фехтования, они держали в Париже на улице Круа-де-Пти-Шан, в двух шагах от Лувра, фехтовальный зал. И если бы не *страсти*, внесшие разброд в их дела, они, возможно, сделали бы состояние, поскольку к ним хаживал весь двор.

Оба они были славные малые, но, видимо, ненароком совершили какую-то глупость. Они ведь так ловко орудовали шпагой! Но будем великодушны и не станем доискиваться, почему в один прекрасный день они заперли свой дом и покинули Париж с такой поспешностью, словно земля горела у них под ногами.

Известно, что в Париже той поры фехтмейстеры терлись среди самых сановных вельмож. Подоплеку многих дел они знали иной раз лучше, чем даже сами придворные. Они являли собой живые газеты. Можете представить себе, сколько тайн знал Галунье, побывавший к тому же еще и цирюльником!

В нынешних обстоятельствах они рассчитывали извлечь из этих своих знаний наибольшую выгоду. Выезжая из Тарба, Галунье заявил:

– Это дело, сулящее миллионы. Невер – первый клинок в мире после Маленького Парижанина. Так что, если речь идет о Невере, им придется раскошелиться.

Плюмажу осталось лишь горячо поддержать столь разумную речь.

В два пополудни они наконец доехали до деревушки Таррид, и первый встреченный крестьянин показал им, где находится кабачок «Адамово яблоко».

Когда они вошли в маленький низкий зал кабачка, тот был уже почти полон. Служанка, молоденькая девушка в яркой юбке и шнурованном корсаже, какие носят крестьянки в Фуа⁹, торопливо разносила кувшины, оловянные кубки, огонь в сабо для разжигания трубок и вообще все, что могут потребовать шесть воинственного вида мужчин, только что проделавших долгий путь под солнцем пиренейских долин.

На стене висели шесть длинных рапир в ножнах.

И у всех у них на лбу были выписаны яркими буквами слова «наемный убийца». Бронзовые лица, дерзкий взгляд, устрашающие усы. Если бы сюда случайно забрел почтенный горожанин, то, едва увидев профили этих забияк, он тут же хлопнулся бы без чувств.

За первым столом, у дверей, сидели трое, и все трое, судя по их лицам, были испанцами. За следующим столом расположился итальянец со шрамом ото лба до подбородка, а напротив него – хмурый прохвост, акцент которого выдавал его немецкое происхождение. Третий стол занимал мужлан с длинными нечесаными волосами, изъяснявшийся с картавым бретонским выговором.

Трое испанцев звались Сальданья, Пинто и Пепе по прозвищу Матадор; все трое были *escrimidores*¹⁰, один из Мурсии, второй из Севильи, а третий из Памплоны. Итальянец был наемный убийца из Сполето и звался Джузеппе Фаэнца. Немца звали Штаупиц, а бретонца – Жоэль де Жюган. Собрал этих шестерых мастеров шпаги господин де Пероль. Они все были знакомы с ним.

Когда мэтр Плюмаж и брат Галунье, поставив своих жалких скакунов в конюшню, вошли в «Адамово яблоко», первым их побуждением, как только они узрели это достойнейшее общество, было тотчас же выскочить. Низкий зальчик освещало одно-единственное окошко, и полумрак еще усугубляли клубы табачного дыма. Первое, что бросилось в глаза нашим друзьям, – худые профили, усы торчком и рапиры на стене. Но в тот же миг шесть хриплых голосов возгласили:

– Мэтр Плюмаж!

– Брат Галунье!

И все это сопровождалось отборными ругательствами – проклятиями, имеющими хождение в Папском государстве, на берегах Рейна, в Кемпер-Корантене¹¹, Мурсии, Наварре и Андалусии.

Плюмаж приложил руку козырьком к глазам.

– Битый туз! – воскликнул он. – *Todos camaradas!*

– Все старые друзья! – перевел еще чуть-чуть дрожащим голосом Галунье.

Галунье от рождения был трусоват, но необходимость заставила его стать смельчаком. Из-за любого пустяка он мог пойти гусиной кожей, но дрался при этом как черт.

Начался обмен рукопожатиями, настоящими мужскими рукопожатиями, от которых белеет кожа на руках и ноют пальцы; начались крепкие объятия; приходили в теснейшее соприкосновение шелк камзолов, вытертое сукно, облезлый бархат. В костюмах этих храбрецов можно было обнаружить все, кроме чистого белья.

В наши дни учителя фехтования, или, выражаясь их языком, господа преподаватели науки фехтования, являются благонравными предпринимателями, добродетельными мужьями, прекрасными отцами и честно исполняют свои обязанности.

В XVII же веке виртуоз колющих и режущих ударов был либо любимцем придворных и горожан, либо бедняком, которому приходилось крутиться и пускаться во все тяжкие, чтобы выпить свою порцию дрянного вина в скверной харчевне. Середины здесь не было.

---

⁹ Область дореволюционной Франции (ныне департамент Арьеж).

¹⁰ Букв.: фехтовальщики (*исп.*).

¹¹ Город в Бретани (департамент Финистер).

Наши друзья, собравшиеся в «Адамовом яблоке», наверное, знавали лучшие времена. Но солнце удачи для них закатилось. Явно одна и та же гроза поразила их всех.

До появления Плюмажа и Галунье между тремя группами никаких дружеских сношений не было. Бретонец никого не знал. Немец поддерживал разговор только с итальянцем, а трое испанцев попивали вино в гордом обособлении. Но Париж уже и тогда был центром всех искусств. Такие люди, как Плюмаж-младший и Амабль Галунье, державшие открытый дом на улице Круа-де-Пти-Шан напротив Пале-Рояля, были известны всем виртуозам шпаги в целой Европе. Они послужили связующим звеном между тремя группами, которым сам Бог велел познакомиться и поладить. Лед был сломан, столы сдвинуты, кувшины тоже, и начались представления по всей форме.

Каждый сообщил свои титулы. Услышь их посторонний человек, у него волосы встали бы дыбом! Эти шесть рапир, висящих на стене, прикончили больше христианских душ, чем мечи всех палачей Франции и Наварры.

Бретонец, будь он гуроном, носил бы на поясе две-три дюжины скальпов; сполетанцу во снах могли бы являться десятка два с лишним призраков, а немец прикончил двух гаугграфов, трех маркграфов, пятерых рейнграфов, одного ландграфа и теперь искал бургграфа.

Но все это было ничто в сравнении с испанцами, которые просто купались в крови своих бесчисленных жертв. Пепе Убийца, он же Матадор, по его словам, меньше трех человек одним махом не протыкал.

К чести гасконца и нормандца, мы можем отозваться о них лишь самым лестным образом: в кругу этих фанфаронов они пользовались всеобщим уважением.

Когда были опустошены все кувшины и шумная похвальба несколько поутихла, Плюмаж обратился к собравшимся:

– А теперь, красавчики мои, потолкуем о наших делах.

Позвали служанку, которая с трепетом приближалась к этим каннибалам, и велели ей принести еще вина. Это была толстая брюнетка с небольшой косиной. Галунье уже давно нацелил на нее артиллерию своих влюбленных взглядов; он хотел было пойти за нею под предлогом, что, дескать, надо бы проследить, чтобы она нацедила вина похолодней, но Плюмаж ухватил его за шиворот.

– Ты обещал властвовать над своими страстями, дружок, – с укоризной промолвил он.

Тяжело вздохнув, брат Галунье сел. Когда толстуха принесла вино, ее отослали, велев более не возвращаться.

– Красавчики мои, – начал Плюмаж-младший, – мы с братом Галунье не ожидали встретить столь блистательное общество здесь, вдали от городов, от многолюдных столиц, где обычно вы и применяете свои таланты.

– Скажи-ка, – прервал его наемный убийца из Сполето, – Плюмаж, *caro mio*¹², известны ли тебе города, где сейчас есть работа?

И все остальные согласно закивали с видом людей, полагающих, что их достоинства недостаточно вознаграждаются. Сальданья поинтересовался:

– А ты не знаешь, зачем нас тут собрали?

Гасконец открыл было рот для ответа, но почувствовал, как брат Галунье наступил ему на ногу.

Плюмаж-младший, хоть и считался в этой паре номинальным главой, имел обыкновение следовать советам своего помощника, осторожного и благоразумного нормандца.

– Я знаю только, – начал он, – что нас вызвали...

– Это я, – прервал его Штаупиц.

---

¹² Дорогой мой (*ит.*).

– И что обычно, – продолжал Плюмаж, – когда вызывают нас с братом Галунье, надо кого-то прикончить.

– *Carajo!*¹³ – воскликнул убийца. – Когда дело поручают мне, других звать нет нужды!

Каждый принялся развивать эту тему в меру своего красноречия и хвастливости, после чего Плюмаж подвел итог:

– Так что же, нам придется иметь дело с целой армией?

– Нет, мы будем иметь дело с одним-единственным дворянином, – ответил Штаупиц.

Штаупиц был приближен к особе господина де Пероля, доверенного лица принца Филиппа Гонзаго.

Это заявление было встречено взрывом хохота.

Плюмаж и Галунье смеялись громче других, но нога нормандца все так же оставалась на сапоге гасконца.

Это означало: «Позволь, я поведу».

Галунье с самым простодушным видом поинтересовался:

– И как же зовут этого великана, который будет сражаться с восемью человеками?

– Из которых, раны Христовы, каждый стоит полдюжины добрых вояк! – добавил Плюмаж.

Штаупиц ответил:

– Герцог Филипп де Невер.

– Но говорят, он при смерти! – воскликнул Сальданья.

– Еле дышит! – добавил Пинто.

– Совсем обессилел! Лежит в постели! В последней стадии чахотки! – наперебой кричали остальные.

Плюмаж и Галунье не произнесли ни слова.

Нормандец чуть заметно кивнул и отодвинул свой стакан. Гасконец последовал его примеру.

Их внезапная серьезность не могла не привлечь внимания остальных.

– Что вы знаете? Что вам известно? – посыпалось со всех сторон.

Плюмаж и его помощник молча переглянулись.

– Какого дьявола! Что все это значит? – воскликнул изумленный Сальданья.

– Можно подумать, – вступил Фаэнца, – что вы собираетесь бросить дело.

– Не слишком-то ободряйтесь, красавчики, – веско промолвил Плюмаж.

Слова его были заглушены громогласными протестами.

– Мы видели Филиппа де Невера в Париже, – кротко произнес брат Галунье. – Этот умирающий доставит вам хлопот.

– Нам! – ответил хор голосов.

Возгласы эти сопровождались презрительным пожатием плеч.

– Вижу, – заметил Плюмаж, обведя взглядом своих коллег, – вы даже не слышали про удар Невера.

Все широко раскрыли глаза и насторожились.

– Удар старого мэтра Делапальмы, – пояснил Галунье, – которым он уложил семерых фехтмейстеров между рынком Руль и заставой Сент-Оноре.

– Все эти секретные удары – вздор! – закричал Пепе Убийца.

– Крепкая нога, острый глаз и хорошая защита, – объявил бретонец, – и плевал я на все секретные удары.

– Битый туз! Полагаю, красавчики, нога у меня крепкая, глаз острый и защита тоже неплохая, – с достоинством заметил Плюмаж.

---

¹³ Черт побери! (исп.)

– У меня тоже, – добавил Галунье.

– Одним словом, нога крепче, и глаз острей, и защита верней, чем у любого из вас...

– А доказать это, – со своей обычной мягкостью предложил Галунье, – мы готовы, ежели вам будет угодно, хоть сейчас.

– И тем не менее, – продолжал Плюмаж, – удар Невера не кажется мне вздором. Он трижды нанес мне укол у меня в академии. Вот так-то вот...

– И мне тоже.

– Укол в лоб, между глазами, три раза подряд.

– И мне три раза, в лоб, между глазами!

– Три раза подряд, а я даже шпагу поднять не успел, чтобы парировать!

Шестеро наемных убийц слушали теперь весьма внимательно.

Никто уже не смеялся.

– Значит, – перекрестившись, заявил Сальданья, – это не секретный удар, а колдовство.

Маленький бретонец сунул руку в карман, где у него, очевидно, лежали четки.

– Так что, красавчики мои, правильно созвали всех нас, – торжественно произнес гасконец. – Тут говорили про армию; так вот, я предпочел бы иметь дело с целой армией. Поверьте мне, на свете есть только один человек, способный противостоять со шпагой в руке Филиппу де Неверу.

– И кто же он? – раздались шесть голосов.

– Маленький Парижанин, – ответил Плюмаж.

– Ну, это дьявол, а не человек! – с неожиданным восторгом воскликнул Галунье.

– Маленький Парижанин? – раздались голоса. – А как зовут этого вашего Маленького Парижанина?

– Его имя вам всем прекрасно известно. Его зовут шевалье де Лагардер.

Похоже, это имя и вправду было известно всем мастерам шпаги, поскольку среди них воцарилось молчание.

– Я никогда не встречал его, – произнес наконец Сальданья.

– Тем лучше для тебя, дорогуша, – объявил Плюмаж. – Он не любит людей вроде тебя.

– Это тот, которого называют красавчиком Лагардером? – осведомился Пинто.

– Тот, что убил трех фламандцев под стенами Санлиса? – понизив голос, спросил Фаэнца.

– Тот, что... – начал было Жоэль де Жюган.

Но Плюмаж не дал ему договорить, произнеся с пафосом:

– Лагардер только один, второго нет!

III

Три Филиппа

Низенькое оконце кабачка «Адамово яблоко» выходило на поросший буками склон, который спускался ко рву замка Келюс. Меж деревьев вилась проезжая дорога, ведущая к деревянному мосту, перекинутому через глубокий и широкий ров. Рвы окружали замок с трех сторон и упирались в пустоту на обрыве Ашаза.

Рвы осушили, после того как были разрушены стенки, державшие воду, и с той поры там ежегодно брали два укуса великолепного сена для конюшен маркиза.

Недавно как раз прошел второй укос. Из кабачка, где сидели восемь наших героев, было видно, как косцы под мостом метали сено в копны.

Вода из рвов была спущена, но сами они сохранились в неприкосновенности. Их откосы круто поднимались к склону.

Для вывоза сена из рвов был прокопан проезд, который соединялся с дорогой, проходящей под окнами кабачка.

Крепостная стена, начиная от дна рва до первого этажа, изобиловала бойницами, но человек мог проникнуть внутрь только через одно-единственное отверстие в ней. То было низкое окно, находящееся как раз под постоянным мостом, которым уже давным-давно заменили подъемный. Окошко это было закрыто решеткой и прочными ставнями. Оно служило для освещения и пропуска воздуха в баню замка, просторный подземный зал, еще сохранивший следы бывшего великолепия. Как известно, в Средние века, особенно на юге, бани отличались большой роскошью.

Часы на башне донжона только что проббили три. В конце концов, ужасного головореза красавчика Лагардера тут не было, и его тут не ждали, так что после первого испуга виртуозы шпаги очень скоро оправились и вновь принялись бахвалиться.

– Я вот что тебе скажу, дружище Плюмаж, – объявил Сальданья. – Я с удовольствием дал бы десять пистолей, чтобы увидеть твоего шевалье де Лагардера.

– Со шпагой в руке? – отхлебнув глоток вина и цокнув языком, осведомился гасконец. – Ну что ж, только в этот день ты, дорогуша, причастись и вверь себя милосердию Божьему.

Сальданья сдвинул шляпу набекрень. Как ни странно, пока еще никто никому не отвесил пощечины, не заехал кулаком, но дело, похоже, шло к этому. И тут Штаупиц, сидевший у окошка, воскликнул:

– Успокойтесь, ребята! К нам жалует господин де Пероль, фактотум принца Гонзаго.

Действительно, на дороге показался верхом на коне господин де Пероль.

– Мы тут слишком много болтали, но ни о чем не договорились, – поспешно вступил Галунье. – А надобно вам знать, друзья, что де Невер со своим секретным ударом стóит целой груды золота. Хотите разом разбогатеть?

Нет смысла говорить, каков был ответ сотоварищей Галунье. Он продолжал:

– А раз так, то позвольте действовать мне и мэтру Плюмажу. Что бы мы ни втолковывали этому Перолю, поддакивайте нам.

– Договорились! – раздался согласный хор голосов.

– Во всяком случае, – усаживаясь, закончил брат Галунье, – те из нас, чья шкура не будет продырявлена шпагой Невера, смогут заказать панихиды по убитым.

Вошел Пероль.

Галунье первым почтительно стянул с головы колпак. Остальные тоже обнажили головы, приветствуя вошедшего.

Пероль держал под мышкой большой мешок с деньгами. Он швырнул его на стол и сказал:

– Вот, храбрецы, вам на винишко!

После этого глазами пересчитал присутствующих и заметил:

– Превосходно, все в сборе. А сейчас я в нескольких словах расскажу, что вам предстоит делать.

– Мы внимательно слушаем вас, добрейший господин де Пероль, – отозвался Плюмаж, опершись локтями на стол. – Итак?

Остальные подхватили:

– Мы слушаем.

Пероль встал в позу оратора.

– Сегодня вечером, – начал он, – часов около восьми, вот по этой самой дороге, что проходит под окошком, сюда приедет один человек. Он будет верхом. Коня он привяжет к мостовой опоре, после чего спустится в ров. Видите там, под мостом, низкое окно, закрытое дубовыми ставнями?

– Прекрасно видим, добрейший господин де Пероль, – ответил Плюмаж. – Битый туз! Мы же не слепые.

– Этот человек приблизится к окну...

– И в этот момент мы окружаем его, да?

– Со всей учтивостью, – со зловещей улыбкой произнес Пероль. – И можете считать, что вы заработали свои деньги.

– Ризы Господни! – воскликнул Плюмаж. – Милейший господин де Пероль вечно скажет что-нибудь, от чего животики можно надорвать!

– Значит, все ясно?

– Конечно. Но, надеюсь, вы еще не покидаете нас?

– Нет, друзья, я тороплюсь, – ответил Пероль и уже сделал шаг к двери.

– Как! – удивился гасконец. – Вы уходите, не сказав нам имени того, кого мы должны будем... окружить?

– А зачем вам его имя?

Плюмаж мигнул, и тотчас наемные убийцы недовольно зароптали. А Галунье даже выказал обиду.

– И вы даже не скажете нам, кто тот почтенный господин, на которого мы будем работать? – не унимался Плюмаж.

Пероль пристально взглянул на него. На лице его появилось беспокойство.

– А вам не все ли равно? – бросил он, пытаясь принять высокомерный вид.

– Очень даже не все равно, добрейший господин де Пероль.

– Но ведь вам так хорошо заплатили!

– А может, мы не считаем, что нам хорошо заплатили, милейший господин де Пероль.

– Друг мой, что ты этим хочешь сказать?

Плюмаж встал, и все остальные последовали его примеру.

– Черт возьми, приятель! – бросил он, резко изменив тон. – Давайте поговорим в открытую. Мы все тут учителя фехтования, а следовательно, дворяне. А я к тому же гасконец, то есть дворянин самых голубых кровей. И наши рапиры, – тут он хлопнул по своей, которую не снял, – желают знать, что им предстоит делать.

– Присядьте, пожалуйста, – любезно предложил брат Галунье, придвинув табурет доверенному лицу Филиппа Гонзаго.

Остальные выражали шумное одобрение Плюмажу. Пероль было растерялся.

– Друзья мои, – произнес наконец он, – ну уж если вам так хочется это знать, то вы сами могли бы догадаться. Кому принадлежит замок?

– Маркизу де Келюсу, черт подери! Добрейшему сеньору, у которого жены не доживают до старости. Келюсу На Засове. И что дальше?

– Дальше? А вы не догадались? – с простодушным видом удивился Пероль. – Вы работаете на маркиза де Келюса.

– И вы верите этому? – с наглым видом обратился Плюмаж к сотоварищам.

– Нет, – ответил брат Галунье.

– Нет! – дружно зашумели остальные.

Впалые щеки Пероля слегка покраснели.

– Что это значит, прохвосты?! – вскричал он.

– Потихе! – остановил его гасконец. – Мои благородные друзья ропщут, так что поберегитесь. Лучше потолкуем мирно, как порядочные люди. Если я правильно вас понял, дело обстоит следующим образом: маркиз де Келюс узнал, что некий дворянин время от времени проникает в его замок через нижнее окно. Так?

– Да, – кивнул Пероль.

– Ему также известно, что мадемуазель Аврора де Келюс любит этого дворянина.

– Совершенно верно, – подтвердил Пероль.

– Это вы так утверждаете, господин де Пероль. Таково, по-вашему, объяснение нашего съезда в харчевне «Адамово яблоко». Кое-кто мог бы счесть это объяснение правдоподобным, но у меня есть основания считать его лживым. Вы, господин де Пероль, сказали нам неправду.

– Черт меня побери! – воскликнул тот. – Это уже наглость!

Но его голос утонул в криках наемных убийц:

– Давай, Плюмаж, говори! Выложи ему все!

Гасконец не заставил себя упрашивать.

– Во-первых, мои друзья, так же как я, знают, что ночной посетитель, предназначенный для наших шпаг, не кто иной, как принц...

– Принц! – хмыкнул, пожав плечами, Пероль.

Плюмаж продолжал:

– Да, принц Лотарингский, герцог де Невер.

– Ну, в таком случае вы знаете гораздо больше меня, – заметил Пероль.

– Ризы Господни! Это ведь не все. Есть еще кое-что, чего мои благородные друзья, возможно, и не знают. Аврора де Келюс не является любовницей господина де Невера.

– Даже так? – бросил Пероль.

– Она его жена! – отрубил Плюмаж.

Пероль побледнел и пролепетал:

– Откуда ты это знаешь?

– Знаю, и это главное. Откуда – это вас не касается. А сейчас я вам докажу, что знаю и еще кое-что. Они тайно обвенчались четыре года назад в келюсской церкви, и, если сведения мои верны, вы и ваш благородный патрон... – Плюмаж с издевательским видом снял с головы шляпу и закончил: – Были, господин де Пероль, свидетелями этого обряда.

Пероль не стал отрицать.

– Ну и к чему вы клоните, повторяя эти сплетни? – только и спросил он.

– К тому, чтобы открыть имя светлейшего сеньора, которому мы будем служить сегодня ночью, – отвечал гасконец.

– Невер женился на мадемуазель Авроре вопреки воле ее отца, – объявил Пероль. – Господин де Келюс жаждет отомстить. Чего проще.

– Да, ничего не было бы проще, если бы бедняга На Засове знал про этот брак. Но господину де Келюсу ничего не известно. Ризы Господни! Старый хитрюга не стал бы отправлять на тот свет самого богатого жениха Франции. Все давным-давно уладилось бы, если бы господин де Невер сказал старикану: «Король Людовик желает женить меня на своей племяннице принцессе Савойской, но я этого не хочу. Я тайно обвенчался с вашей дочерью». Но бедняжку-принца пугает репутация Келюса На Засове. Он обожает свою жену и боится за нее.

– И каков вывод? – прервал его Пероль.

– А таков, что мы работаем не на господина де Келюса.

– Это же ясно, – подтвердил Галунье.

– Как день, – зашумел хор голосов.

– Ну и на кого же вы, по-вашему, работаете?

– На кого? Хм... Кровь Христова! На кого? Вы знаете историю трех Филиппов? Нет? Ну тогда я вам расскажу ее в двух словах. Это три высокороднейших дворянина, чтоб мне пропасть! Один – Филипп Мантуанский, принц Гонзаго, между прочим, ваш господин – разорившееся и севшее в лужу высочество, готовый задешево продать душу первому встречному дьяволу; второй – Филипп де Невер, которого мы тут поджидаем, а третий – Филипп Французский, герцог Шартрский. Все трое, прах меня побери, красивы, молоды и блистательны. Даже если вы попытаетесь себе вообразить самую крепкую, высокую, небывалую дружбу, вы будете иметь разве что слабое представление о той любви, какую питали друг к другу три Филиппа. Так говорили о них в Париже. Королевского племянника, если позволите, мы оставим в стороне, он к нашему рассказу отношения не имеет. Мы будем заниматься только де Невером и Гонзаго, этими Пифием и Дамоном¹⁴.

– Черт возьми! – воскликнул Пероль. – Уж не собираетесь ли вы обвинить Дамона в том, что он желает смерти Пифию?

---

¹⁴ *Пифий* (Финтий) и *Дамон* – два друга, философы-пифагорейцы, жившие в Сиракузах в середине IV в. до н. э. Пифий, приговоренный тираном Дионисием Младшим к смерти, попросил для урегулирования дел отсрочки, оставив в залог вместо себя своего друга Дамона, который согласился умереть, если Пифий вовремя не вернется. Дамона уже привели на место казни, когда возвратился Пифий, и тиран, растроганный такой верностью дружбе, помиловал Пифия.

– А что? – отвечал Плюмаж. – Подлинный Дамон, живший во времена сиракузского тирана Дионисия, был богат, а у подлинного Пифия не было ежегодного дохода в шестьсот тысяч экую.

– Каковой доход, – вставил Галунье, – имеется у нашего Пифия и единственным наследником какового является наш Дамон.

– Вы чувствуете, милейший господин де Пероль, насколько это все меняет? – продолжал Плюмаж. – Я добавлю, что у подлинного Пифия не было столь прекрасной возлюбленной, как Аврора де Келюс, а подлинный Дамон не был влюблен в красавицу или, верней сказать, в ее приданое.

– Совершенно верно, – вторично вставил Галунье.

Плюмаж наполнил свой кубок.

– Господа, – сказал он, – я пью за здоровье Дамона... я хотел сказать, Гонзаго, который завтра получит шестьсот тысяч дохода и мадемуазель де Келюс, если Пифий... я хотел сказать, Невер сегодня ночью уйдет из жизни.

– Здоровье принца Дамона Гонзаго! – закричали наемные убийцы, предводительствуемые братом Галунье.

– И что вы на это скажете, господин де Пероль? – торжествующе заключил Плюмаж.

– Чушь! – буркнул тот. – Клевета!

– Вы позволили себе грубость. Пусть мои доблестные друзья рассудят нас. Я беру их в свидетели.

– Ты сказал правду, Плюмаж! – зашумели доблестные друзья.

– Принц Филипп Гонзаго, – пытаюсь сохранить достоинство, объявил Пероль, – выше подобных оскорблений, и ему нет нужды оправдываться.

Плюмаж остановил его:

– Вот что, милейший господин де Пероль, присядьте-ка.

Пероль отказался, и тогда гасконец силой усадил его на табурет, после чего обратился к своему помощнику:

– Ну как, Галунье, перейдем к более тяжким оскорблениям?

– Плюмаж! – произнес нормандец.

– Раз господин де Пероль не сдается, настал, дорогуша, твой черед взять слово.

Нормандец залился краской до ушей и опустил глаза.

– Но я не умею выступать публично, – пролепетал он.

– Попробуй! – предложил Плюмаж, закручивая усы. – Битый туз! Наши друзья простят тебе твою неопытность и молодость.

– Рассчитываю на их снисходительность, – промямлил робкий Галунье.

Голосом маленькой девочки, отвечающей на вопросы из катехизиса, Галунье начал речь:

– Господин де Пероль имеет все основания считать своего господина безукоризненным дворянином. Вот одна подробность, которую мне удалось случайно узнать. Я ничего дурного в ней не вижу, хотя иные злонамеренные души могут расценить ее по-другому. Когда три Филиппа вели в Париже веселую жизнь, настолько веселую, что король Людовик пригрозил сослать племянника в его владения... да, а происходило это года три назад, и я тогда служил у одного итальянского врача по имени Пьер Гарба, ученика небезызвестного Экзили¹⁵.

– Пьетро Гарба-э-Гаэта! – прервал его Фаэнца. – Я знавал его. Большой был мерзавец.

Брат Галунье мягко улыбнулся.

---

¹⁵ Известный в XVII в. итальянский отравитель и изготовитель ядов. Вынужденный покинуть Италию, поселился в Париже, где вскоре был арестован и заключен в Бастилию.

– Это был человек степенный, – поправил он, – мирного нрава, истово верующий, ученый, как не знаю кто, а занимался он составлением благотворных микстур, которые сам он называл бальзамом долголетия.

При этих словах все виртуозы шпаги разразились хохотом.

– Битый туз! – бросил Плюмаж. – Да ты великолепный рассказчик! Продолжай!

Господин де Пероль вытер со лба выступивший пот.

– Принц Филипп Гонзаго, – продолжал Галунье, – частенько навещал добрейшего Пьера Гарба.

– Тише! – невольно воскликнул Пероль.

– Громче! – закричали храбрецы.

Они от души веселились, тем паче что знали: цель этого спектакля – увеличение платы.

– Продолжай, Галунье, продолжай! – кричали они, тесней окружив нормандца и Пероля.

А Плюмаж, ласково погладив своего помощника по затылку, произнес прямо-таки отеческим тоном:

– Ризы Господни! Малыш имеет успех.

– Мне очень жаль, – промолвил Галунье, – что я вынужден повторить слова, которые, похоже, не по нраву господину де Перолю, но истина состоит в том, что принц Гонзаго весьма часто навещал Гарба, вне всяких сомнений, чтобы набираться у него знаний. И как раз в это время юный герцог де Невер стал чахнуть.

– Клевета! – крикнул Пероль. – Гнусная клевета!

Галунье с невинным видом поинтересовался:

– Мэтр, а разве я кого-нибудь обвинял?

Подручный принца Гонзаго до крови прикусил губу, а Плюмаж бросил:

– Милейший господин де Пероль больше не будет таким невоздержанным.

Тот вскочил.

– Надеюсь, вы мне позволите уйти отсюда? – со сдержанной яростью осведомился он.

– Ну конечно! – смеясь от всей души, отвечал гасконец. – Мы даже проводим вас до замка. Добряк Келюс, наверно, уже проснулся, так что мы объяснимся с ним.

Пероль рухнул на табурет. Лицо его позеленело. Безжалостный Плюмаж протянул ему стакан.

– Выпейте, подкрепитесь, – предложил он. – А то у вас такой вид, будто вам худо. Всего глоточек... Не хотите? Тогда просто посидите, придите в себя и позвольте говорить этому плуту-нормандцу. Он красноречивей, чем адвокат в парламенте.

Брат Галунье благодарно поклонился Плюмажу и продолжал:

– Начались толки: «Ах, бедный молодой герцог де Невер умирает». Забеспокоились и двор, и город. Еще бы, Лотарингский дом – один из самых знатных домов во Франции! Король осведомлялся о его здоровье. Филипп, герцог Шартрский, был безутешен...

– Но еще безутешней, – прервал его Пероль, сумевший придать своему тону проникновенность и убежденность, – был Филипп, принц Гонзаго!

– Боже меня упаси противоречить вам! – воскликнул Галунье, чья неизменная любезность должна бы послужить примером всем спорящим. – Я даже уверен, что принц Филипп Гонзаго был крайне огорчен, и вот доказательство тому: каждый вечер, облачившись в ливрею лакея, он приходил к мэтру Гарба и всякий раз с унылым видом повторял: «Это слишком затягивается, доктор, слишком затягивается!»

В низеньком зальце кабачка «Адамово яблоко» сидели сплошь убийцы, и тем не менее все они содрогнулись. Холодок пробежал по спине у каждого. Плюмаж грохнул кулаком по столу. Пероль, не промолвив ни слова, опустил голову.

– Как-то вечером, – продолжал брат Галунье, непроизвольно понизив голос, – Филипп Гонзаго пришел раньше, чем обычно. Гарба пощупал ему пульс, тот был лихорадочно частый.

«Вы сегодня много выиграли в карты», – сказал Гарба, хорошо знавший принца. Гонзаго рассмеялся и ответил: «Напротив, я проиграл две тысячи пистолей. – но тут же добавил: – Невер хотел сегодня пофехтовать в академии, но у него нет даже сил держать шпагу». – «Значит, это конец, – пробормотал доктор Гарба. – Возможно, завтра...» Но, – поспешил добавить почти ликующим голосом Галунье, – каждый день приносит свои сюрпризы. Назавтра Филипп, герцог Шартрский, посадил Невера к себе в карету и – гони, кучер, в Турень! Короче, его высокочество увез Невера в свои владения. А оттуда молодой герцог в поисках солнца, тепла, жизни переплыл Средиземное море и прибыл в Неаполитанское королевство. Филипп Гонзаго пришел к моему хозяину и приказал ему отправляться туда же. Я уже стал собирать вещи, но, к несчастью, ночью у моего хозяина разбился перегонный куб. Бедный доктор Пьер Гарба скончался на месте, вдохнув испарения своего эликсира долголетия.

– Ах, достойный итальянец! – раздался чей-то голос.

– Да, я тоже очень горевал по нему, – простодушно сообщил Галунье. – Но вот чем кончилась эта история. Полтора года Невер провел вне Франции. Когда он вернулся ко двору, все были поражены: Невер помолодел на десяток лет! Невер был силен, зорок, неутомим. Короче, вы сами знаете: сейчас он первая шпага в целом свете после красавчика Лагардера.

Скромно потупив глаза, брат Галунье умолк, а Плюмаж заключил:

– Вот почему господин Гонзаго, чтобы одолеть его, счел необходимым нанять восемь учителей фехтования... Битый туз!

Воцарилось молчание. Пероль прервал его.

– И какова же цель этого словоблудия? – поинтересовался он. – Увеличение платы?

– И притом значительное, – подтвердил гасконец. – Честно говоря, нельзя брать ту же плату от отца, жаждущего отомстить за честь дочери, и от Дамона, желающего до срока наследовать Пифию.

– И чего вы требуете?

– Утроить сумму.

– Согласен, – не раздумывая бросил Пероль.

– Во-вторых, после исполнения мы все должны стать слугами дома Гонзаго.

– Согласен, – повторил доверенный принца.

– В-третьих...

– Вы слишком много требуете... – начал Пероль.

– Разрази меня гром! – вскричал Плюмаж, обращаясь к Галунье. – Он считает, что мы слишком много требуем!

– Ну будьте же справедливы! – примирительно заговорил нормандец. – А ежели королевский племянник захочет отомстить за друга?

– В этом случае, – ответил Пероль, – мы пересечем границу, Гонзаго выкупит свои владения в Италии, и там все мы будем в безопасности.

Плюмаж вопросительно взглянул сперва на Галунье, потом на остальных своих единомышленников.

– Уговорились, – объявил он.

Пероль протянул ему руку.

Гасконец не принял ее. Он хлопнул по своей шпаге и сказал:

– Вот нотариус, который послужит мне гарантией вашей честности, милейший господин де Пероль. Битый туз! Попробуйте только надуть нас!

Пероль, обретший свободу, направился к двери.

– Но если вы его упустите, договора не было, – объявил он с порога.

– Само собой разумеется. Можете спокойно спать, милейший господин де Пероль!

Уходящего конфидента принца Гонзаго провожали раскаты смеха, а затем все голоса слились в ликующем хоре:

– Вина! Вина!

IV Маленький Парижанин

Только-только пробило четыре пополудни. У наших храбрецов еще было полно времени. Если не считать Галунье, который все чаще бросал взгляды на косоглазую толстую и шумно вздыхал, все веселились.

В зальце кабачка «Адамово яблоко» пили, кричали, пели. А на дне келюсских рвов косцы, поскольку жара спала, продолжали сгребать сено.

Вдруг от кромки леса донесся стук копыт, а спустя некоторое время во рву раздались вопли.

Это косцы с криками разбегались от небольшого отряда волонтеров, награждавших их ударами шпага плашмя. Волонтеры приехали за фуражом, и, разумеется, лучшего сена они не нашли бы нигде.

Восемь наших храбрецов подбежали к оконцу, чтобы лучше видеть.

– Отважные ребята! – заметил Плюмаж-младший.

– Не побоялись подъехать под самые окна маркиза! – добавил Галунье.

– Сколько их? – Три, шесть, восемь...

– Ровно сколько нас.

Фуражиры же тем временем спокойно набирали себе сена, смеясь и перекрикиваясь во все горло. Они прекрасно знали, что старинные фальконеты Келюса давно уже молчат.

Они тоже были в кожаных полукафтанах, лихо заломленных шляпах и с длинными рапирами, почти все молодые, только у двоих или троих в усах пробивалась седина, но, в отличие от наших мастеров шпаги, у них у каждого из седельных кобур торчали пистолеты.

Обмундировка у них была крайне разномастная. В этом маленьком отряде можно было увидеть поношенные мундиры самых разных регулярных частей. Были тут два егеря из полка де Бранкаса, канонир из Фландрской бригады, каталонский стрелок из-за Пиренеев и даже старик-арбалетчик, который, может быть, участвовал еще во Фронде¹⁶. Одежда остальных уже давно утратила свои отличительные признаки, точь-в-точь как стершиеся медали. А вместе их вполне можно было принять за обычную шайку разбойников с большой дороги.

И то сказать, эти искатели приключений, взявшие себе имя королевских волонтеров, мало чем отличались от разбойников.

Закончив свои труды и навьючив лошадей, они поднялись наверх. Их главарь, один из двух стрелков де Бранкаса, носивший галуны бригадира, огляделся и крикнул:

– Сюда, господа! Вот где наше место!

И он указал пальцем на кабачок «Адамово яблоко».

– Ура! – закричали фуражиры.

– Государи мои, – пробурчал Плюмаж-младший, – советую вам снять шпаги со стены.

В один миг все пояса были застегнуты, и восемь наших храбрецов, отойдя от окошка, уселись за столы.

В воздухе запахло большой потасовкой. Брат Галунье кротко улыбался в редкие усишки.

– И мы утверждаем, – заговорил Плюмаж, чтобы создать видимость непринужденной беседы, – что лучшая стойка, когда сражаешься с левшой, а он крайне опасен...

В это время в дверях показалась бородатая физиономия предводителя мародеров.

– Ребята, а кабачок-то занят! – крикнул он.

– Так освободим его! – ответили его подчиненные.

---

¹⁶ Общественное движение 1648–1653 гг. во Франции против абсолютизма.

Предложение было простое и логичное. У командира, которого звали Карриг, никаких возражений против него не имелось. Волонтеры спешили и привязали своих коней, навьюченных вязанками сена, к кольцам, вбитым в стену кабачка.

Наши виртуозы шпаги продолжали сидеть как ни в чем не бывало.

– А ну, выметайтесь, да поживей! – объявил Карриг, вошедший первым. – Здесь места хватит только для королевских волонтеров.

Ответом ему было молчание. Только Плюмаж полуобернулся к друзьям и тихо сказал:

– Спокойно, дети мои! Не будем выходить из себя и заставим господ королевских волонтеров поплясать.

Люди Каррига уже ввалились в кабачок.

– Вы слышали, что вам сказано? – бросил тот.

Учителя фехтования поднялись и вежливо поклонились.

– Да вышвырнуть их через окно! – предложил канонир.

При этом он взял полный стакан Плюмажа и поднес его к губам. А Карриг продолжал:

– Вы что, мужланы неотесанные, не видите, что нам нужны ваши кувшины, столы и табуреты?

– Битый туз! – рявкнул Плюмаж-младший. – Сейчас вы у нас, голуби мои, все получите!

И он разбил кувшин о голову канонира, а брат Галунье бросил свой тяжелый табурет в грудь Каррига.

В тот же миг в воздухе сверкнули шестнадцать клинков. Все, находившиеся здесь, были опытные, храбрые вояки и большие любители подраться. В схватку они вступили все разом и с великим удовольствием.

В шуме выделялся тенор Плюмажа.

– Сын человеческий! Задайте им! Задайте! – кричал он.

На это Карриг и его люди, бесстрашно бросившись в атаку, отвечали:

– Вперед! Лагардер! Лагардер!

И тут произошла неожиданная развязка. Плюмаж и Галунье, бывшие в первом ряду, отступили и толкнули между двумя сражающимися отрядами массивный стол.

– Битый туз! – крикнул гасконец. – Всем опустить шпаги!

Трое или четверо волонтеров уже получили царапины. Штурм им не удался, и они только теперь сообразили, с кем имеют дело.

– Что это вы тут кричали? – дрожащим от волнения голосом спросил брат Галунье. – Что кричали?

Остальные учителя фехтования ворчали недовольно:

– Да мы их тут, как котят, передавим!

– Тихо! – властно остановил их Плюмаж и обратился к пришедшим в смятение волонтерам: – А ну, отвечайте честно и без утайки, почему вы кричали «Лагардер!»?

– Потому что Лагардер – наш командир, – ответил Карриг.

– Шевалье Анри де Лагардер?

– Да.

– Наш Маленький Парижанин! Наше сокровище! – заворковал Галунье, у которого даже глаза увлажнились.

– Минутку, – остановил его Плюмаж. – Тут нужно разобраться. Мы оставили Лагардера в Париже, он служил в гвардейской легкой кавалерии.

– Лагардеру наскучила эта служба, – сообщил Карриг. – Он оставил себе только мундир и сейчас командует в этой долине ротой королевских волонтеров.

– Раз так, – приказал гасконец, – всем шпаги в ножны! Сын человеческий! Друзья Маленького Парижанина – наши друзья, и сейчас мы вместе выпьем за первую в мире шпагу.

– Согласен! – сказал Карриг, понявший, что его отряд легко отделался.

Господа королевские волонтеры торопливо вкладывали шпаги в ножны.

– А хотя бы извинения мы получим? – осведомился гордый, как все кастильцы, Пепе Убийца.

– Дружок, ежели у тебя так горит душа, ты получишь удовлетворение, сразившись со мной, – отвечал Плюмаж. – Что же касается этих господ, они под моим покровительством. За стол! Эй, вина! Я ошалел от радости! – И он протянул Карригу свой стакан со словами: – Имею честь представить вам моего помощника Галунье, который, не в обиду будь вам сказано, намеревался научить вас пляске, о какой вы даже и представления не имеете. Он, как и я, преданный друг де Лагардера.

– И гордится этим, – добавил брат Галунье.

– Что же до этих господ, – продолжал гасконец, – уж вы простите им их дурное настроение. Они приготовились разделаться с вами, мои храбрецы, а я вырвал у них кусок изо рта, опять же не в обиду будь вам сказано. Выпьем!

Все выпили. Последние слова Плюмажа польстили его друзьям, а господа королевские волонтеры, похоже, сделали вид, будто не заметили их, и не выразили обиды. И то сказать, они избавились от изрядной взбучки.

И пока толстуха пошла в погреб за холодным вином, остальные вынесли на лужайку столы, скамейки и табуреты, поскольку зальчик «Адамова яблока» оказался слишком мал для столь воинственной компании.

Вскорости все, вполне довольные, расселись за столами.

– Поговорим о Лагардере! – предложил Плюмаж. – Это ведь я дал ему первые уроки обращения со шпагой. Ему не было еще и шестнадцати, но какие надежды он подавал!

– Сейчас ему чуть больше восемнадцати, – сказал Карриг, – и, Бог свидетель, он их оправдал.

Виртуозы фехтования невольно прониклись интересом к герою, о котором им уже прожужжали уши. Они слушали, и ни у одного из них не возникло желания встретиться с ним иначе как за столом.

– Так, говорите, он оправдал надежды? – воодушевившись, продолжал Плюмаж. – Семь смертных грехов! И конечно, он все так же красив и так же бесстрашен как лев!

– Все так же счастлив с прекрасным полом! – пролепетал Галунье, залившись краской до кончиков ушей.

– Такой же ветреник, – бросил гасконец, – такой же сумасброд!

– Укротитель наглецов, защитник слабых!

– Буйн, гроза мужей!

Наши два друга чередовались, как пастухи Вергилия: *Arcades ambo*¹⁷.

– А какой игрок!

– А как он швырял золотом!

– Скопище всех пороков, ризы Господни!

– Средоточие всех добродетелей!

– Само безрассудство!

– А сердце, сердце – золотое!

Последнее слово все же принадлежало Галунье. Плюмаж с чувством расцеловал его.

– За здоровье Маленького Парижанина! За здоровье де Лагардера! – вскричали они в один голос.

Карриг и его люди с энтузиазмом подняли кубки. Пили стоя. Учителям фехтования пришлось тоже встать.

---

¹⁷ Оба аркадцы (лат.) – Вергилий, «Буколики», VII, 1–5. Употребляется в смысле «два сапога пара», «оба друг друга стоят».

– Но, черт побери, объясните хотя бы, кто такой этот ваш Лагардер! – потребовал маленький бретонец Жоэль де Жюган, поставив на стол кубок.

– У нас от него уже в ушах звенит, – заявил Сальданья. – Кто он? Откуда появился? Чем занимается?

– Голубь мой, – отвечал Плюмаж, – он дворянин под стать самому королю. А появился он с улицы Круа-де-Пти-Шан. Чем занимается? Проказничает. Вы удовлетворены? А ежели хотите услышать поподробнее, тогда налейте.

Галунье наполнил ему стакан, и гасконец после недолгого сосредоточенного молчания начал рассказ:

– Ничего чудесного в этой истории нет, верней, когда рассказываешь, все выглядит просто. Это надо было видеть. Что до его происхождения, я сказал: он благородней короля, и буду стоять на этом, но на самом-то деле никому не известно, кто его отец и мать. Когда я повстречался с ним, ему было лет двенадцать, а произошло это в Фонтанном дворе перед Пале-Роялем. Он как раз дрался с полудюжиной уличных мальчишек, причем все они были старше его. Из-за чего? Оказывается, эти юные разбойники хотели отнять деньги у старухи, торгующей ватрушками под аркой особняка Монтеस्कье. Я спросил, как его зовут. Лагардер. Кто его родители? У него нет родителей. Кто же о нем заботится? А никто. Где он живет? На разрушенном чердаке в старом особняке де Лагардеров на углу улицы Сент-Оноре. А занятие какое-нибудь у него есть? Даже два. Он ныряет с Нового моста, дает представления в Фонтанном дворе, изображая человека без костей. Битый туз! Превосходные занятия!

Вы ведь не парижане, – сделал отступление Плюмаж, – и не знаете, что это такое – нырять с Нового моста. Париж – город зевак. Парижские зеваки бросают с Нового моста в реку серебряные монетки, а отчаянные мальчишки с опасностью для жизни прыгают за ними. Это развлекает зевак. Сын человеческий! Величайшее из всех наслаждений – отколотить палкой кого-нибудь из этих сукиных детей горожан! И стоит это недорого.

Ну а человека без костей увидеть не редкость. Но этот молодчага Лагардер делал со своим телом что хотел. Он становился то длинней, то короче, на месте рук у него оказывались ноги, а на месте ног руки, а однажды я видел, как он передразнивал причетника церкви Сен-Жермен-л'Оксерруа, у которого был горб спереди и сзади.

Короче, этот светловолосый, розовощекий мальчонка понравился мне. Я вырвал его из рук недругов и сказал: «Эй, плутишка! Хочешь пойти со мной?»

А он мне ответил: «Нет, потому что мне нужно заботиться о матушке Бернар». Матушка Бернар была старая нищенка, которая жила на разрушенном чердаке. Каждый вечер малыш Лагардер приносил ей то, что заработал, ныряя и изображая человека без костей.

Тогда я ему расписал все прелести фехтовального зала. Глаза у него загорелись, но он ответил мне с сокрушенным вздохом: «Я к вам приду, когда выздоровеет матушка Бернар».

И он ушел. Ей-богу, я о нем и думать забыл.

А через три года мы с Галунье видим, как к нам в зал входит робкий и смущенный херувимчик изрядного роста.

«Я малыш Лагардер, – объявляет он нам. – Матушка Бернар умерла».

Несколько дворян, бывших в зале, возымели охоту посмеяться над ним. Наш херувимчик покраснел, опустил глаза, разозлился, и вмиг все они оказались на полу. Истинный парижанин! Тонкий, гибкий, грациозный, как женщина, но крепкий как сталь.

Через полгода у него случилась ссора с одним из наших помощников, который позволил себе насмеяться над его талантами ныряльщика и человека без костей. Кровь Христова! Бедняге-помощнику пришлось очень худо.

А через год он играл со мной, как я играл бы с любым из господ королевских волонтеров, не в обиду им будь сказано.

Потом он завербовался в солдаты, но убил своего капитана и дезертировал. В немецкую кампанию он вступил в отряд охотников де Сен-Люка, но отбил у Сен-Люка его любовницу и дезертировал. Маршал де Виллар¹⁸ приказал ему ворваться во Фрайбург в Брайсгау; он вышел оттуда один, без команды, и привел с собой четырех здоровенных неприятельских солдат, связанных как бараны. Маршал дал ему чин корнета, а он убил своего полковника и был разжалован. Такой вот мальчонка, черт подери!

Но господин де Виллар любил его. Да и как его было не любить? Господин де Виллар послал его к королю с донесением о победе над герцогом Баденским. Там Лагардера увидел герцог Анжуйский и захотел взять его к себе в пажи. Лагардер стал пажом, и началось такое! Придворные дамы дофины чуть ли не дрались с утра до вечера за его благосклонность. Пришлось дать ему отставку из пажей.

Но судьба в конце концов улыбнулась ему, и его взяли в гвардейскую легкую кавалерию. Разрази меня гром, я не знаю, почему он оставил двор – из-за женщины или из-за мужчины. Если из-за женщины, тем лучше для нее, а если из-за мужчины – *de profundis*!¹⁹

Плюмаж умолк и залпом выпил стакан вина. Право же, гасконец вполне его заслужил. Галунье, словно поздравляя, пожал ему руку.

Солнце начало опускаться за лес. Карриг и его люди объявили, что им пора возвращаться к себе, поэтому решено было выпить напоследок за приятное знакомство, и тут Сальданья

¹⁸ Виллар, Клод Луи Эктор, герцог де (1653–1734) – французский государственный деятель и военачальник, в начале Войны за испанское наследство командовал французской армией в Германии и нанес поражение герцогу Баденскому.

¹⁹ «Из глубины...» (лат.) – начало покаянного псалма (Пс. 129: 1), который читается как отходная над покойником.

неожиданно углядел мальчика, который спускался в ров и явно старался остаться незамеченным.

Мальчику этому было лет тринадцать-четырнадцать, и выглядел он боязливым и испуганным. Одет он был, как одеваются пажы, но в его наряде не было цветов, по которым можно было бы определить, к какому дому он принадлежит; на поясе у него висела сумка нарочного.

Сальданья указал на мальчика приятелям.

– Черт возьми! – воскликнул Карриг. – Эта дичь от нас сегодня ускользнула. Недавно мы чуть лошадей не загнали, преследуя его. Губернатор Венаска завел у себя таких вот шпионов, и уж этого-то мы должны поймать.

– Правильно, – согласился гасконец, – но только не думаю, что этот юный пройдоха служит губернатору Венаска. Тут, господин волонтер, кроется кое-что другое, и эта дичь принадлежит нам, не в обиду вам будь сказано.

Всякий раз, произнося эту фразу, гасконец зарабатывал очко у своих друзей.

В ров можно было спуститься двумя путями: по проезжей дороге и по вертикальной лестнице, устроенной в самом начале моста. Поэтому решено было разделить на две группы и воспользоваться обоими путями. Когда мальчик увидел, что его окружили, он даже не попытался спастись бегством. Его рука скользнула под полукафтан.

– Пожалуйста, не убивайте меня! – закричал он. – У меня ничего нет.

Он принял наших героев за обычных разбойников. Надо сказать, таковыми они и выглядели.

– Говори правду, – обратился к нему Карриг. – Ты сегодня утром переходил через горы?

– Я? Через горы? – переспросил паж.

– Черта с два! – вступил в разговор Сальданья. – Он пришел напрямик из Аржелеса. Ведь правда, малыш?

– Из Аржелеса? – повторил мальчик.

При этом взгляд его был направлен на низкое окно под мостом.

– Битый туз! Мы вовсе не собираемся сдирать с тебя шкуру, – сказал ему Плюмаж. – Ответь, кому ты несешь это любовное письмо?

– Любовное письмо? – вновь переспросил паж.

Галунье бросил:

– Да ты, цыпленочек, похоже, родился в Нормандии.

Мальчик повторил:

– В Нормандии? Я?

– Придется его обыскать, – заключил Карриг.

– Нет! Не надо! – упав на колени, вскричал паж. – Не надо меня обыскивать, добрые люди!

Это было все равно что дуть на огонь, чтобы погасить его. Галунье задумчиво объявил:

– Он не здешний. Он не умеет врать.

– Как тебя зовут? – спросил Карриг.

– Берришон, – мгновенно ответил мальчик.

– У кого служишь?

Паж молчал. Наемные убийцы и волонтеры, окружившие его тесным кольцом, начали терять терпение. Сальданья схватил мальчишку за ворот, а остальные наперебой повторяли:

– Говори, кому ты служишь!

– Уж не думаешь ли ты, маленький смельчак, что у нас есть время играть с тобою? – осведомился Плюмаж. – Дорогуши мои, обыщите его, и покончим с этим.

И тут произошло нечто неожиданное: паж, только что выглядевший таким испуганным, решительно выхватил из-под полукафтана маленький кинжальчик, больше смахивающий на игрушку, стремительно проскочил между Фаэнцей и Штаупицем и со всех ног помчался к

восточной оконечности рва. Но брат Галунье на ярмарках в Вильдьё неоднократно выигрывал призы в состязаниях по бегу. Юный Гиппомен, благодаря своей быстроте завоевавший руку и сердце Аталанты²⁰, и тот бегал хуже него. Галунье мгновенно догнал Берришона. Однако тот яростно сопротивлялся. Сальданье он нанес царапину своим кинжальчиком, Каррига укусил, а Штаупица несколько раз сильно пнул по ноге. Однако силы были слишком неравны. Поверженный наземь Берришон уже чувствовал на своей груди чью-то тяжелую руку, как вдруг словно молния ударила в толпу преследователей, обступивших его.

Вот именно, молния!

Карриг отлетел вверх тормашками и хлопнулся наземь шагах в четырех. Сальданья, повернувшись вокруг своей оси, врезался в крепостную стену, Штаупиц взревел и рухнул на колени, как бык от удара обухом, а Плюмаж – сам Плюмаж-младший! – перекувырнулся и распластался на земле. М-да...

И все это в мгновение ока и, можно сказать, одним ударом произвел один-единственный человек.

– Ну и ну! – раздались голоса.

Вокруг неожиданного пришельца и мальчика образовался широкий круг. Но ни одна шпага не покинула ножен. Взоры всех были потуплены.

– Ах ты, мой дорогой плутишка! – пробормотал Плюмаж, поднимаясь и потирая бок.

Он был в ярости, но под усами у него невольно засияла улыбка.

– Маленький Парижанин! – дрожащим то ли от чувств, то ли от испуга голосом протянул Галунье.

Подчиненные распростертого на земле Каррига, не обращая на него внимания, почтительно прикоснулись пальцами к шляпам и выдохнули:

– Капитан Лагардер!

---

²⁰ *Аталанта (миф.)* – аркадская охотница, предлагавшая всем, кто добивался ее руки, состязаться в беге. Тех, кого обгоняла, она пронзала копьем. Гиппомен (по другому варианту, Меланипп) сумел победить ее.

V Удар Невера

Да, то был Лагардер, красавчик Лагардер, буян и сердцеед. Шестнадцать шпаг оставались в ножнах, шестнадцать вооруженных мужчин не решились оказать сопротивление восемнадцатилетнему юноше, который с улыбкой стоял, скрестив на груди руки.

Но ведь то был Лагардер!

И Плюмаж, и Галунье говорили правду и в то же время не смогли подняться до истины. Сколько бы они ни славили своего идола, а всего сказать все равно не сумели бы. Он олицетворял собою юность – юность притягательную и пленительную, юность, которую с тоской вспоминают победоносные мужи, юность, возвращения которой не купишь ни завоеванными сокровищами, ни гением, воспарившим над обыденной посредственностью, юность в ее божественном, гордом расцвете – с волнистым золотом кудрей, радостной улыбкой на устах и победительным блеском глаз!

Нередко можно услышать: «Каждый человек однажды был молод. Так стоит ли столь громогласно воспевать этот дар, которым обладал всякий живущий?»

А вы встречали людей молодых? А если встречали, то сколько? Я, например, знал двадцатилетних младенцев и восемнадцатилетних старцев. Людей же молодых я ищу. Я слышал о тех, кто *знает* и в то же время *может*, опровергая самую верную из пословиц²¹, о тех, кто, подобно благословенным апельсиновым деревьям полуденных стран, несет на себе одновременно плоды и цветы. О тех, кто в изобилии наделен всем – честью, сердцем, пылкой кровью, безрассудством, кто проходит свой недолгий срок светоносный и жаркий, как солнечный луч, щедро раздав полными горстями неистощимое сокровище своей жизни. Увы, нередко им отведен всего один день: ведь общение с толпой подобно воде, которая гасит любой огонь. И очень часто это великолепное богатство расточается ни на что, а чело, которое Бог отметил знаком незаурядности, оказывается увенчано всего лишь пиршественным венком.

Очень часто.

Это закон. У человечества в его grossбухе имеются, точь-в-точь как у мелкого ростовщика, графы прихода и расхода.

Лагардер был роста чуть выше среднего. Он не походил на Геркулеса, но тело его свидетельствовало о гибкой и грациозной силе, присущей типу парижанина, равно далекого как от тяжеловесной мускулистости северян, так и от угловатой худобы подростков с наших площадей, прославленной пошлыми водевилями. У него были чуть волнистые светлые волосы, высоко зачесанные и открывающие лоб, который свидетельствовал об уме и благородстве. Брови, равно как тонкие, закрученные вверх усы, были черные. Нет ничего изысканней подобного несоответствия, особенно если карие смеющиеся глаза освещают матовую бледность кожи. Овал лица, правильного, хотя и чуть вытянутого, римская линия бровей, твердый рисунок носа и губ – все это подчеркивало благородство его внешности, невзирая на общее впечатление бесшабашности. А жизнерадостная улыбка ничуть не противоречила горделивости, присущей человеку, носящему на бедре шпагу. Но есть нечто, что перо не способно воспроизвести, – привлекательность, изящество и юная беспечность, а также изменчивость этого тонкого, выразительного лица, способного быть преисполненным, подобно нежному лицу женщины, томности в часы любви и внушать ужас во время сражения, словно голова Медузы²².

Но это видели только те, кто был убит, и те, кто был любим Лагардером.

---

²¹ Имеется в виду французская пословица: «Если бы молодость знала, если бы старость могла».

²² *Горгона Медуза* (греч. миф.) – чудовище в виде женщины со змеями вместо волос, которая своим взглядом обращала в камень всех смотревших на нее.

На нем был щегольской мундир гвардейской легкой кавалерии, слегка уже потрепанный и поблекший, но как бы подновленный богатым бархатным плащом, небрежно закинутым на плечо. Красный шелковый шарф с золотыми кистями говорил о его ранге среди искателей приключений. Щеки его едва лишь порозовели после физических упражнений, которым он только что вынужден был предаваться.

– Стыда у вас нет! – с презрением бросил он. – Измываться над ребенком!

– Капитан... – попытался было объяснить Карриг, успевший встать на ноги.

– Молчать! А это что за головорезы?

Плюмаж и Галунье со шляпами в руках приблизились к нему.

– О! – насмешливо воскликнул он. – Мои покровители! Кой черт вас занес так далеко от улицы Круа-де-Пти-Шан?

Он протянул им руку, но с видом монарха, который милостиво соизволяет поцеловать себе кончики пальцев. Мэтр Плюмаж и брат Галунье почтительно коснулись ее. Надобно сказать, что рука эта в прежние времена частенько раскрывалась перед ними, полная золота. У покровителей не было оснований жаловаться на своего протеже.

– А остальные кто? – осведомился Анри. – Вот этого я где-то видел, – показал он на Штаупица. – Ну-ка, напomini где.

– В Кёльне, – смущенно ответил немец.

– Верно. Ты один раз уколол меня.

– А вы меня двенадцать, – смиренно признался Штаупиц.

– Ого! – продолжал Лагардер, взглянув на Сальданию и Пинто. – Парочка моих противников из Мадрида...

– Ваше сиятельство, – забормотали разом оба испанца, – то было недоразумение. Не в нашем обычае сражаться двое против одного.

– Как! Двое против одного? – воскликнул Плюмаж, гасконец из Прованса.

– А они утверждали, что не знают вас, – сообщил Галунье.

– А вот этот, – Плюмаж указал на Пепе Убийцу, – высказывал желание встретиться с вами.

Пепе заставил себя выдержать взгляд Лагардера. А Лагардер только переспросил:

– Вот этот? – (И Пепе, что-то пробурчав, опустил голову.)

– Ну а что касается этих двух храбрецов, – Лагардер кивнул на Пинто и Сальданию, – я в Мадриде представлялся только по имени Анри... Господа, – обратился он к мастерам фехтования, делая жест, имитирующий укол шпагой, – я вижу, что со всеми вами я в той или иной мере знаком. Кстати, вот этому молодцу я как-то раскроил череп оружием, распространенным у него на родине.

Жоэль де Жюган потер висок.

– Да, и осталась отметина, – буркнул он. – Палкой вы орудуете как бог, это уж точно.

– Так что, друзья мои, со мной никому из вас не повезло, – продолжал Лагардер. – Но сегодня противник у вас был куда слабее. Подойди ко мне, дитя мое.

Берришон исполнил его приказ.

Плюмаж и Карриг заговорили разом, пытаясь объяснить, почему они хотели обыскать пажа, но Лагардер велел им замолчать.

– Что ты тут делаешь? – спросил он у мальчика.

– Вы человек добрый, и я не стану вам врать, – отвечал Берришон. – Я принес письмо.

– Кому?

Берришон с секунду молчал, и взгляд его скользнул по окну под мостом.

– Вам, – наконец сказал он.

– Давай сюда.

Мальчик вытащил из-за пазухи конверт и подал Лагардеру, после чего поднялся на цыпочки и шепнул ему на ухо:

– Я должен передать еще одно письмо.

– Кому?

– Даме.

Лагардер бросил ему свой кошелек.

– Ступай, малыш, – сказал он, – никто тебя не тронет.

Мальчик убежал и вскоре скрылся за поворотом во рву. Лагардер распечатал письмо.

– А ну, расступись! – приказал он, видя, каким тесным кругом обступили его волонтеры и мастера шпаги. – Вскрывать адресованные мне письма я предпочитаю в одиночестве.

Все послушно отступили.

– Bravo! – вскричал Лагардер, пробежав первые строчки. – Такие письма мне нравятся! Именно этого я и ждал. Убей меня бог, этот Невер – учтивейший дворянин!

– Невер! – пронеслось среди наемных убийц.

– Что? Что? – разом воскликнули Плюмаж и Галунье.

Лагардер направился к столам.

– Сначала промочим горло, – сказал он. – Я безумно рад. Хочу вам рассказать одну историю. Садись, мэтр Плюмаж, здесь, а ты, брат Галунье, сюда. Остальные могут устраиваться, кто где хочет.

Гасконец и нормандец, гордые таким отличием, уселись справа и слева от своего идола. Анри де Лагардер осушил кубок и сообщил:

– Надобно вам знать, что я изгнан и покидаю Францию.

– Изгнан? – ахнул Плюмаж.

– Когда-нибудь мы еще увидим, как его вздернут, – с искренней скорбью в голосе пробормотал Галунье.

– За что же вас изгнали?

К счастью, этот вопрос заглушил дерзкие, хотя и вызванные искренней любовью слова Амабля Галунье. Лагардер не спускал фамильярности.

– Вы знаете верзилу де Белиссана? – осведомился он.

– Барона де Белиссана?

– Бретера Белиссана?

– Покойного Белиссана, – уточнил бывший королевский гвардеец.

– Он мертв? – раздалось несколько голосов.

– Да, я его убил. Чтобы взять меня в эскадрон легкой кавалерии, король, как вы знаете, пожаловал мне дворянство. Я обещал вести себя осмотрительно и полгода был тише воды ниже травы. Обо мне почти что забыли. Но однажды вечером этот Белиссан решил дать взбучку какому-то бедному дворянчику из провинции, у которого даже усы еще не выросли.

– Вечно одно и то же, – вздохнул Галунье. – Прямо странствующий рыцарь какой-то.

– Помолчи, дорогуша, – шепнул ему Плюмаж.

– Я подошел к Белиссану, – продолжал рассказ Лагардер, – а поскольку я пообещал королю, когда его величество пожаловал мне титул шевалье, никому никогда не бросать никаких оскорблений, я просто-напросто выдрал барона за уши, как это делают в школе с проказниками. Ему это не понравилось.

– Я думаю, – пробормотал кто-то.

– Он нагрубил мне и за Арсеналом получил то, что ему уже давно причиталось: я парировал его выпад и проткнул насквозь.

– Ах, малыш! – воскликнул Галунье, забыв, что времена изменились. – У тебя здорово получается этот чертов удар с отбоем рапиры!

Лагардер расхохотался. Но вдруг в сердцах яростно ударил о стол оловянным кубком. Галунье решил, что пропал.

– И вот справедливость! – вскричал Лагардер, даже не взглянув на нормандца. – Мне должны были бы дать награду за то, что одним волком стало меньше, а меня осудили на изгнание.

Достойнейшее собрание единодушно согласилось, что это возмутительно. Плюмаж выругался и объявил, что в таком случае в этой стране не стоит надеяться на расцвет искусства фехтования.

– Что ж, я покорился. Я уезжаю. Мир велик, и я дал себе клятву, что сумею прожить где угодно. Но прежде чем пересечь границу, я решил позволить себе прихоть, нет, две: дуэль и любовное приключение. Так я решил попрощаться с прекрасной Францией.

– Расскажите, господин шевалье! – попросил Плюмаж.

– Скажите-ка, храбрецы, – спросил, вместо того чтобы исполнить просьбу Плюмажа, Лагардер, – вам, случайно, не доводилось слышать про удар господина де Невера?

За столом зашумели.

– Да мы только что говорили о нем, – сообщил Галунье.

– И каково же ваше мнение?

– Мнения разделились. Одни говорят: «Чушь!» Другие полагают, что мэтр Делапальма продал герцогу удар или серию ударов, которым тот может кого угодно поразить в лоб между глазами.

Лагардер задумался и вновь задал вопрос:

– А что вы, которые всех превзошли по части фехтования, вообще думаете о секретных ударах?

Единодушное мнение было таково: секретные удары – это для простаков, любой удар можно отразить с помощью всем известных приемов.

– Вот и я так думал, – промолвил Лагардер, – пока не имел чести сойтись с господином де Невером.

– А сейчас? – раздалось со всех сторон, поскольку каждого это крайне живо интересовало: возможно, через несколько часов Невер своим знаменитым ударом отправит некоторых из них к праотцам.

– А сейчас, – ответил Анри де Лагардер, – дело другое. Вы только представьте: этот чертов удар долго не давал мне покоя. Честью клянусь, я заснуть из-за него не мог. Добавьте к этому, что о Невере все только и говорили. После его возвращения из Италии я повсюду, в любое время дня слышал одно: Невер! Невер! Невер самый красивый! Невер самый отважный!

– Уступая лишь одному человеку, которого мы прекрасно знаем, – прервал его брат Галунье.

На сей раз его высказывание встретило всецелое одобрение Плюмажа.

– Невер здесь, Невер там! – продолжал Лагардер. – Лошади Невера, земли Невера, оружие Невера! Его остроты, его удачливость в игре, перечень его любовниц... И вдобавок ко всему его секретный удар! Дьявол и преисподняя! Мне это уже осточертело. Однажды вечером мой трактирщик подал мне котлеты а-ля Невер. Я вышвырнул тарелку в окно и ушел, не поужинав. Возвращаясь домой и на пороге сталкиваюсь с моим сапожником, который принес мне сапоги по последней моде: сапоги а-ля Невер. Я его вздул, и это обошлось мне в десять луидоров, которые я швырнул ему в физиономию. Так этот негодяй заявил мне: «Господин де Невер однажды поколотил меня, но дал за это сто пистолей!»

– Ого! – задумчиво протянул Плюмаж.

По лбу у Галунье стекали струйки пота, так он переживал из-за терзаний своего дорогого Маленького Парижанина.

– И тут я понял, – решительно произнес Лагардер, – что скоро сойду с ума. Этому надо было положить конец. Я вскочил на коня и поскакал к Лувру, чтобы дожидаться, когда он выйдет из дворца. Он вышел, и я обратился к нему по имени.

«В чем дело?» – осведомился он.

«Герцог, – ответил я, – я крайне надеюсь на вашу учтивость. Не могли бы вы при свете луны продемонстрировать мне ваш секретный удар?»

Он посмотрел на меня так, что я подумал, уж не принял ли он меня за беглеца из сумасшедшего дома.

Но нет, он все-таки спросил:

«Кто вы?»

«Шевалье Анри де Лагардер, – ответил я. – Его величество великодушно взял меня в легкую конницу, а до того я был корнетом у де Лаферте, прапорщиком у де Конти, капитаном в Наваррском полку, но всякий раз по собственной глупости оказывался разжалован».

«А-а, – протянул он, спешившись, – так вы красавчик Лагардер? Я столько про вас слышал, что это мне уже надоело».

И мы дружно, рядом направились к церкви Сен-Жермен-л'Оксерруа.

«Если вы, – начал я, – считаете меня недостаточно благородным, чтобы помериться со мной силой...»

Он был очарователен, нет, право, очарователен. Тут я должен отдать ему должное. Вместо ответа он ткнул меня шпагой между бровей, да так лихо, так чисто, что, не отпрыгни я вовремя назад туза на три, лежать бы мне в земле.

«Вот вам мой удар», – бросил он.

Я от всего сердца поблагодарил его, и это было самое лучшее, что я мог сделать.

«Еще один урок, если вас не затруднит», – попросил я.

«К вашим услугам», – согласился он.

Черт подери! И на сей раз он кольнул меня в лоб. Меня, Лагардера!

Наемные убийцы встревоженно переглянулись. Оказывается, удар Невера – не выдумка, а впрямь страшная штука.

– И вы так ничего не поняли? – робко, но настойчиво поинтересовался Плюмаж.

– Да нет, черт возьми, я видел там финту, да только отразить не успевал! – воскликнул Лагардер. – Этот человек стремителен, как молния.

– И чем же все кончилось?

– Сами знаете, разве стража даст мирным людям спокойно побеседовать? Появился ночной караул. Мы с герцогом расстались добрыми друзьями, дав друг другу обещание как-нибудь встретиться, чтобы я мог взять реванш.

– Раны Христовы! – вскричал Плюмаж, который гнул свое. – Да ведь он опять достанет вас этим ударом.

– Вот уж дудки! – усмехнулся Лагардер.

– Так вы знаете секрет?

– А как же! Я постиг его в тиши кабинета.

– И что же?

– Пустяк, детская забава.

Виртуозы рапиры облегченно вздохнули. Плюмаж вскочил.

– Господин шевалье, – обратился он к Лагардеру, – если вы еще помните о тех жалких уроках, что я с таким удовольствием давал вам, вы не откажете мне в просьбе. Ведь не откажете?

Лагардер машинально полез в карман, но брат Галунье с достоинством остановил его:

– Нет-нет, мэтр Плюмаж просит вас вовсе не о том.

– Что ж, я не забыл, – ответил Лагардер. – Чего ты хочешь?

– Научите меня этому удару.

Лагардер тотчас же встал.

– Ну конечно же, старина Плюмаж, – согласился он. – Это же по твоей профессии.

Они встали в позицию. Волонтеры и наемные убийцы окружили их. Правда, в отличие от первых, вторые смотрели во все глаза.

– Черт возьми! – удивился Лагардер, когда его шпага соприкоснулась со шпагой Плюмажа. – Экий ты стал слабый! Значит, так, отбиваешь терцей, прямой удар с отворотом! Парируешь! Прямой удар, глубокий выпад... парируешь прямой, и быстрый ответный удар, шпага вдоль шпаги противника и между глаз!

Каждое слово он сопровождал соответствующим движением.

– Силы небесные! – ахнул Плюмаж, отпрыгнув в сторону. – У меня в глазах миллион свечей вспыхнули! Ну а как отразить его? – задал он вопрос, вновь становясь в позицию. – Отразить-то как?

– Да, как? – жадно зашумели его сотоварищи.

– Проще простого, – бросил Лагардер. – Ты готов? Терца, тут же в прежнюю позицию... прима, еще прима! Отклоняешь его шпагу и удерживаешь! Все!

Лагардер вложил шпагу в ножны. Галунье от имени всех рассыпался в благодарностях.

– Ну как, друзья, уловили? – поинтересовался Плюмаж, стирая со лба пот. – Ах, каков мальчик наш Парижанин!

Наемные убийцы закивали, а Плюмаж, усаживаясь, пробормотал:

– Это может пригодиться.

– И пригодится прямо сегодня, – заметил Лагардер, наливая себе вина.

Все взоры обратились к нему. Он маленькими глотками осушил кубок, после чего неспешно развернул письмо, которое вручил ему паж.

– Я, кажется, говорил вам, что господин де Невер обещал мне реванш?

– Да, но...

– Я решил покончить с этим делом, прежде чем отправлюсь в изгнание. Я написал господину де Неверу, который, как я узнал, живет в своем замке в Беарне. Это письмо – ответ господина де Невера.

Все с еще большим удивлением воззрились на него.

– Невер все так же мил, – продолжал Лагардер. – Да, чертовски мил! Он благороднейший дворянин в полном смысле слова, и, когда я сражусь с ним и отведу душу, я готов любить его как брата. Он согласился на все мои условия: время, место...

– И когда же вы встречаетесь? – с тревогой осведомился Плюмаж.

– Когда стемнеет.

– Сегодня?

– Да, сегодня.

– И где?

– Во рву замка Келюс.

Воцарилось молчание. Галунье приложил палец к губам. Его компаньоны старались сохранять спокойствие.

– Почему вы избрали это место? – продолжал выспрашивать Плюмаж.

– Это уже другая история, – усмехнулся Лагардер, – моя вторая прихоть. Чтобы убить время до отъезда, я имел честь принять командование над этими храбрецами-волонтерами и постоянно слышал, что старый маркиз де Келюс – самый искусный тюремщик на свете. Надо отдать ему должное, он выказал незаурядный талант, чтобы заслужить прозвище Келюс На Засове. А в прошлом месяце на празднике в Тарбе мне удалось увидеть его дочку Аврору. Клянусь честью, она прекрасна! Так вот, после встречи с господином де Невером я намерен немножко утешить прелестную затворницу.

– Капитан, а ключ от тюрьмы у вас есть? – махнув в сторону замка, спросил Карриг.

– Я уже столько крепостей взял приступом, – улыбнулся Маленький Парижанин, – что и сюда войду – через ворота, через окно, через трубу, короче, пока еще не знаю как, но войду.

Солнце уже скрылось за лесом Эн. Смеркалось. В нескольких окнах замка загорелся свет. Из рва вынырнула темная фигура. То был юный паж Берришон, надо полагать исполнивший данное ему поручение. Сворачивая на тропу, ведущую в лес, он издали поклонился своему спасителю Лагардеру.

– Что ж вы, негодяи, не смеетесь? – удивился Маленький Парижанин. – Вам что, не кажется забавным это приключение?

– Напротив, – возразил брат Галунье, – слишком забавным.

– Я хотел бы знать, – крайне серьезным тоном осведомился Плюмаж, – упоминали ли вы про мадемуазель де Келюс в своем письме Неверу?

– Черт возьми, разумеется. Мне пришлось написать обо всем. Должен же я был объяснить, почему предлагаю для встречи столь удаленное место.

Наемные убийцы переглянулись.

– Что такое? В чем дело? – удивился Лагардер.

– Мы думаем, – вступил в разговор Галунье, – что весьма кстати оказались здесь, поскольку можем быть вам полезными.

– Совершенно верно, – подтвердил Плюмаж, – мы можем поддержать вас.

Лагардер расхохотался: уж очень нелепым показалось ему это предложение.

– Вы не станете так смеяться, господин шевалье, – напыщенно обратился к нему гасконец, – когда я вам кое-что сообщу.

– Ну, давай выкладывай.

– Невер приедет не один.

– Экий вздор! С чего бы это?

– После того, что вы написали ему, ваша встреча перестает быть забавой. Одному из вас сегодня ночью придется умереть. Невер – муж мадемуазель де Келюс.

Плюмаж-младший ошибался, думая, что Лагардер после сообщения не станет смеяться. Напротив, он рассмеялся от всей души.

– Браво! – вскричал он. – Тайный брак! Прямо-таки испанский роман! Дьявол и преисподняя! Вот это называется повезло! Я даже не смел надеяться, что мое последнее приключение так обернется!

– И подумать только, таких людей у нас изгоняют! – с искренней скорбью пробормотал брат Галунье.

VI

Низкое окно

Ночь обещала быть темной. Мрачный силуэт замка Келюс смутно рисовался на фоне неба.

– Богом живым заклинаю вас, шевалье, – промолвил Плюмаж, когда Лагардер застегнул пряжку пояса со шпагой, – отбросьте ложную гордость. Согласитесь на нашу помощь в этом бою, который явно будет неравным.

Лагардер пожал плечами. Галунье сзади тронул его за руку.

– Не могу ли я быть полезным, – изрядно зардевшись, проямлил он, – в вашем галантном предприятии?

«Практическая мораль», основываясь на мнении некоего древнегреческого философа, утверждает, что ежели человек способен краснеть, значит он добродетелен. Брат Галунье заливался краской сверх всякой меры, однако начисто был лишен добродетели.

– Черт побери, друзья! – возмутился Лагардер. – Я привык улаживать свои дела сам, и вы прекрасно это знаете. А вот, кстати, и наша смуглянка. Выпьем на прощанье, и убирайтесь отсюда. Это единственная услуга, которой я прошу у вас.

Волонтеры направились к коновязи, но виртуозы шпаги не шелохнулись. Плюмаж отвел Лагардера в сторону.

– Провалиться мне на этом месте, шевалье, – смущенно начал он, – я с радостью дам себя убить за вас, как пес, но...

– Что еще за «но»?

– Вы же понимаете, у каждого свое ремесло. Мы не можем уйти отсюда.

– Да? Почему же?

– Потому что мы тоже кое-кого тут ждем.

– Вот как? И кто же этот «кое-кто»?

– Не гневайтесь, но это Филипп де Невер.

Лагардер вздрогнул.

– Ах вот что... – протянул он. – А почему вы ждете здесь господина де Невера?

– По поручению одного достойного дворянина.

Плюмаж не успел договорить. Лагардер, как клещами, сжал его запястье.

– Засада! – вскричал он. – И ты посмел мне в этом признаться!

– Я хочу заметить... – начал было брат Галунье.

– Молчать, негодяй! Я запрещаю вам – вы поняли? – запрещаю даже пальцем касаться Невера, иначе вы будете иметь дело со мной! Невер принадлежит мне. Если ему суждено умереть, он умрет от моей руки в честном бою. Но не от вашей... пока я жив!

Лагардер выпрямился во весь рост. Надо отметить, что в гневе голос у него не дрожал, а становился еще звонче. Наемные убийцы в нерешительности переминались вокруг него.

– Так вот почему вы просили показать удар Невера, – протянул он, – и я... Карриг!

Тот немедленно подошел вместе со своими людьми, которые держали под уздцы навьюченных фуражом лошадей.

– Позор! – объявил Лагардер. – Позор, что мы пили с такими людьми!

– О, это слишком сурово! – вздохнул Галунье, и глаза его увлажнились.

Плюмаж-младший мысленно ругался, повторяя все известные ему проклятия, которые родились на земле двух плодороднейших в этом смысле провинций – Гаскони и Прованса.

– По коням и в галоп! – скомандовал Лагардер волонтерам. – Мне никто не нужен, чтобы разобратся с этими мерзавцами.

Карриг и его люди, уже отведавшие рапир учителей фехтования, с удовольствием подчинились, решив, что куда приятнее дышать свежим воздухом где-нибудь подальше от этого места.

– А вы – вон отсюда, да поживей! – продолжал Лагардер. – А не то я вам преподам еще один урок фехтования, только поосновательней!

С этими словами он обнажил шпагу. Плюмаж и Галунье вынудили отступить сотоварищей, которые, видя свое численное превосходство, выказали поползновение взбунтоваться.

– Чем нам плохо, – уговаривал их Галунье, – ежели ему невтерпеж сделать за нас нашу работу?

Да, немного сыщется нормандцев, которые были бы столь же сильны в логике, как брат Галунье.

Короче, наемные убийцы согласились удалиться.

Правда, в это время шпага Лагардера со свистом рассекала воздух.

– Ризы Господни! – буркнул Плюмаж, открывавший ретираду. – Только не подумайте, шевалье, что мы испугались, мы просто уступаем вам место.

– Чтобы сделать вам приятное, – добавил Галунье. – Прощайте.

– Пошли к черту! – бросил Лагардер, повернувшись к ним спиной.

Фуражиры ускакали, наемные убийцы растаяли в темноте за оградой кабачка, и никто из них не подумал заплатить. Правда, брат Галунье на ходу запечатлел два нежных поцелуя на ланитах толстухи, когда та потребовала денег за выпитое.

Расплатился за всех Лагардер.

– Красавица, – велел он, – закрой все ставни и задвинь засовы. В вашем доме все должны спать как убитые, что бы ни произошло этой ночью во рву. Эти дела вас не касаются.

Толстуха в точности исполнила его совет.

Ночь была темная, безлунная и беззвездная. Коптящая лампадка, что горела в нише у ног статуи Пресвятой Девы при въезде на мост, рассеивала мрак на расстоянии не более десяти шагов. А уж во рву ее свет вообще не был виден, так как его закрывало полотнище моста.

Лагардер остался один. Топот конских копыт заглох вдали. Луронская долина тонула в непроницаемой тьме, и лишь кое-где красноватый огонек свидетельствовал: здесь стоит хижина пахаря, там жилище пастуха. Изредка порыв ветерка доносил жалобное позвякивание коровьих ботал да журчанье горной речушки Аро, что сливается у подножия Ашаза с Кларабидой.

– Негодяи! Восьмером против одного! – бормотал Маленький Парижанин, шагая по дороге, по которой спускаются в ров телеги. – Это же убийство! Ну, разбойники! Одно это может отбить охоту носить шпагу.

Тут он споткнулся о копешку сена, которую не забрали фуражиры Каррига.

– Черт возьми, – пробормотал Лагардер, отряхивая плащ, – а об этом-то я не подумал! Паж может предупредить Невера, что тут собралась шайка головорезов, и он не придет, наша встреча не состоится. Дьявол и преисподняя! Но если так будет, завтра же я прикончу этих восьмерых мерзавцев.

Он спустился под мост. Его глаза уже привыкли к темноте.

Фуражиры очистили довольно большое пространство напротив низкого окна, как раз там, где сейчас стоял Лагардер. Он огляделся и подумал, что тут самое подходящее место поиграть шпагой. Но думал он не только об этом. Ему не давала покоя мысль, как пробраться в этот неприступный замок. Черт бы побрал героев, не желающих обратить во благо свои беспредельные силы! Стены, запоры, охрана – да красавчик Лагардер плевал на них! Он никогда бы не согласился на приключение, отсутствуя в нем хотя бы одно из вышепоименованных препятствий.

«Проведем разведку на местности, – мысленно сказал он себе. – Герцог будет в ярости, когда набросится на нас, так что нам придется держаться. Что за ночь! Ей-богу, придется фехтовать наугад. Тут черта с два увидишь кончик шпаги».

Лагардер стоял у подножия стены. Громада замка возносилась над его головой, и на фоне неба рисовалась черная арка моста. Взбираться на эту стену с помощью кинжала – целой ночи не хватит. Ощупывая камни, Лагардер дошел рукой до окна.

– Отменно! – воскликнул он. – Да, а что же я скажу этой гордой красавице? О, я представляю себе гневный блеск ее черных очей, надменно сдвинутые брови...

И он с удовлетворением потер руки.

– Превосходно! Превосходно! Я скажу ей... Надо придумать что-нибудь совершенно необыкновенное. Значит, скажу ей... Черт побери! Ладно, не будем насиловать дар красноречия. А это что? – вдруг насторожился он. – Нет, право же, этот Невер страшно мил!

Лагардер прислушался. До него долетел какой-то шум.

И это был шум шагов. По краю рва шли дворяне, поскольку слышался серебряный звон шпор.

«Неужто мэтр Плюмаж оказался прав, – подумал Лагардер, – и герцог пришел не один?»

Звук шагов прекратился. Лампадка, горящая у въезда на мост, осветила двух человек, закутанных в широкие плащи. Можно было догадаться, что они всматриваются в темный ров.

– Я никого не вижу, – тихо произнес один.

– Там, внизу, у окна, – сказал второй. И он негромко позвал: – Плюмаж!

Лагардер не шелохнулся.

– Фаэнца! – вновь окликнул второй собеседник. – Это я, господин де Пероль.

«Кажется, мне знакомо имя этого прохвоста», – подумал Лагардер.

Пероль позвал в третий раз:

– Галунье! Штаупиц!

– А вдруг он не из наших? – пробормотал его спутник.

– Исключено, – отозвался Пероль. – Я распорядился оставить здесь караульного. Да это же Сальданья, я узнал его... Сальданья!

– Я, – откликнулся Лагардер на всякий случай с испанским акцентом.

– Ну вот, видите! – обрадовался Пероль. – Я был совершенно уверен. Давайте спустимся. Сюда... Вот лестница.

Лагардер подумал:

«Попробуем сыграть в этой комедии».

Оба спустились вниз. Спутник Пероля был высок и довольно дороден. Лагардеру показалось, что в его речи слышится затаенная итальянская мелодичность.

– Говорите тише, – промолвил он, осторожно спускаясь по узкой, отвесной лестнице.

– Бесполезно, монсеньор, – отозвался Пероль.

«Ах вот как, значит, он монсеньор», – отметил Лагардер.

– Да, бесполезно, – продолжал Пероль, – этим прохвостам известно, кто им платит.

«А мне вот неизвестно, – подумал Лагардер, – но очень бы хотелось знать».

– Мне пришлось им сказать, – объяснил Пероль. – Они ни в какую не желали поверить, что это маркиз де Келюс.

«А вот это уже ценные сведения, – отметил мысленно Лагардер. – Явно я имею дело с двумя совершенными негодьями».

– В церкви был? – спросил монсеньор.

– Я пришел слишком поздно, – сокрушенным тоном сообщил Пероль.

Монсеньор гневно топнул ногой.

– Растяпа! – бросил он.

– Я сделал все, что мог, монсеньор. Я нашел церковную книгу, в которой дон Бернар сделал запись о бракосочетании мадемуазель де Келюс с герцогом де Невером и о рождении их дочери.

– И что же?

– Страницы с этими записями оказались вырваны.

Лагардер весь обратился в слух.

– Значит, нас опередили, – раздраженно заключил монсеньор. – Но кто? Аврора? Да, вероятней всего, Аврора. Она надеется сегодня ночью увидиться с Невером и передать ему вместе с ребенком бумаги, подтверждающие его происхождение. Марта не могла мне об этом сказать, потому что не знала, но я сам догадался.

– Да какое это имеет значение, – заметил Пероль. – Мы нашли выход. Невер умрет и...

– Невер умрет, – прервал его монсеньор, – и наследство получит ребенок.

Оба они замолчали. Лагардер затаил дыхание.

– В таком случае ребенок... – полушепотом начал Пероль.

– Ребенок исчезнет, – не дал ему договорить тот, кого титуловали монсеньором. – Я предпочел бы избежать подобной крайности, но и она меня не остановит. Что собой представляет этот Сальданья?

– Законченный негодяй.

– На него можно положиться?

– Если хорошо заплатить, да.

Монсеньор задумался.

– Я предпочел бы, чтобы в это дело были посвящены только мы с тобой, – промолвил он, – но ни ты, ни я не сможем сойти за Невера.

– Да, вы гораздо выше его, – согласился Пероль, – а я слишком худ.

– Тут темно, как в печи, – задумчиво произнес монсеньор, – а этот Сальданья примерно того же роста, что герцог. Позови-ка его.

– Сальданья! – окликнул Пероль.

– Я! – вновь отозвался Лагардер.

– Подойди к нам.

Лагардер подошел. Он поднял воротник плаща, а широкие поля шляпы скрывали его лицо.

– Хочешь получить полсотни пистолей сверх своей доли? – спросил его монсеньор.

– Полсотни пистолей? – переспросил Маленький Парижанин. – Что нужно сделать?

Говоря это, он пытался разглядеть лицо незнакомца, но тот укрыл его не хуже, чем он сам.

– Ты понял? – обратился монсеньор к Перолю.

– Да, – кивнул тот.

– Одобряешь?

– Вполне. Но нужно знать пароль.

– Марта мне его сказала. Это девиз Неверов.

– *Adsum?* – уточнил Пероль.

– Он обыкновенно произносит его по-французски: «*Я здесь!*»

– Я здесь, – произвольно повторил Лагардер.

– Ты тихонько произнесешь эти слова под окном, – сказал неизвестный, наклоняясь к Лагардеру. – Ставни откроются, и за решеткой – она на петлях – покажется женщина. Она заговорит с тобой, но ты будешь нем и приложишь палец к губам. Ясно?

– Чтобы дать ей понять, что за нами следят? Да, ясно.

– А он неглуп, этот парень, – пробормотал неизвестный и продолжал наставления. – Женщина подаст тебе некий сверток, ты молча примешь его и отнесешь мне.

– И вы отсчитаете мне полсотни пистолей?

– Совершенно верно.

– Я весь к вашим услугам.

– Тсс! – шепнул господин де Пероль.

Все трое прислушались. Откуда-то издалека, с полей, донесся шум.

– Расходимся, – сказал монсеньор. – Где твои друзья?

Лагардер не раздумывая махнул рукой туда, где ров заворачивал к Ашазу.

- Там, – сообщил он. – Затаились в засаде за копнами сена.
- Прекрасно. Пароль не забыл?
- Я здесь.
- Удачи и до скорого.
- До скорого.

Пероль и его спутник полезли вверх по лестнице, Лагардер проводил их взглядом и вытер со лба обильный пот.

– Господь, – пробормотал он, – когда я буду прощаться с жизнью, примет во внимание, что я сумел сдержаться и не проткнул этих двух негодяев шпагой. Теперь придется идти до конца. Нет, все-таки надо сперва разобраться.

Он сжал обеими руками виски, желая утихомирить взбудораженные мысли. Мы должны заверить читателей, что в эту минуту он почти не думал ни о дуэли, ни о любовном приключении.

«Что же делать? – думал он. – Взять девочку? Ведь в этом свертке, вне всяких сомнений, будет девочка. Но кому поручить ее? В здешних краях я знаю только Каррига и его головорезов, а это не самые лучшие воспитатели для маленькой барышни. И все же взять ее придется. Да, придется! В противном случае эти негодяи убьют ребенка, как собираются убить и отца. Черт побери, но я вовсе не для этого сюда пришел».

В крайнем возбуждении Лагардер расхаживал между копешками сена. На всякий случай он поглядывал на окно и прислушивался, не заскрипят ли ржавые петли ставен. И скоро услышал внутри слабый звук. Это за ставнями открылась решетка.

– *Adsum!* – раздался дрожащий женский голос.

Лагардер одним прыжком преодолел расстояние, отделявшее его от окна, и тихо ответил:

– Я здесь!

– Слава богу! – прошептала женщина.

Открылись ставни.

Ночь была темная, но глаза Лагардера уже привыкли к темноте, и в женщине, выглянувшей из окна, он безошибочно узнал Аврору де Келюс. Она была все так же прекрасна, но бледна и выглядела испуганной.

Если бы в тот миг вы напомнили Лагардеру, что он собирался тайком прокрасться в спальню этой женщины, он назвал бы вас лжецом, причем совершенно искренне.

За эти несколько минут его лихорадочная горячность куда-то испарилась. Оставаясь бесстрашным как лев, он стал осторожен. Возможно, в этот миг в нем нарождался совершенно новый человек.

Аврора всматривалась в темноту.

– Я ничего не вижу, – прошептала она. – Где вы, Филипп?

Лагардер протянул руку, и она прижала ее к сердцу. Лагардер пошатнулся. Он почувствовал, как на ладонь его капает слезы.

– Филипп, Филипп, – шептала Аврора, – вы уверены, что за вами не следят? Нас продали, предали!..

– Не падайте духом, сударыня, – пробормотал Маленький Парижанин.

– Ты ли это говоришь? – воскликнула Аврора. – О боже, я и впрямь сошла с ума! Я не узнаю твой голос.

Одной рукой она держала сверток, о котором говорили господин де Пероль и его спутник, а вторую прижимала ко лбу, словно пытаясь привести в порядок мысли.

– Мне так много нужно сказать тебе, – промолвила она. – С чего начать?

– У нас нет времени, – прошептал Лагардер, не желавший проникать в иные чужие тайны. – Поторопитесь, сударыня.

– Почему ты так холодно говоришь со мной? Почему не называешь меня Авророй? Ты сердит на меня?

– Скорей, Аврора, скорей!

– Я покоряюсь тебе, Филипп, любимый, и всегда буду покорна. Вот наша дочурка, прими ее. Здесь, рядом со мной, ей грозит опасность. Из моего письма ты должен все понять. Против нас сплели гнусный заговор.

Аврора протянула ему спящую девочку, закутанную в шелковый плащ. Лагардер молча принял ее.

– Дай мне еще раз поцеловать ее! – вскричала несчастная мать, содрогаясь от рыданий. – Дай мне ее, Филипп! О, я думала, сердце у меня сильнее! Кто знает, когда я снова увижу свою девочку?

Голос ее пресекся от слез. Лагардер увидел, как она протягивает ему что-то белое, и спросил:

– Что это?

– Ах, бедный Филипп, ты совсем забыл... Видно, ты взволнован не меньше меня. Это страницы, вырванные из церковной книги. В них все будущее моего дитя.

Лагардер молча принял бумаги. Он боялся говорить.

Бумаги были в конверте, запечатанном печатью келюсской церкви. И в этот миг из долины донесся протяжный, заунывный звук пастушьего рога.

– Это, наверно, сигнал! – воскликнула мадемуазель де Келюс. – Спасайся, Филипп, спасайся!

– Прощай! – промолвил Лагардер, решивший играть роль до конца, чтобы не разбить сердце несчастной женщины. – Не бойся, Аврора, твое дитя будет в безопасности.

Она схватила его руку, прижала к губам и стала осыпать ее жаркими поцелуями.

– Я люблю тебя! – только и сумела промолвить она, закрыла ставни и исчезла.

VII

Двое против двадцати

Да, то действительно был сигнал. Трое дозорных с пастушьими рогами были расставлены на Аржелесской дороге, по которой Невер должен был проследовать к замку Келюс, куда его призывали и умоляющее письмо молодой жены, и дерзкое послание шевалье де Лагардера.

Первый из троих должен был дать сигнал, когда де Невер переправится через Кларабиду, второй – когда он въедет в лес, а третий – когда появится на околице деревни Таррид.

На всем этом пути было немало удобных мест, чтобы совершить убийство. Но не в обычаях Филиппа Гонзаго было нападать в открытую. Он хотел скрыть свое преступление. Убийство должно было выглядеть как месть, чтобы все волей-неволей отнесли его на счет Келюса На Засове.

А красавчик Лагардер, бешеный Лагардер, неисправимый забияка, первая шпага Франции и Наварры, стоял, держа на руках спящую двухлетнюю девочку.

И можете поверить, он очень расчувствовался. Держал он ее неумело, неловко, ведь руки его привычны были к другому. Но сейчас главным для него было не разбудить малышку.

– Баю... баю... – приговаривал он.

Глаза у него увлажнились, но при этом он едва удерживался от смеха.

Готов держать пари, что никто из бывших его товарищей по легкой конной гвардии и догадаться бы не смог, чем был занят в этот миг неисправимый бретер, готовящийся отправиться в изгнание. А он в заботе о девочке ступал, внимательно глядя себе под ноги, чтобы, не дай бог, не споткнуться, не разбудить ее, и мечтал об одном – о мягкой подушке, чтобы ей было удобнее.

Уже ближе томительно и тягуче в ночном безмолвии прозвучал второй сигнал.

«Кой черт! Что все это значит?» – подумал Лагардер.

Он любовался маленькой Авророй, не решаясь ее поцеловать. Это была прелестная девочка: белое личико с нежным румянцем, длинные шелковистые ресницы, унаследованные от матери. Воистину, она была похожа на уснувшего ангелочка. Лагардер прислушивался к ее спокойному дыханию, восхищался ее безмятежным сном...

«Она так мирно спит, – говорил он себе, – меж тем как ее мать в этот миг плачет, а отец... Да, но это же все меняет. Коль уж ребенка доверили безрассудному Лагардеру, у него достанет разума защитить это дитя.

Но как она дивно спит! Интересно, какие сны могут сниться такому ангелочку? И ведь подумать, она вырастет и станет женщиной, способной пленять и, увы, страдать.

А как, должно быть, приятно заботами и нежностью завоевать любовь такого крохотного существа, подстеречь ее первую улыбку, дождаться первого поцелуя и как, должно быть, легко посвятить всего себя счастью ребенка!»

В голове его теснились еще тысячи подобных нежностей, которые не приходят большинству здравомыслящих людей, тысячи наивных ласковых слов, которые вызвали бы снисходительную улыбку у мужчин и слезы на глазах матерей. И вот из самой глубины души родилась заключительная фраза:

«А ведь я никогда не держал на руках ребенка!»

На околице деревни прозвучал третий сигнал. Лагардер вздрогнул и словно очнулся. Ему мнилось, будто он стал отцом. С задов кабачка «Адамово яблоко» донеслись торопливые звонкие шаги. Они были не похожи на шаги господ, недавно бывших здесь. Услышав их, Лагардер сказал себе:

– Это он.

Вернее всего, Невер оставил лошадь на краю леса.

Примерно через минуту Лагардер, уже догадавшийся, что звуки рога в долине сообщали о приближении Невера, увидел, как герцог прошел мимо лампы, что горела перед изваянием Пресвятой Девы.

Молодое, красивое, задумчивое лицо Невера на миг мелькнуло в свете лампы, а потом уже был виден только черный силуэт, но затем и он исчез. Невер спускался по лесенке, положенной на откосе. Оказавшись во рву, герцог выхватил шпагу, и Лагардер услышал, как он бормочет:

– Черт, тут бы не помешала парочка факельщиков.

Он шел, ничего не видя и все время спотыкаясь о копешки сена.

– Уж не вздумал ли этот проклятый шевалье поиграть со мной в жмурки? – произнес он с некоторым раздражением.

Наконец он остановился и окликнул:

– Эй, есть тут кто-нибудь?

– Я, – ответил Маленький Парижанин, – и хвала Богу, что только я.

Невер не слышал второй половины ответа. Он стремительно направился туда, откуда раздался голос.

– За дело, шевалье! – вскричал он. – Нападайте, чтобы я, по крайней мере, знал, где вы. Я не могу уделить вам слишком много времени.

Лагардер все так же укачивал девочку, которая сладко спала.

– Герцог, – начал он, – прежде нам нужно поговорить.

– После письма, которое вы мне прислали, об этом и речи быть не может! – отрезал герцог. – А, я вижу вас! Защищайтесь, шевалье!

Лагардер и не думал защищаться. Его шпага, которая обычно сама вылетала из ножен, сейчас, казалось, спала, точь-в-точь как младенец у него на руках.

– Когда сегодня утром я отправлял вам письмо, – сказал он, – я не знал того, что узнал вечером.

– А, я вижу, мы не любим сражаться наугад, – с насмешкой бросил герцог. И, подняв шпагу, он сделал шаг вперед. Лагардеру пришлось выхватить свою, но он попросил:

– Выслушайте меня!

– Чтобы вы еще раз оскорбили мадемуазель де Келюс, да?

Голос герцога дрожал от гнева.

– Нет, клянусь вам, нет! Я хочу вам сказать... Черт побери, – воскликнул Лагардер, отражая первую атаку Невера, – да осторожнее вы!

Взбешенный Невер решил, что противник смеется над ним. Он порывисто ринулся на противника, нанося удар за ударом со сверхъестественной стремительностью, делавшей его таким опасным бойцом. Поначалу Лагардер парировал их, не отступая. Но в конце концов утомился, стал пятиться и, отбивая вправо либо влево шпагу герцога, неизменно повторял:

– Выслушайте меня! Выслушайте меня! Выслушайте меня!

– Нет! Нет! Нет! – отвечал герцог, сопровождая каждый отказ глубоким выпадом.

Пятясь, Лагардер почувствовал, что прижат к стене. Он слышал, как в ушах у него глухо стучит кровь. Столько времени сдерживать себя и не нанести хороший удар – вот истинный героизм!

– Вы выслушаете меня? – спросил он в последний раз.

– Нет!

– Но вы же видите, что мне некуда отступать! – с отчаянным выражением, прозвучавшим в данной ситуации несколько комично, воскликнул Лагардер.

– Тем лучше! – отрезал герцог.

– Дьявол и преисподняя! – закричал Маленький Парижанин на пределе терпения и возможности парировать удары. – Неужто вам нужно расшибить башку, чтобы не дать убить собственного ребенка?

Эти слова прозвучали как удар молнии. Шпага выпала из рук Невера.

– Моего ребенка? – повторил он. – Моя дочка у вас?

Лагардер завернул свою драгоценную ношу в собственный плащ. Невер же в темноте полагал, что Маленький Парижанин пользуется плащом, обернутым вокруг левой руки, в качестве своеобразного щита. Так делали многие. И теперь при мысли, что одним из своих неистовых, наносимых наудачу ударов он мог поразить собственное дитя, кровь застыла в жилах молодого герцога. Своею шпагой он мог...

– Шевалье, – промолвил он, – вы безумец, как я и как многие другие, но ваше безумие – это честь и доблесть. И если мне скажут, что вы были подкуплены маркизом де Келюсом, клянусь вам, я не поверю.

– Весьма польщен, – отвечал Лагардер, дыша, как лошадь, выигравшая скачки. – Но каков был град ударов! Герцог, в бою со шпагой в руках вы похожи на мельницу.

– Отдайте мне мою дочь!

Невер хотел сдернуть плащ, которым она была укрыта. Однако Лагардер отбросил его руку.

– Осторожней! – прикрикнул он. – Вы же ее разбудите!

– Ну хотя бы расскажите...

– Что за бешеный человек! То он не дает мне слова произнести, а сейчас требует, чтобы я немедленно все ему выложил. Ладно, поцелуйте ее, папенька, только тише, тише.

Невер машинально исполнил то, что сказал Лагардер.

– Признайтесь, видели ли вы что-либо подобное в фехтовальных залах? – с простодушной гордостью задал вопрос Маленький Парижанин. – Выдержать такую атаку, атаку Невера, да еще взбешенного, и ни разу не отпрыгнуть, держа на руках спящего ребенка, который так и не проснулся!

– Заклинаю вас... – взмолился герцог.

– Ну признайте хотя бы, что я неплохо поработал. Черт возьми, я весь в мыле. Значит, вы хотите все знать. Ладно, хватит, хватит поцелуев! Дайте ребенку покой. Мы с малышкой уже старые друзья. Держу пари на сотню пистолей, которых у меня, кстати, нет, что, проснувшись, она улыбнется мне.

Говоря это, Лагардер накрыл девочку полкой плаща с заботливостью, какой не увидишь даже у лучших кормилиц. Затем он осторожно уложил ее на кучу сена возле самого устоя моста.

– Герцог, – заговорил он, вновь приняв серьезный и мужественный тон, – теперь, что бы ни случилось, я своей жизнью отвечаю за вашу дочку. Тем самым я надеюсь хоть отчасти искупить то, что я легкомысленно наговорил о ее матери, этой прекрасной, благородной, святой женщине.

– Вы уморите меня! – прорычал Невер, мучимый неизвестностью. – Вы видели Аврору?

– Видел.

– Где?

– В этом окне.

– И она отдала вам ребенка?

– Она думала, что вручает дочку попечению супруга.

– Ничего не понимаю.

– Ах, герцог, тут происходят странные вещи. И раз уж вы в боевом настроении, сейчас сможете в охотку подраться.

– Нападение? – спросил Невер.

Маленький Парижанин неожиданно опустился на колени и приложил ухо к земле.

– Похоже, они приближаются, – пробормотал он, поднявшись.

– Кто?

– Убийцы, которых наняли прикончить вас.

И Лагардер в нескольких словах рассказал о подслушанном разговоре, о своей беседе с Перолем и незнакомцем, о появлении Авроры и о том, что за этим последовало. Невер слушал его в совершенном ошеломлении.

– Таким образом, – закончил Лагардер, – сегодня ночью, ничуть не затруднившись, я заработал пятьдесят пистолей.

– Но Пероль, – задумчиво произнес господин де Невер, – доверенное лицо Филиппа Гонзаго, моего друга, моего брата, который сейчас находится здесь, в замке, чтобы помочь мне.

– Я никогда не имел чести встречаться с принцем Гонзаго, – сообщил Лагардер, – и не знаю, он ли был этот незнакомец.

– Он? – воскликнул Невер. – Нет, это невозможно! А у Пероля физиономия негодяя, он вполне мог продаться старому Келюсу.

Лагардер в это время спокойно начищал шпагу полой камзола.

– Нет, – возразил он, – то был не Келюс, он был молод. Однако не будем, герцог, теряться в догадках. Каково бы ни было его имя, он – весьма ловкий мерзавец и предусмотрел все: он знал даже пароль. Благодаря паролю я и сумел обмануть Аврору де Келюс. Вы не поверите, как она вас любит! И я готов целовать землю у ее ног, лишь бы искупить свое безумное самомнение. Да, что я еще должен вам сказать? А-а... Под плащом, в который завернута девочка, конверт, там запись о ее рождении и запись о вашем бракосочетании... Ну вот, красавица моя, – произнес он, обращаясь к начищенной до блеска шпаге, которая, казалось, притягивала весь свет, рассеянный во мраке ночи, возвращая его россыпью мгновенных отблесков, – твой туалет и завершен. Ты вдоволь попроказила, а сейчас поработаешь ради доброго дела, так что не подведи.

Невер пожал ему руку.

– Лагардер, – взволнованно сказал он, – я совершенно не знал вас. У вас благородное сердце.

– У меня, – рассмеялся Маленький Парижанин, – только одно желание: поскорее жениться и вскорости баюкать такого же белокурого ангелочка. Тсс!

Он снова опустился на колени и приник к земле.

– Да, на сей раз я не ошибся, – бросил он.

Невер последовал его примеру и сказал:

– Я ничего не слышу.

– Это потому, что вы герцог, – заметил Лагардер и, поднявшись на ноги, сообщил: – Они крадутся со стороны Ашаза и отсюда, с запада.

– Если бы я мог дать знать Гонзаго, – размышляя, пробормотал герцог, – у нас бы прибавилась еще одна добрая шпага.

Лагардер покачал головой и промолвил:

– Я предпочел бы Каррига и моих людей с карабинами. – Он с секунду помолчал и вдруг задал вопрос: – Вы сюда приехали один?

– Нет, с мальчиком, моим пажом Берришоном.

– Я знаю его, он смывленный и ловкий. Если бы его можно было позвать...

Невер сунул два пальца в рот и свистнул. Тут же со стороны «Адамова яблока» раздался ответный свист.

– Вот вопрос, – пробормотал Лагардер, – проберется ли он к нам?

– Он пройдет сквозь игольное ушко, – заверил Невер.

И действительно, спустя минуту на краю рва показался паж.

– Храбрый паренек! – заметил Лагардер и, подойдя к откосу, велел: – Прыгай!

Паж спрыгнул вниз, Маленький Парижанин поймал его.

– Торопитесь, – сказал мальчик. – Они крадутся поверху, через минуту отсюда будет не выбраться.

– А я думал, они во рву, – удивился Лагардер.

– Они всюду.

– Но их же всего восемь!

– Нет, не меньше двадцати. Когда они поняли, что вас двое, то позвали на помощь контрабандистов из Миала.

– Восемь или два десятка, не все ли равно, – бросил Лагардер. – Вот что, дружок, скачи к моим людям, они в деревне Го. На оба конца даю полчаса. Беги!

Он подставил руки мальчику и поднял его, тот вскарабкался на край рва. Через несколько секунд послышался свист; это означало, что паж добрался до леса.

– Полчаса мы спокойно продержимся, если возведем небольшое укрепление, – сказал Лагардер.

– Смотрите! – герцог указал на какой-то предмет, блеснувший у входа на мост.

– Это шпага брата Галунье, который всегда старательно очищает ее от ржавчины. С ним рядом, должно быть, и Плюмаж. Они нападать на меня не станут. Давайте, герцог, потрудимся немножко, пока у нас еще есть время.

Во рву на дне, кроме сена в копешках и связках, валялись доски, брусья, сухие ветки. И еще там стояла полунагруженная телега, которую косцы бросили, когда на них напали Карриг и его головорезы. Лагардер и Невер, приняв телегу за опорный пункт, а то место, где спала девочка, за центр, наскоро соорудили систему баррикад, чтобы хотя бы несколько ослабить атаку убийц.

Работами руководил Лагардер. Крепость получилась жалкая и примитивная, но у нее имелось одно преимущество – она была выстроена мгновенно. Лагардер громоздил брусья и доски, Невер наваливал сено, которое должно было заменить фашины. Разумеется, были оставлены проходы. Вобан²³ и тот позавидовал бы этой импровизированной крепости.

Полчаса! Надо было продержаться всего полчаса!

Не прерывая работы, Невер спросил:

– Шевалье, вы окончательно решили биться за меня?

– И еще как биться, герцог! Немножко за вас, но главным образом за малышку.

Фортификационные работы были завершены. Да, укрепление получилось не самым неприступным, но в темноте оно способно было изрядно затруднить атаку. Осажденные на это и рассчитывали, но более всего они рассчитывали на свои шпаги.

– Шевалье, – произнес Невер, – я никогда этого не забуду. Отныне мы связаны на жизнь и на смерть.

Лагардер протянул герцогу руку, тот притянул его к себе и обнял.

– Брат, – прошептал он, – если я уцелею, все у нас будет общее, а ежели погибну...

– Не погибнете, – прервал его Лагардер.

– Если я погибну... – повторил герцог.

– Тогда, клянусь спасением души, – воскликнул Лагардер, – я стану ей отцом!

Несколько секунд они стояли обнявшись, и никогда еще не бились в лад два столь доблестных сердца. Лагардер вдруг высвободился.

– Шпаги наголо! – бросил он. – Вот они!

В ночи послышался приглушенный шум. Лагардер и Невер стояли со шпагами наготове, соединив в пожатии левые руки.

Вдруг темнота взорвалась громкими криками, слившимися в единый рев. Убийцы бросились на них со всех сторон сразу.

---

²³ Вобан, Себастьян, маркиз де (1633–1707) – французский военный инженер, маршал Франции. Создал научные принципы фортификации, построил и перестроил более 300 крепостей.

VIII Бой

Паж оказался прав – их было не меньше двух десятков. И среди них были не только контрабандисты из Миала, но и с полдюжины разбойников, собранных по всей долине. Этим и объяснялась задержка с нападением.

Господин де Пероль отправился к засаде, которую устроили убийцы. Увидев Сальданию, он крайне изумился.

– Почему ты не на своем посту? – спросил он.

– На каком посту?

– Разве я не тебе только что пообещал пятьдесят пистолей?

– Мне?

Когда все выяснилось, когда Пероль понял, что дал маху, и узнал имя человека, которому доверился, он пришел в ужас. Тщетно наемники уверяли его, что Лагардер находится здесь, чтобы сразиться с Невером, и что между ними будет бой не на жизнь, а на смерть. Пероля это ничуть не убедило. Он инстинктивно понял, какое впечатление произведет на благородную душу молодого человека внезапное открытие предательства. Сейчас Лагардер, должно быть, объединился с герцогом, а Аврора де Келюс предупреждена. Пероль не предвидел одного – как поведет себя Маленький Парижанин. Ему и в голову не могло прийти, что у того хватит дерзости обременить себя во время сражения младенцем.

Штаупиц, Пинто, Матадор и Сальданыя были отправлены набирать рекрутов. Пероль помчался предупредить своего господина и следить за Авророй де Келюс. В ту эпоху, особенно в приграничных землях, не составляло труда найти любое количество наемных шпаг. И четверо посланцев возвратились с изрядным подкреплением.

Но как описать глубочайшее смятение, муки совести, – одним словом, душевные страдания мэтра Плюмажа-младшего и его *alter ego*²⁴ брата Галунье!

Да, мы охотно признаем, они были прохвосты, убивали за деньги, и рапиры их ничем не отличались от кинжала наемного убийцы или ножа разбойника. Но бедняги занимались этим отнюдь не потому, что были по своей натуре злы. Они всего-навсего так зарабатывали себе насущный хлеб. И вина за это ложится не столько на них, сколько на время и на тогдашние нравы. В тот великий, прославленный век если что и блистало, то лишь небольшой высший слой, а ниже был полный хаос.

Но и на парче этого высшего слоя среди блесков было немало грязных пятен. Война нравственно развратила всех сверху донизу. Именно война в первую очередь породила продажных наемников. Можно уверенно утверждать, что все, начиная от большинства генералов и кончая последним солдатом, рассматривали шпагу как орудие труда, а храбрость как способ заработка.

Плюмаж и Галунье любили Маленького Парижанина, который на голову превосходил их. Когда большое чувство рождается в испорченных сердцах, оно оказывается стойким и сильным. Впрочем, Плюмаж и Галунье отнюдь не были лишены способности делать добро, и это мы видим по их привязанности к Маленькому Парижанину, истоки которой нам уже известны. И в них сохранились благие задатки, а история с сиротой из разрушенного особняка Лагардеров вовсе не единственное доброе дело, какое они по случайности или невзначай совершили в жизни.

Их любовь к Анри была самого высокого свойства, и, хотя к ней примешивались некие эгоистические соображения, так как они видели себя в своем блистательном ученике, можно

---

²⁴ Второе «я» (лат.).

смело заявить, что корысть ни в малейшей степени не была двигателем их дружбы к нему. И Плюмаж, и Галунье не раздумывая рискнули бы жизнью ради Лагардера. И вот в эту ночь злой рок сделал их противниками Маленького Парижанина! Главное, нет никакой возможности уклониться! Их рапиры принадлежат Перолю: он их купил. Бежать или не участвовать означало бы нарушить правила чести, весьма сурово соблюдаемые в их среде.

С час, наверное, они молчали, не обменявшись ни словом. За весь вечер Плюмаж только раз помянул ризы Господни. Они в унисон испускали горестные вздохи. Время от времени с мученическим видом переглядывались. И это все. А когда двинулись на штурм, то пожали друг другу руки, и Галунье промолвил:

– Что поделаешь, придется.

Но Плюмаж покачал головой.

– Нет, так не пойдет, брат Галунье, не пойдет, – объявил он. – Делай, как я.

Он вытащил из кармана стальную пуговицу, с которой упражнялся в фехтовальном зале, и надел ее на конец своей шпаги.

Галунье последовал его примеру.

И оба облегченно вздохнули.

Наемные убийцы и новые их союзники разделились на три отряда. Первый направился к западной части рва, чтобы ударить оттуда; второй остался на своих прежних позициях за мостом; третий же, состоящий в основном из разбойников и контрабандистов под предводительством Сальданы, должен был напасть с фронта и спускался в ров по лесенке. Невер и Лагардер отчетливо видели их и даже могли бы пересчитать всех, кто соскальзывал вниз.

– Внимание! – промолвил Лагардер. – Деремся спиной к спине и все время так, чтобы нас защищала сзади стена. За девочку можно не опасаться, ее защищает мостовая опора. Не рискуйте, герцог! Еще раз предупреждаю вас, на тот случай, если вы забыли: они способны поразить вас вашим собственным ударом. И я, я сделал эту глупость! – с досадой пробормотал он. – Держите защиту! Ну а моя шкура слишком прочна для шпаг этих дуболомов.

Не подготовься они заранее, не возведи укрепления, первый натиск врагов был бы ужасен.

Они действительно бросились все разом, наклонив головы и крича:

– Смерть Неверу!

И в этом общем крике выделялись голоса обоих друзей – гасконца и нормандца, – испытывавших некоторое утешение в том, что враждебность их обращена не на бывшего воспитанника.

Нападавшие и не догадывались о препятствиях, нагроможденных на их пути. Заграждения, которые читатель мог счесть ничтожными, совершенной ребяческой забавой, показали себя с самой лучшей стороны. Нападающие в тяжелой одежде, с длинными рапирами кто споткнулся о бревно, кто завяз в сене. Немногие добежали до двух наших бойцов, и те продемонстрировали, чего они стоят.

Короче, один разбойник остался на земле, среди нападавших поднялось смятение. Однако отступление проходило иначе, чем атака. Как только убийцы побежали, в наступление перешли Невер и его друг.

– Я здесь! – разом вскричали они и ринулись вперед. Маленький Парижанин первым же выпадом пронзил насквозь одного из разбойников, вырвав из него шпагу, боковым ударом отрубил руку контрабандисту и, уже не в силах остановиться, почти налетев на третьего врага, раскроил ему череп эфесом. Этим третьим оказался немец Штаупиц, который рухнул как подкошенный.

Невер действовал не хуже. Он уложил одного отступавшего, который упал под колеса телеги, а кроме того, чувствительно ранил Матадора и Жоэля. Герцог уже собирался прикончить бретонца, как вдруг заметил две тени, крадущиеся вдоль стены в сторону моста.

– Ко мне, шевалье! – крикнул он, круто развернувшись.

– Я здесь! Я здесь!

Лагардер успел еще рубануть шпагой Пинто, который, хоть и остался жив, навсегда лишился одного уха.

– Бог мой! – воскликнул Лагардер, присоединяясь к Неверу. – я же совсем забыл про мою дорогую малышку!

Обе тени бросились наутек. Во рву воцарилась тишина. Прошло уже минут пятнадцать.

– Постарайтесь отдышаться, герцог, – посоветовал Лагардер. – Эти негодяи недолго дадут нам отдыхать. Вы никак ранены?

– Пустяки, царапина.

– Куда же?

– В лоб.

Лагардер, стиснув кулаки, промолчал. То был результат его урока фехтования.

Так прошли минуты две-три, после чего штурм возобновился, но велся он гораздо согласованней и основательней.

Осаждающие наступали двумя линиями, но при этом они озаботились убрать все преграды.

– Сейчас придется крепко драться! – вполголоса заметил Лагардер. – Заботьтесь о себе, герцог, я прикрываю ребенка.

Круг врагов сжимался в угрюмом молчании.

С десятков клинков нацеливались в них.

– Я здесь! – воскликнул Маленький Парижанин и сделал выпад.

Матадор взвыл и упал на трупы двух разбойников. Осаждающие отступили, но всего на несколько шагов. Шедшие во второй линии продолжали кричать:

– Смерть Неверу!

Охваченный боевым задором Невер отвечал:

– Я здесь, друзья мои! Вот вам от меня подарок! И вот еще! Вот еще!

И всякий раз шпага его возвращалась обагренная кровью.

Да, то была пара отменных бойцов!

– А это тебе, сеньор Сальданья! – кричал Маленький Парижанин. – Этот удар ты отведаль в Сеговии! А это тебе, Фаэнца! Ну, подойдите поближе, а то дотянуться до вас и алебарды не хватит!

При этом он колол и рубил. Ни один разбойник уже не осмеливался выдвинуться вперед.

За ставнями низкого окна кто-то стоял.

Но то была не Аврора де Келюс.

Там стояли двое мужчин и, утирая холодный пот, со страхом прислушивались к происходящему.

Эти двое были господин де Пероль и его патрон.

– Негодяи! – пробормотал патрон господина де Пероля. – Их десять на одного, а они не могут справиться! Неужели придется вступить мне?

– Это опасно, монсеньор!

– Опасно оставить хотя бы одного в живых!

А снаружи доносилось:

– Я здесь! Я здесь!

Круг осаждающих становился все шире; злодеи пятились, а до истечения получаса оставалось всего несколько минут. Вот-вот должна была прийти помощь.

Лагардер даже ни разу не был задет. У Невера была всего одна царапина на лбу.

И оба они могли вот так сражаться еще по крайней мере час.

Но теперь их охватила победная лихорадка. Не единожды они, не замечая того, покидали свою позицию, чтобы атаковать неприятеля. Разве трупы и раненые, валяющиеся вокруг, не доказывали самым убедительным образом их превосходство? Вид поверженных врагов возбуждал Невера и Маленького Парижанина. Когда приходит опьянение, исчезает благоразумие. И в этом – подлинная опасность. Друзья не отдавали себе отчета, что все убитые и раненые принадлежали, так сказать, к вспомогательным частям, которых бросили вперед, чтобы утопить атакующих. А наемные убийцы все были на ногах, исключая Штаупица, да и тот всего лишь потерял сознание. Они держались на расстоянии и поджидали удобного случая, переговариваясь между собой:

– Только бы разделить их, и тогда, если они не заговоренные, мы их прикончим поодиночке.

Уже несколько секунд они делали все, чтобы выманить одного вперед, а второго прижать к стене.

Дважды раненный Жоэль де Жюган, Фаэнца, Плюмаж и Галунье были нацелены на Лагардера, а трое испанцев должны были сражаться с Невером.

Первая группа по сигналу должна была начать отступление, а вторая, напротив, держаться во что бы то ни стало. Между ними были поделены оставшиеся в строю разбойники и контрабандисты.

Начиная с первой атаки Плюмаж и Галунье старались выбрать позицию позади, Жоэль и итальянец, подданный нашего святейшего отца²⁵, уже получили изрядную взбучку. В тот же миг Лагардер, обернувшись, отметил своим клинком физиономию Матадора, слишком близко подошедшего к господину Неверу.

Прозвучал крик:

– Спасайся кто может!

– Вперед! – пылко воскликнул Маленький Парижанин.

– Вперед! – подхватил герцог.

И оба бросились в атаку с кличем:

– Я здесь! Я здесь!

Враги бежали от Лагардера, и в мгновение ока он был уже в конце рва.

Но герцог наткнулся на стальную стену. И тем не менее он все-таки продвинулся на несколько шагов.

Он был не из тех людей, кто зовет на помощь. Дрался он великолепно, и одному Богу ведомо, как тяжело пришлось троим испанцам. Пинто и Сальданья уже были ранены.

И в этот миг железная решетка, перекрывающая нижнее окно, отворилась. Невер находился примерно в трех туазах от него. Распахнулись ставни. Но он в пылу сражения и из-за шума не слышал этого. Два человека прыгнули в ров. Невер не видел их. Оба держали обнаженные шпаги. У того, что повыше, на лице была маска.

– Победа! – вскричал Маленький Парижанин, не видя перед собой врагов.

Невер ответил ему криком агонии.

Один из прыгнувших в ров, тот, что был выше ростом и скрывал лицо под маской, сзади пронзил герцога шпагой. Невер упал. Удар был нанесен, как говорили в ту эпоху, *по-итальянски*, то есть чрезвычайно умело, с точностью хирурга, делающего операцию.

Последовали еще несколько трусливых ударов, но в них уже не было нужды. Падая, Невер сумел обернуться. Его тускнеющий взор остановился на человеке в маске. Лицо умирающего исказилось от горестного недоумения. Тонкий серп месяца только сейчас вышел на небосклон за башнями замка.

Его еще не было видно, но его слабый свет несколько рассеял тьму.

– Ты! – прошептал Невер. – Гонзаго, мой друг, за которого я стократно отдал бы жизнь...

– Мне достаточно взять ее всего лишь раз, – холодно молвил человек в маске.

Голова герцога упала.

– Он мертв, – бросил Гонзаго. – Теперь на второго!

Но идти на второго не было необходимости, он сам шел сюда. Когда Лагардер услышал предсмертный хрип герцога, из его груди вырвался, нет, не крик – рычание. Убийцы позади него успели перестроиться. Но кто способен удержать прыгнувшего льва? Двое покатались на траву, и Лагардер прорвался. Когда он оказался около Невера, тот приподнялся и прошептал:

– Брат, помни... и отомсти...

---

²⁵ То есть уроженец Папского государства.

– Богом клянусь, – вскричал Маленький Парижанин, – все, кто был здесь, умрут от моей руки!

Под мостом заплакала девочка, словно предсмертный хрип отца разбудил ее. Но этот звук остался незамеченным.

– Бей! Бей! – кричал человек в маске.

– Я не знаю одного тебя, – вызывающе бросил Лагардер, оставшийся один против всех. – Я дал клятву, и мне нужно будет распознать тебя, когда придет срок.

Между человеком в маске и Маленьким Парижанином стояли пятеро наемных убийц и господин де Пероль. Но вид их явно свидетельствовал, что они не решаются нападать. Лагардер схватил связку сена и, прикрываясь ею, как щитом, прошел, подобно ядру, сквозь группу защитников замаскированного. Теперь перед вставшим на изготовку человеком в маске были только Сальданыя и Пероль. Лагардер взмахнул шпагой, и она, миновав Пероля, оставила на руке Гонзаго широкую кровавую рану.

– Ты помечен! – отступая, крикнул Лагардер.

Лишь он один услышал плач проснувшейся девочки. В один миг он оказался под мостом. Месяц вышел из-за башен. Все увидели, как Лагардер поднял с земли сверток.

– Убейте его! – задыхаясь от ненависти, прохрипел Гонзаго. – Это дочка Невера! Добыть ее любой ценой!

Лагардер уже держал ребенка на руках. Наемные убийцы выглядели как побитые собаки. Они не решались напасть на него. Нерешительность их еще более усилил Плюмаж, пробормотавший:

– Мальчик всех нас тут порешит.

Чтобы добраться до лесенки, Лагардеру оказалось достаточно взмахнуть шпагой, сверкнувшей в лунном свете, да крикнуть:

– Прочь с дороги, мерзавцы!

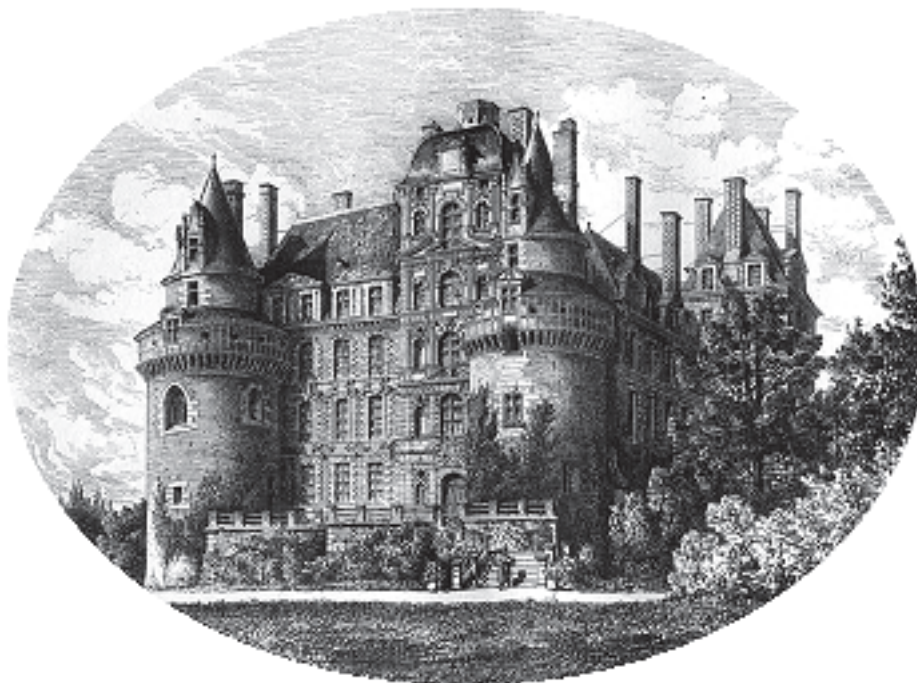
Все инстинктивно попятились. Он взобрался по лестнице. С дороги донесся топот копыт скачущего кавалерийского отряда. Наверху Лагардер, залитый лунным светом, обернулся лицом к врагам и, высоко подняв девочку, которая, взглянув на него, заулыбалась, громогласно объявил:

– Да, это дочь Невера! Ее защищает моя шпага, и попробуй только добраться до нее, ты, подлец, нанявший убийц и трусливо нанесший предательский удар в спину. Отныне на тебе моя метка. Где бы ты ни был, я узнаю тебя. И когда пробьет срок, если ты не придешь к Лагардеру, Лагардер придет к тебе!

Часть вторая Дворец Невера

I Золотой дом

Уже два года, как умер Людовик XIV, переживший двух своих наследников – дофина и герцога Бургундского²⁶. Престол перешел к его правнуку, малолетнему Людовику XV.

Великий король ушел из жизни – всецело и во всем. Он оказался лишен того, чего после смерти не лишен никто. Стократ более несчастный, чем самый последний из его подданных, он не смог обеспечить исполнения своей предсмертной воли.

Правда, притязания – распорядиться посредством собственноручно написанного завещания почти тридцатью миллионами подданных – могли показаться совершенно непомерными. При жизни Людовик XIV мог дерзнуть и на большее! Но завещание покойного Людовика XIV, похоже, превратилось в ни к чему не обязывающий клочок бумаги. Его попирали все кому не лень. Оно не интересовало никого, кроме легитимных детей²⁷ почившего монарха.

В царствование дяди Филипп Орлеанский носил маску шута, точь-в-точь как Брут²⁸. Только цель у него была совершенно противоположная. Едва из дверей королевской спальни

---

²⁶ *Дофин* – титул старшего сына французского короля, наследника престола. Здесь имеется в виду сын Людовика XIV и Марии Терезы – Людовик (1661–1711). Его сын Людовик (1682–1712) при жизни отца-дофина носил титул герцога Бургундского.

²⁷ Так именовались побочные дети Людовика XIV, которых он признал законными, что было подтверждено постановлением парламента, уравнивал в правах с принцами крови, то есть теми, в чьих жилах течет кровь Бурбонов, и в своем завещании включил в регентский совет, призванный управлять Францией до совершеннолетия Людовика XV.

²⁸ Имеется в виду легендарный основатель Римской республики Луций Юний Брут, племянник царя Тарквиния Гордого, которого он изгнал из Рима. Во время пребывания при дворе Брут, чтобы усыпить подозрительность царя, притворялся безумным.

прозвучал крик: «Король умер, да здравствует король!» – Филипп Орлеанский сбросил маску. Регентский совет, учрежденный Людовиком XIV, тихо угас. Остался только регент, каковым и был герцог Орлеанский. Принцы крови подняли крик, герцог Мэнский²⁹ возмущался, а герцогиня, его супруга, злословила, но нация, почти не интересовавшаяся этими надушенными бастардами, оставалась равнодушной. Если не считать заговора Челламаре³⁰, который Филипп Орлеанский подавил политическими средствами, эпоха Регентства была спокойной.

То была странная эпоха. Не знаю, можно ли сказать, что она обольщена. Некоторые литераторы время от времени пытаются доказать несостоятельность презрения, которое все испытывают к ней, но большинство пишущих в полном согласии улюлюкают и оглушительно освидетельствуют ее. История и мемуары в этом смысле вполне единодушны. Ни в какой другой период человек, сотворенный из горстки грязи, так явно не подтверждал свое происхождение. Оргия царствовала, золото стало богом.

Когда читаешь о безумных кутежах и ожесточенной спекуляции бумажками, выпущенными Лоу³¹, создается впечатление, будто присутствуешь при пиршествах финансистов нашего времени. Правда, тогда Миссисипи была единственной приманкой. А у нас сколько угодно соблазнительных наживок. Цивилизация в ту пору еще не сказала свое последнее слово. То, что происходило тогда, было детской забавой, но забавой многообещающего ребенка.

Итак, сентябрь 1717 года. После тех событий, о которых мы поведали на первых страницах нашего повествования, прошло девятнадцать лет. Изобретательный сын ювелира Джон Лоу де Лористон, основавший Банк Луизианы, пребывал на вершине успеха и могущества. Благодаря выпуску государственных казначейских билетов, организации государственного банка, а также Западной компании, которая вскоре была преобразована в Компанию Обеих Индий, он стал подлинным министром финансов королевства, хотя министерский портфель принадлежал господину д'Аржансону.

Регент, чей незаурядный ум был испорчен сперва воспитанием, а потом всевозможными излишествами, безоговорочно, как утверждают, поверил блистательным миражам этой финансовой поэмы. Лоу, казалось, купался в золоте и все превращал в золото.

И действительно, настал момент, когда каждый спекулятор, подобно маленькому Мидасу³², сидя на спрятанных в сундуке миллионах в бумагах, не знал, на что купить хлеба. Но наше повествование не дойдет до падения дерзновенного шотландца, который, кстати, и не является его героем. Мы затронем только ослепительное начало его аферы.

В сентябре 1717 года новые акции Компании Обеих Индий, которые назывались «дочки», в отличие от «матерей», выпущенных ранее, при номинальной цене в сто ливров продавались за пятьсот.

«Внучек», выпущенных несколькими днями позже, ждал такой же успех. Наши предки в драку покупали за пять тысяч ливров звонкой полновесной монетой листки серого цвета, на которых было начертано обещание уплатить «предъявителю сего» тысячу ливров. Через

²⁹ *Луи Огюст де Бурбон, герцог Мэнский* (1670–1736) – один из легитимных детей Людовика XIV, рожденный от связи с госпожой де Монтеспан. В соответствии с завещанием Людовика XIV должен был играть весьма значительную роль в регентском совете.

³⁰ *Челламаре* (фр. Селламар), *Антонио де* (1657–1733) – посол Испании во Франции, по происхождению итальянец, организовал заговор, в котором приняли участие принцы крови, с целью устранить Филиппа Орлеанского и передать регентство испанскому королю Филиппу V, внуку Людовика XIV. После раскрытия заговора герцог Орлеанский выслал Челламаре из Франции.

³¹ *Лоу, Джон* (1671–1729) – финансист, по происхождению шотландец, предложил Филиппу Орлеанскому новую финансовую систему, включавшую выпуск бумажных денег. Организовал акционерный банк, впоследствии преобразованный в государственный, компанию по торговле с Луизианой в Северной Америке, распуская ложный слух об открытии там золота. Чуть ли не вся Франция вкладывала деньги в его финансовые предприятия, однако вследствие чрезмерных банковских спекуляций и банк, и компания потерпели банкротство, и все вкладчики разорились, а сам Лоу бежал из Франции.

³² *Мидас* (миф.) – фригийский царь, попросивший у богов даровать ему способность превращать все, чего он коснется, в золото. Поняв вскоре, что ему грозит голодная смерть, Мидас умолил богов отнять у него этот дар.

три года эти спесивые клочки бумаги шли по пятнадцать су за сотню. Их употребляли для папильоток, и какая-нибудь красotka, желающая иметь кудрявую, на манер болонки, прическу, могла на ночь накрутить себе на голову полмиллиона, а то и тысяч шестьсот ливров.

Филипп Орлеанский оказывал Лоу прямо-таки безмерную снисходительность. Однако мемуары того времени утверждают, что снисходительность эта была отнюдь не бескорыстной. При каждом новом выпуске акций Лоу приносил малую жертву, то есть отдавал часть двору. Высокопоставленные сановники с отвратительной жадностью оспаривали друг у друга эту подачку.

Аббат Дюбуа³³, который стал архиепископом Камбрейским лишь в 1720 году, а кардиналом и академиком в 1722-м, так вот, аббат Гийом Дюбуа, только что назначенный послом в Англию, любил акции, будь они «матерями», «дочками» или «внучками», искренней и неизменной любовью.

Мы не станем рассказывать о нравах той эпохи, они уже достаточно описаны. Двор и город в каком-то неистовстве вознаграждали себя за показную суровость последних лет царствования Людовика XIV. Париж превратился в огромный кабак с игорным притоном и всем прочим. И если великая нация может быть обесчещена, период Регентства будет несмываемым пятном на чести Франции. И все же сколько славных, величественных свершений того века скрывают эту не различимую глазом грязь!

Было хмурое, холодное осеннее утро. Плотники, столяры, каменщики с инструментами на плечах шли группками вверх по улице Сен-Дени. Они шли из квартала Сен-Жак, где в основном находились жилища рабочих, и почти все сворачивали на углу улочки Сен-Маглуар. Примерно посередине ее, почти напротив церкви того же имени, что до сих пор еще стоит в центре приходского кладбища, взгляду открывался величественный портал, по обеим сторонам к которому примыкали стены с окнами-бойницами, завершающиеся остроконечными, украшенными скульптурами крышами. Рабочие входили в ворота и оказывались на обширном мощеном дворе, окруженном с трех сторон богатыми, благородного облика зданиями. То был старинный Лотарингский дворец, в котором во времена Лиги жил герцог де Меркёр³⁴. Начиная с Людовика XIII он назывался дворцом Неверов. Теперь же его звали дворцом Гонзаго. Здесь жил Филипп Мантуанский, принц Гонзаго. После регента и Лоу он был самым богатым и самым влиятельным человеком во Франции. Он пользовался доходами с владений Неверов по двум основаниям: во-первых, как родственник и назначенный наследник, а во-вторых, как супруг Авроры де Келюс, вдовы последнего герцога.

Кроме того, благодаря этому браку он получил огромное состояние Келюса На Засове, который отошел в лучший мир, дабы соединиться там с обеими своими женами.

Если читатель удивится этому браку, мы напомним ему, что замок Келюс находился в уединении, вдали от городов, и что там уже угасли в заточении две молодые женщины.

Есть вещи, которые невозможно объяснить иначе как физическим или моральным припадком. Милейший На Засове не прибегал к обинякам и уловкам, и потому мы просто обязаны достаточно подробно остановиться на деликатности принца Гонзаго.

Вот уже семнадцать лет, как вдова Невера носила имя Гонзаго. Она не сняла траур ни на день – даже когда шла к алтарю. В ночь после бракосочетания, когда Гонзаго пришел к ее ложу, она одной рукой указала ему на дверь, а второй держала у своей груди кинжал.

– Я живу только ради дочери Невера, – объявила она ему, – но и у человеческого самопожертвования есть предел. Если вы сделаете еще хотя бы шаг, я уйду дожидаться дочь рядом с ее отцом.

---

³³ Дюбуа, Гийом (1656–1723) – священнослужитель, дипломат, воспитатель и затем один из ближайших советников регента, назначенный в 1722 г. государственным министром. Отличался исключительным своекорыстием и продажностью.

³⁴ Меркёр, Филипп Эммануэль, герцог де (1558–1602) – после гибели герцогов Гизов глава Католической лиги, боровшейся с Генрихом Наваррским, будущим королем Генрихом IV.

Гонзаго жена была нужна только для того, чтобы прибрать к рукам деньги де Келюса. Он отвесил глубокий поклон и удалился.

С той ночи принцесса не произнесла в присутствии супруга ни слова. Он был учтив, предупредителен и нежен. Она оставалась холодна и нема. Каждый день в час трапезы Гонзаго посылал дворецкого пригласить госпожу принцессу. Не исполнив эту формальность, он не садился за стол. Он был большой вельможа. Каждый день первая камеристка принцессы отвечала, что ее госпожа дурно себя чувствует и просит господина принца позволить ей не присутствовать за столом. И так повторялось триста шестьдесят пять раз в год в течение восемнадцати лет.

Впрочем, Гонзаго очень часто упоминал о своей жене, причем всегда с нежностью и любовью. У него были готовые фразы, начинавшиеся с «Госпожа принцесса сказала мне...» или «Я сказал госпоже принцессе...». И он с большим удовольствием вставлял в разговор эти фразы. Свет далеко не так глуп, как хотелось бы, но он притворяется таковым, что для некоторых вольнодумцев почти одно и то же.

Гонзаго был весьма большой вольнодумец и, вне всякого сомнения, хладнокровный и дерзкий интриган. В манерах принца присутствовала несколько театральная важность, присущая его соплеменникам; он лгал с наглостью, соседствующей с героизмом, и, хотя вряд ли кто при дворе мог сравняться с ним в бесстыдной распушенности, каждое его слово, произнесенное публично, было отмечено печатью самой строгой благопристойности. Регент называл его своим лучшим другом. Каждый охотно признавал, что принц приложил бездну усилий, чтобы отыскать дочь несчастного Невера, третьего Филиппа, второго друга юности регента. Найти ее все не удавалось, но, поскольку невозможно было доказать ее смерть, Гонзаго оставался, во всяком случае по званию, естественным опекуном этого ребенка, которого, вероятней всего, уже не было в живых. И в этом качестве он пользовался доходами Невера.

Будь доказана смерть мадемуазель де Невер, он стал бы наследником герцога Филиппа, поскольку вдова последнего, уступив под давлением отца во всем, что касалось брака, проявила твердость и нестигаемость, когда речь зашла об интересах ее дочери. Вступая в брак, она объявила себя вдовой Филиппа де Невера, а кроме того, в брачном контракте записала о рождении своей дочери. Видимо, у Гонзаго были свои резоны согласиться со всем этим. В течение восемнадцати лет он вел поиски, принцесса тоже. Но все их неумолимые старания, хотя побудительные мотивы у них были совершенно противоположными, оставались безуспешными.

Под конец лета 1717 года Гонзаго впервые заговорил о необходимости упорядочить положение и созвать семейный совет, дабы урегулировать все эти финансовые проблемы. Но у него было столько дел, и он был так богат!

Вот вам пример. Все эти рабочие – столяры, плотники, каменщики, землекопы, слесари, – которые на наших глазах входили во двор бывшего дворца Неверов, были наняты принцем Гонзаго. Им предстояло перевернуть дворец вверх дном. То была великолепная обитель, которую с удовольствием украшали и Неверы, унаследовавшие ее от Меркёра, а после Неверов и сам Гонзаго. Дворец состоял из главного корпуса и двух крыльев с пирамидальными аркадами, тянувшимися по всему первому этажу, и галереей, доминирующей на втором этаже, галереей, украшенной лепными арабесками, которые заставили бы устыдиться легкие гирлянды дворца Клюни и наголову побивали нижние фризы дворца де Ла Тремуиль. Три большие сводчатые двери, расположенные по центру под стрелкой пирамидальной арки, позволяли видеть перистилю, которые Гонзаго восстановил во флорентийской манере, чудесные колонны красного мрамора, увенчанные цветочными капителями и стоящие на широких квадратных цоколях с сидящими по их углам львами. Портал главного корпуса, возвышающийся над галереей, имел два яруса квадратных окон; у боковых крыльев дворца, той же высоты, что и главный корпус, было только по одному ярусу высоких сдвоенных окон; в промежутках между ними на крыше высились четырехгранные выступы наподобие мансард. В углу на стыке главного кор-

пуса и восточного крыла прилепилась чудесная башенка, которую поддерживали три сирены, чьи хвосты обвивались вокруг фигурного опорного выступа. То был маленький шедевр готического искусства, драгоценность из резного камня. Внутреннее убранство, восстановленное с большим знанием дела, выглядело просто великолепно: в Гонзаго тщеславие сочеталось с художественным вкусом.

Задний фасад, выходящий в парк, относился самое позднее к пятнадцатому веку. Он являл собой ряд высоких итальянских колонн, поддерживающих аркады галереи, наподобие тех, что бывают в монастырях. В огромном тенистом парке стояло множество скульптур; с востока, юга и запада он соседствовал с улицами Кенкампуа, Обри-ле-Буше и Сен-Дени.

В Париже не было дворца величественней и пышней. И для того чтобы принц, художник и честолюбец Гонзаго решился разворотить его, имелась весьма серьезная причина. Вот что двигало им.

Как-то, выходя после ужина, регент пожаловал принцу де Кариньяну привилегию создать у себя во дворце огромную биржевую маклерскую контору. Улица Кенкампуа на миг покачнулась на позолоченном основании из хибар. Пошли слухи, что господин де Кариньян имеет право запретить любое распространение акций, ежели они подписаны не у него. Гонзаго возревновал. Дабы утешить его, регент, выходя через несколько дней после ужина, предоставил дворцу Гонзаго монополию обмена акций на товары. То был сказочный подарок. Он сулил золотые горы.

Но прежде следовало освободить место для всех желающих, поскольку все должны будут платить, и притом весьма дорого. И на следующий день после пожалования монополии прибыла армия разрушителей. Первым делом принялись за сад. Статуи занимали место и не приносили дохода, поэтому их убрали. Деревья дохода тоже не приносили, но место занимали, поэтому их вырубали.

Во втором этаже, в комнате, увешанной коврами, к окну подошла женщина в трауре и печально взглянула на творящееся разрушение. Она была красива, но до того бледна, что работники сравнивали ее с призраком. Между собой они говорили, что это вдова покойного герцога де Невера, а теперь жена принца Филиппа Гонзаго. Она долго наблюдала. Перед ее окном рос вековой вяз, на котором зимой и летом каждое утро пели птицы, приветствуя рождение нового дня. Когда старый вяз рухнул под топором, женщина в трауре задернула темные занавеси. Больше в окне она не появлялась.

Были вырублены все тенистые аллеи, в конце которых виднелись клумбы, засаженные розовыми кустами, и огромная античная ваза, царственно стоящая на пьедестале. Клумбы сровняли, розы выкорчевали, вазу утащили и бросили в углу хранилища мебели. Все они занимали место, а место стоит денег. Слава богу, больших денег! Знал ли кто-нибудь, до каких пределов страсть к биржевой игре взвинтит стоимость каморок, которые велел построить Гонзаго? Отныне играть можно было только тут, а играть жаждали все. И плата за сдачу внаем этого барака должна была оказаться не дешевле, чем за сдачу дворца.

Тем же, кто удивлялся этому разгрому или посмеивался, Гонзаго объяснял:

– Через пять лет у меня будет миллиарда два-три, и я куплю дворец Тюильри у его величества Людовика Пятнадцатого, который будет королем, но королем разорившимся.

В то утро, когда мы впервые вступили во дворец, труд разрушения был почти завершен. По периметру парадного двора в три этажа высились клетушки, сколоченные из досок. Вестибюли были преобразованы в контору, а строители заканчивали в саду бараки. Двор был буквально забит наемщиками и покупателями. Ведь именно сегодня можно было войти во владение каморками, сегодня должны были открыться конторы в *Золотом доме*, как стали уже называть дворец Гонзаго.

Чуть ли не каждый, кто хотел, мог войти во дворец. Весь первый и второй этаж, кроме личных покоев принцессы, были приспособлены для приема продавцов и покупателей обоого

пола. От терпкого запаха свежеструганных пихтовых досок першило в горле, нигде невозможно было укрыться от стука молотков. Лакеи не знали, кого слушать. Аукционисты бегали потеряв голову.

На главном крыльце в окружении штаба спекуляторов стоял дворянин, разодетый в бархат, шелк и кружева; все пальцы его были унизаны перстнями, а на шее висела драгоценная цепь. То был господин де Пероль, наперсник, тайный советник и правая рука хозяина дома. Он не слишком постарел. Господин де Пероль был все такой же худой, желтый, сутулый, а его большие, с волчьим выражением глаза все так же взывали к моде на очки. У него уже были свои прихлебатели, и он вполне их заслуживал, поскольку Гонзаго весьма щедро платил ему.

Часов около девяти, когда суতোлка немножко уменьшилась, поскольку даже у спекуляторов возникает обременительная потребность подкрепиться, в ворота вошли с небольшим интервалом два человека, мало похожие на финансистов. Хотя вход был свободный, оба визитера, судя по их виду, были не вполне уверены, имеют ли они на это право. Первый весьма неловко скрывал неуверенность под нарочитой бесцеремонностью; второй же, напротив, старался держаться как можно смиренней. У обоих на боку болтались шпаги такой длины, что уже за три лье чувствовалось, что люди эти – драчуны и забияки.

Надо, правда, признать, что этот тип уже изрядно вышел из моды. Регентство искоренило наемных убийц. Теперь ежели и убивали – даже среди знати, – то лишь каким-нибудь мошенничеством. Явный прогресс, что свидетельствует в пользу новых нравов!

Тем временем наши два храбреца вмешались в толпу – первый бесцеремонно работал локтями, а второй с кошачьей ловкостью проскальзывал между кучками спекуляторов, слишком занятых собственными делами, чтобы обращать на него внимание. У наглеца, чьи продранные локти все время приходили в соприкосновение с новыми кафтанами, были чудовищные усищи, на голове утратившая форму фетровая шляпа, поля которой свисали ему на глаза; одет он был в кожаный полукафтан без рукавов и штаны, первоначальный цвет которых теперь уже стал неразрешимой загадкой. Ржавая рапира была обернута в лоскут, оторванный от плаща с плеча самого дона Сезара де Базана³⁵. Этот человек прибыл из Мадрида.

У второго же, скромного и робкого, под носом торчало несколько редких белобрых волосков. Шляпа с оторванными полями накрывала его голову, точь-в-точь как гасильник накрывает свечу. Наряд его состоял из старого полукафтана, зашнурованного на груди кожаными шнурками, латаных-перелатаных штанов и сапог, давно уже просящих каши, и наряду этому куда больше соответствовала бы висящая на поясе и лоснящаяся от частого употребления чернильница, нежели шпага. Тем не менее у него висела шпага, и она крайне смиренно – под стать хозяину – хлопала его по лодыжке.

Они оба пересекли двор, почти одновременно оказались перед дверью в центральный вестибюль, краем глаза глянули друг на друга, и каждый подумал о другом:

«Этот бедолага пришел в Золотой дом явно не ради приобретения акций».

---

³⁵ Персонаж драмы В. Гюго «Рюи Блаз» (1838), дуэлянт, задира, впавший в нищету дворянин, сохранивший тем не менее благородство и великодушие. В 1844 г. французские драматурги Дюмануар и д'Эннери написали комедийную пьесу плаща и шпаги «Дон Сезар де Базан».

II

Два призрака

И оба они были правы. Нацепи Робер Макер и Бертран³⁶ шпаги времен Людовика XIV, они выглядели бы в точности как эти изголодавшиеся и оборванные наемные убийцы. Тем не менее Макер пожалел своего коллегу, чей профиль он не мог разглядеть полностью, поскольку тот поднял воротник, дабы скрыть от посторонних глаз отсутствие сорочки.

«Это же надо впасть в такое убожество!» – мысленно сказал он себе.

А Бертран, глядя на собрата, лица которого он не мог рассмотреть, потому что его скрывала грива взлохмаченных черных волос, в доброте своего сердца подумал:

«Бедняга совершенно дошел до ручки. Как горько видеть человека, носящего шпагу, в столь ничтожном состоянии! Я-то хотя бы внешне держусь».

И он с удовлетворением оглядел лохмотья, которые почитал своим нарядом. То же проделал в этот миг Макер и решил:

«Уж я-то, во всяком случае, не вызываю сочувствия у людей!»

И он выпрямился – черт побери! – расправив плечи, гордый, как Артабан³⁷ в те дни, когда этот изысканный герой носил новый наряд. Лакей с наглой и высокомерной физиономией предстал на пороге. Оба одновременно подумали друг о друге:

«Ну, беднягу не пропустят!»

Макер первым оказался у дверей.

– Я, голубчик, пришел покупать! – надменно бросил он, положив руку на эфес шпаги.

– Что покупать?

– Что душа моя пожелает, милейший. Ну-ка, взгляни на меня! Я друг твоего господина и денежный человек, прах меня побери!

С этими словами он взял лакея за ухо, повернул и прошел, бросив на ходу:

– Какого черта! Неужто не ясно?

Лакей вновь обернулся к дверям и оказался лицом к лицу с Бертраном, который, учтиво ставив с головы колпак, заговорщицким тоном сообщил ему:

– Любезный, я друг господина принца. Я пришел по делу... м-м... финансовому делу.

Лакей, еще не пришедший в себя, посторонился и пропустил его. Макер, уже прошедший в первую залу, бросал вокруг презрительные взгляды, бормоча:

– Неплохо. Тут живут, ни в чем не нуждаясь.

А Бертран, шедший сзади, пришел к такому выводу:

«Для итальянца господин Гонзаго устроился совсем недурно».

Оба они оказались в одном и том же конце залы. Макер заметил Бертрана.

– Вот так так! – воскликнул он. – Ни за что бы не поверил. Этот все-таки пробрался.

Ризы Господни, что за вид!

И он рассмеялся от всего сердца.

«Честное слово, он смеется надо мной, – подумал Бертран. – Невероятно».

И, отвернувшись, он принялся хохотать, пробормотав:

– Он великолепен!

Макер же, видя, как тот смеется, нахмурился, и у него возникла мысль:

---

³⁶ Герои популярной мелодрамы Антье, Сент-Амана и Полианта «Кабачок Адре» (1823), представители дна, воры и убийцы. *Робер Макер* — хвастун, забияка, буян; *Бертран* — хитрый и коварный тихоня.

³⁷ Герой романа Готье де Ла Кальпренета (1614–1663) «Клеопатра», отличавшийся безмерной гордостью. Существовала поговорка: «Горд, как Артабан».

«Тут же ярмарка, торг. А вдруг это чучело прикончил на улице какого-нибудь откупщика? Вдруг у него полны карманы? Раны Христовы, что-то меня подмывает завязать с ним беседу».

А Бертран в это время размышлял:

«Сюда ведь приходит самый разный народ. Как известно, не ряса делает монахом. Кто знает, а ну как этот страшила вчера кого-нибудь ограбил? А ну как его карманы битком набиты добрыми экю? Что-то мне подсказывает, что неплохо бы с ним свести знакомство».

Макер сделал шаг вперед.

– Сударь... – произнес он, сдержанно поклонившись.

– Сударь... – одновременно с ним произнес Бертран, склоняясь почти до земли.

В ту же секунду они выпрямились, словно внутри них сработала пружина. Бертран был потрясен акцентом Макаера, Макер вздрогнул, услышав носовой выговор Бертрана.

– Битый туз! – вскричал Макер. – Да никак это дорогуша Галунье!

– Плюмаж! Плюмаж-младший! – запричитал нормандец, чьи глаза привычно наполнились слезами. – Тебя ли я вижу?

– Ризы Господни, конечно меня! Обними меня, золотце мое!

И он распахнул объятия. Галунье бросился ему на грудь. Слившись в объятии, они смахивали на большую кучу тряпья. Они долго так стояли. Их чувства были искренни и глубоки.

– Ну хватит, – сказал наконец Плюмаж. – Скажи что-нибудь, чтобы я услышал твой голос, плутишка.

– Десять лет разлуки! – пробормотал Галунье, вытирая рукавом слезы.

– Убей меня бог! – воскликнул гасконец. – Да у тебя никак платка нету?

– Украли в этой толкучке, – безмятежно сообщил бывший его помощник.

Плюмаж принялся рыться в карманах, но, разумеется, ничего не обнаружил.

– Что за черт! – возмущенно бросил он. – Сколько же на свете вора! Да, золотце мое, девятнадцать лет... Мы оба были молоды.

– Возраст любовных безумств! Увы, мое сердце еще не постарело.

– Да и я пью не меньше, чем тогда.

И они опять принялись разглядывать друг друга.

– Право же, мэтр Плюмаж, – с сожалением промолвил Галунье, – годы не украсили вас.

– Ежели честно, старина Галунье, – тут же парировал провансальский гасконец, – то как мне ни огорчительно говорить это, но должен признать: ты стал еще уродливей, чем прежде.

Брат Галунье со сдержанным высокомерием улыбнулся и заметил:

– К счастью, дамы придерживаются иного мнения. И все же, постарев, ты сохранил великолепную осанку: шаг решительный, грудь колесом, плечи расправлены. Я, как только заметил тебя, сразу подумал: черт побери, вот дворянин важного вида!

– И я тоже, сокровище мое, и я тоже! – прервал его Плюмаж. – Увидел тебя, и моя первая мысль была: «Эк хорошо держится этот кавалер!»

– Что ж ты хочешь? – жеманясь, отвечал нормандец. – Ежели общаешься с прекрасным полом, приходится следить за собой.

– Да, а куда же ты делся после того дела?

– После дела во рву замка Келюс? – переспросил Галунье, невольно понизив голос. – Лучше не вспоминай. У меня до сих пор перед глазами пылающий взор Маленького Парижанина.

– Ризы Господни! Даже ночь не стала помехой. Видно было, как у него сверкают глаза.

– А как он дрался!

– Восемь трупов во рву!

– Не считая раненых.

– Ризы Господни, а какой град ударов! На это стоило посмотреть. И порой я думаю: если бы мы честно, как люди, сделали выбор, бросили бы в лицо Перолю деньги и встали рядом с Лагардером, Невер остался бы жив и судьба наша устроилась бы.

– Да, ты прав, – с тягостным вздохом согласился Галунье.

– Надо было не пуговицы надевать на острия шпага, а защитить Лагардера, нашего любимого воспитанника.

– Нашего господина, – добавил Галунье, невольно сдернув с головы колпак.

Гасконец пожал ему руку, и некоторое время они задумчиво молчали.

– Ну, что сделано, то сделано, – наконец промолвил Плюмаж. – Не знаю, золотце, как сложилось у тебя, но мне это дело счастья не принесло. Когда ребята Каррига обстреляли нас из карабинов, я отступил в замок. А ты куда-то пропал. Пероль обещаний не сдержал и назавтра выпроводил нас под предлогом, что, мол, наше присутствие в тех краях только подкрепит уже возникшие подозрения. Что ж, все правильно. Нам заплатили не то чтобы хорошо, но и не плохо, и мы разбежались. Я перешел границу и на всем пути расспрашивал о тебе. Никаких известий! Сперва я устроился в Памплоне, потом в Бургосе, затем в Саламанке. Дошел до Мадрида...

– Все-таки хорошая страна!

– Кинжал там ценится больше, чем шпага. В этом она похожа на Италию, которая, не будь у нее этого недостатка, была бы сущим раем. Из Мадрида я отправился в Толедо, из Толедо в Сьюдад-Реаль, а потом, устав от Кастилии, где у меня без моей вины возникли неприятности с алькальдами, перебрался в королевство Валенсия. Ризы Господни! Я попил там доброго вина от Мальорки до Сегорбы. А прибыл я туда, чтобы услужить старому лицензиату, который хотел отделаться от одного своего родственника. Валенсия – стоящая страна. На всех дорогах между Тортосой, Таррагоной и Барселоной тьма-тьмущая дворян... но у всех пустые карманы

и длиннющие шпаги. В конце концов без единого мараведи я перевалил через горы. Я почувствовал: меня зовет голос родины. Вот, голубок, вся моя история.

Гасконцу больше нечего было рассказать.

– Ну а ты-то, бродяга, как? – поинтересовался он.

– Я, – отвечал нормандец, – удирал от конников Каррига чуть ли не до Баньер-де-Люшона. Я тоже подумывал отправиться в Испанию, но встретил бенедиктинца, которому понравилась моя благообразная внешность, и он взял меня на службу. Он направлялся в Кель на Рейне, чтобы получить какое-то наследство по поручению своего монастыря. Кажется, я увел его чемодан и сундук, да и деньги, по-моему, тоже.

– Плутиска, – ласково прокомментировал гасконец.

– Пришел я в Германию. Вот уж разбойничья страна! Ты говоришь – кинжал? Но кинжал хотя бы стальной. А там они дерутся только пивными кружками. В Майнце жена одного трактирщика очистила меня от дукатов бенедиктинца. Она была прехорошенькая и так меня любила... Ах, друг мой Плюмаж, – вздохнул Галунье, – ну за что мне такое несчастье, почему я так нравлюсь женщинам? Не будь их, я мог бы купить себе домик в деревне, чтобы спокойно жить в старости, маленький садик, лужок, на котором цвели бы розовые маргаритки, ручеек, а на нем мельница...

– А на мельнице мельничиха, – ввернул гасконец. – Ты чересчур влюбчив.

Галунье ударил себя кулаком в грудь.

– Страсти! – воскликнул он, возведя очи горе. – Страсти превращают жизнь в пытку и не дают молодому человеку отложить на черный день!

Высказав это здравое замечание, брат Галунье продолжал:

– Подобно тебе, я менял город за городом в этой плоской, жирной, глупой и нудной стране. Что я там видел? Худющих, желтых, как шафран, студентов, дураков-поэтов, завывающих при свете луны, ожиревших бургомистров, ни у одного из которых нету племянника, жаждающего, чтобы дядюшка преждевременно отошел в лучший мир, церкви, где не поют мессу, женщин... нет, не могу ничего худого сказать о представительницах прекрасного пола, чьи прелести усладили и сломали мою жизнь, наконец, жилистое мясо и пиво вместо вина.

– Битый туз! – решительно изрек Плюмаж. – Ноги моей никогда не будет в этой дрянной стране.

– Я повидал Кёльн, Франкфурт, Вену, Берлин, Мюнхен и еще множество других городов и всюду встречал компании молодых людей, распевающих заунывные песни. Точь-в-точь как ты, я вдруг ощутил тоску по родине, пересек Фландрию, и вот я здесь.

– Франция! – воскликнул Плюмаж. – Нет ничего лучше Франции, малыш!

– Благороднейшая страна!

– Родина вина!

– Отчизна любви! – Но тут Галунье прервал лирический дуэт, который они исполняли с одинаковым воодушевлением, и спросил: – Дорогой мэтр, а только ли полное отсутствие мараведи вкупе с любовью к отчизне заставило тебя пересечь границу?

– А тебя только ли тоска по родине?

Брат Галунье покачал головой, Плюмаж опустил глаза.

– Была и другая причина, – сказал он. – Как-то вечером, завернув за угол, я нос к носу столкнулся... Догадался с кем?

– Догадался, – ответил Галунье. – После такой же встречи я, смазав пятки, удрал из Брюсселя.

– Увидев его, дорогуша, я понял, что воздух Каталонии вреден для меня. Но свернуть с дороги Лагардера ничуть не стыдно!

– Стыдно или не стыдно – я не могу сказать, но благоразумно, это уж точно. Ты знаешь судьбу наших сотоварищей, участвовавших в деле у замка Келюс?

Задавая этот вопрос, Галунье опять же невольно понизил голос.

– Да, – кивнул гасконец, – знаю. Наш мальчик заявил: «Вы все умрете от моей руки!»

– Начало уже положено. В нападении нас участвовало девятеро, считая капитана Лоррена, вожака разбойников. О его людях я не говорю.

– Девять отменных шпаг, – задумчиво произнес Плюмаж. – И все они вышли из этого дела пусть раненые, с отметинами, залитые кровью, но живые.

– Штаупиц и капитан Лоррен погибли первыми. Штаупиц был из хорошего рода, хотя выглядел мужланом. Капитан Лоррен был военный, и испанский король дал ему полк. Штаупиц погиб у стен собственного замка под Нюрнбергом. Он был убит ударом между глаз.

И Галунье пальцем показал у себя на лбу куда.

Плюмаж инстинктивно повторил его жест и продолжал:

– Капитан Лоррен был убит в Неаполе ударом между глаз. Раны Христовы! Для тех, кто знает и помнит, это все равно что знак мстителя.

– Остальные преуспели, – подхватил Галунье, – потому что господин Гонзаго не оставил своими милостями никого, кроме нас. Пинто женился на даме из Турина, Матадор держал фехтовальную академию в Шотландии, Жоэль де Жюган купил дворянство где-то в глуши Нижней Нормандии.

– Да-да, – кивнул Плюмаж, – они были спокойны и довольны. Но Пинто был убит в Турине, Матадор был убит в Глазго.

– А Жоэль де Жюган, – продолжил брат Галунье, – был убит в Морле. И все одним и тем же ударом!

– Ударом Невера, черт возьми!

– Да, страшным ударом Невера!

Они разом замолкли. Плюмаж приподнял поникшие поля шляпы, чтобы стереть пот со лба.

– Остается еще Фаэнца, – наконец промолвил он.

– И Сальданья, – дополнил брат Галунье.

– Гонзаго много сделал для них. Фаэнца теперь шевалье.

– А Сальданья барон. Но придет и их черед.

– Немножко раньше, немножко позже наступит и наш, – прошептал гасконец.

– И наш, – вздрогнув, шепотом подтвердил Галунье.

Плюмаж приосанился.

– Знаешь, дорогуша, – произнес он тоном человека, примирившегося с судьбой, – перед тем как рухнуть на мостовую или на траву с дыркой между бровей – я ведь понимаю, что победить его не смогу, – знаешь, что я ему скажу? А скажу я, как когда-то: «Эх, малыш, пожми мне только руку и, чтобы я умер со спокойной душой, прости старика Плюмажа!» Ризы Господни, именно так я и скажу.

Галунье не смог удержаться от гримасы.

– Я тоже постараюсь, чтобы он хоть поздно, но простил меня, – сказал он.

– Желаю удачи, золотце. А пока что он изгнан из Франции. Можно быть уверенным, что в Париже мы его не встретим.

– Можно, – повторил Галунье, но не слишком убежденно.

– Одним словом, в мире это единственное место, где меньше всего шансов повстречать его. Поэтому я здесь.

– И я тоже.

– И еще я хочу напомнить о себе господину Гонзаго.

– Да уж, он кое-что нам задолжал.

– Сальданья и Фаэнца окажут нам протекцию.

– И мы станем важными господами, как они.

– Раны Христовы! Из нас с тобой получатся неплохие щеголи, дорогуша!

Гасконец крутанулся на каблуке, а нормандец весьма серьезно заметил:

– Мне идут роскошные наряды.

– Когда я пришел к Фаэнце, – сообщил Плюмаж, – мне объявили: «Господин шевалье отсутствуют». Отсутствуют! – повторил он, пожав плечами. – Господин шевалье! А я ведь помню те времена, когда он юлил передо мною.

– Когда я явился в дом к Сальданье, – подхватил Галунье, – здоровенный лакей презрительно смерил меня взглядом и процедил: «Господин барон не принимает».

– Эх, – крикнул Плюмаж, – когда у нас тоже появятся верзилы-лакеи, мой, черт побери, будет груб, как подручный палача.

– Ах, – вздохнул Галунье, – мне хотя бы домоправительницу!

– Все у нас будет, дорогуша, прах меня побери! Если я верно понимаю, ты еще не встречался с господином де Перолем?

– Нет, я хочу обратиться прямо к принцу.

– Говорят, у него теперь миллионы.

– Миллиарды! Ведь этот дворец называют Золотым домом. Я не гордый и готов стать, если нужно, финансистом.

– Ты что! Финансистом?

Этот вопль возмущения невольно вырвался из благородного сердца Плюмажа-младшего. Но он тут же спохватился и добавил:

– Да, это ужасное падение. Но если это правда, мой голубок, что тут делают состояния...

– Ты еще сомневаешься! – с энтузиазмом вскричал Галунье. – Неужто ты ничего не знаешь?

– Я много чего слышал, да только не верю в чудеса.

– Придется поверить. Тут сплошные чудеса. Тебе не доводилось слышать про горбуна с улицы Кенкампуа?

– Это о том, который предоставлял свой горб индоссантам³⁸ акций?

– Не предоставлял, а сдавал внаем в течение двух лет и, говорят, заработал на этом полтора миллиона ливров.

– Не может быть! – воскликнул гасконец и расхохотался.

– Напротив, может, и даже очень, потому что теперь он женится на графине.

– Полтора миллиона! – повторил Плюмаж. – И заработал горбом! Силы небесные!

– Ах, дружище, – порывисто произнес Галунье, – мы потеряли на чужбине лучшие годы и все же вовремя прибыли сюда. Здесь, представь себе, нужно только нагнуться, чтобы поднять. Это просто какой-то чудесный лов рыбы. Завтра луидоры пойдут по шесть су. По пути сюда я видел, как мальчишки играли в бушон³⁹ серебряными экю в шесть ливров.

Плюмаж облизал губы.

– А сколько может стоить, – поинтересовался он, – в эти благословенные времена удар шпагой, нанесенный точно, умело и по всем правилам искусства?

Плюмаж выпятил грудь, громко притопнул правой ногой и сделал глубокий выпад. Галунье скосил глаз.

– Тише! – сказал он. – Не шуми. Люди идут. – И, склонившись к уху Плюмажа, прошептал: – Думаю, что и сейчас недешево. Надеюсь не позже чем через час узнать цену из уст самого господина Гонзаго.

---

³⁸ *Индоссант* – лицо, делающее на векселе или другом денежном документе передаточную надпись.

³⁹ *Бушон* – игра, состоящая в сбивании стопки монет, положенных на пробку.

III Торги

Зала, где мирно беседовали нормандец и гасконец с примесью провансальца, находилась в центре главного здания. Ее окна, затянутые тяжелыми фламандскими гобеленами, выходили на узенькую полоску травы, огражденную трельяжем, которая отныне получила пышное название «личный сад госпожи принцессы». В отличие от других помещений первого и второго этажа, уже наводненных рабочими, здесь пока еще ничто не подверглось переделке.

То была парадная гостиная княжеского дворца, обставленная богатой, но строгой мебелью. Гостиная, которой пользовались только для празднеств и представлений, о чем свидетельствовало находящееся напротив гигантского камина черного мрамора возвышение, застеленное турецким ковром; из-за этого возвышения зала приобретала совершенно судебный вид.

И действительно, здесь в те времена, когда знать решала судьбы королевства, не раз собирались представители прославленных домов – Лотарингского, Шеврёз, Жуайёз, Омаль, Эльбёф, Невер, Меркёр, Майеннского, Гизов. И только полным смятением, царящим во дворце Гонзаго, можно объяснить то, что наши два храбреца сумели пройти сюда. И надо сказать, тут они оказались в самом тихом и спокойном месте.

До завтрашнего дня зала эта должна была оставаться нетронутой. Сегодня тут состоится торжественный семейный совет, и только завтра она будет отдана на растерзание плотникам, которые выстроят в ней клетушки.

– Да, кстати, о Лагардере, – заговорил Плюмаж, когда шум потревоживших их шагов отдался. – Когда ты встретился с ним в Брюсселе, он был один?

– Нет, – ответил Галунье. – А ты, когда столкнулся с ним в Барселоне?

– Тоже нет.

– С кем он был?

– С девушкой.

– Красивой?

– Очень.

– Интересно. Когда я встретил его во Фландрии, он тоже был с очень красивой молоденькой девушкой. А ты не помнишь, каковы были манеры, лицо, наряд той девушки?

Плюмаж ответил:

– Лицо, манеры, наряд прелестной испанской цыганки. А у твоей?

– Манеры скромные, ангельское личико, наряд благородной девицы.

– Интересно, – в свой черед произнес Плюмаж. – А сколько ей могло быть примерно лет?

– Столько же, сколько было бы унесенному ребенку.

– Второй тоже. Но ведь мы с тобой, золотце, кое о чем позабыли. К тем, кто ждет своей очереди, то есть к нам обоим, к шевалье Фаэнце и барону Сальданье, мы не причислили ни господина де Пероля, ни принца Гонзаго.

Отворилась дверь, и Галунье успел только бросить:

– Ежели доживем, увидим.

Вошел слуга в пышной ливрее, сопровождаемый двумя рабочими с измерительными инструментами. Он был до того озабочен, что даже не обратил внимания на Плюмажа с Галунье, и те сумели незаметно скользнуть в нишу окна.

– Поторопитесь! – распорядился лакей. – Наметьте все для завтрашней работы. Четыре фута на четыре.

Рабочие тут же принялись за дело. Один измерял, второй проводил мелом линии и писал номера. Первым был поставлен номер 927, а далее шло по порядку.

– Дорогуша, кой черт они тут делают? – поинтересовался гасконец, выглянув из укрытия.

– Ты что, не знаешь? – удивился Галунье. – Эти линии показывают, где будут поставлены перегородки, а номер девятьсот двадцать семь говорит, что в доме господина Гонзаго продана уже почти тысяча клетушек.

– А для чего эти клетушки?

– Чтобы делать золото.

Плюмаж широко раскрыл глаза. Брат Галунье растолковал ему, какой драгоценный подарок недавно сделал Филипп Орлеанский своему сердечному другу.

– Как! – ахнул гасконец. – Каждая из этих каморок стоит больше, чем ферма в Босе или в Бри?⁴⁰ Друг мой, друг мой, мы просто должны примкнуть к достойнейшему господину Гонзаго!

А измерения и разметка тем временем шли своим чередом. Лакей заметил рабочему:

– Номера девятьсот тридцать пять, девятьсот тридцать шесть и тридцать семь вы сделали слишком большими. Не забывайте, каждый дюйм стоит золота.

– Рай и святители! – пробормотал Плюмаж. – Что же, эти бумажки и впрямь так дорого стоят?

– Настолько, – отвечал Галунье, – что золото и серебро скоро не будут стоить ничего.

– Презренные металлы! И поделом им, – мрачно произнес гасконец и тут же изрек: – Черт побери, видно, у меня неистребимая привычка, но я сохраняю слабость к пистолям.

– Номер девятьсот сорок один, – объявил лакей.

– Осталось только два с половиной фута, – сообщил отмерявший рабочий. – На полную не хватает.

– Ничего, – заметил Плюмаж, – клетка пойдет какому-нибудь тощавому.

– Плотники придут сразу после совета.

– Какого еще совета? – удивился Плюмаж.

– Попытаемся узнать. Когда знаешь, что происходит в доме, считай, что дело здорово продвинулось.

Выслушав это безмерно справедливое высказывание, Плюмаж ласково потрепал Галунье по подбородку, подобно любящему отцу, обнаружившему, что его сынок начинает проявлять сообразительность.

Лакей и рабочие вышли. Но тут же из вестибюля донесся громкий, нестройный хор голосов, выкрикивающих:

– Мне! Мне! Я записался! Давайте по справедливости!

– Ну вот, – буркнул Плюмаж. – Опять что-то новенькое.

– Успокойтесь! Ради бога, успокойтесь! – прозвучал на пороге залы властный голос.

– Господин де Пероль! – шепнул брат Галунье. – Не высовываемся!

Они еще глубже втиснулись в нишу окна и задернули занавеску.

Господин де Пероль вступил в залу, сопровождаемый, а верней будет сказать, стиснутый толпой просителей – просителей весьма редкой и драгоценной породы, которые умоляли взять у них золото и серебро в обмен на дым.

Одет господин де Пероль был исключительно богато. В волне кружев, скрывающих его тощие руки, сверкали бриллианты.

– Господа! Господа! – повторял он, обмахиваясь платком с каймой из алансонских кружев. – Держитесь подальше. Вы, право же, утрачиваете почтение.

– Ах, плут! Он просто великолепен, – вздохнул Плюмаж.

– Жох! – определил его одним словом Галунье.

Да, тут мы согласны. Пероль был жох. Своей тростью он пытался раздвинуть толпу живых, ходячих денег. Справа и слева от него шли два секретаря с невероятных размеров записными книжками.

---

⁴⁰ Области дореволюционной Франции.

– Да блюдите хотя бы собственное достоинство! – с укоризной произнес он, страхивая с мехельнского жабо крошки испанского табака. – Неужто вы не можете сдержать страсть к наживе?

И он сделал такой жест, что наши мастера шпаги, разместившиеся, подобно истинным ценителям искусства, в закрытой ложе, едва удержались от рукоплесканий. Однако торговцы, окружавшие господина де Пероля, не сумели в той же мере оценить его.

– Мне! – продолжали кричать они. – Я первый! Теперь моя очередь!

Пероль остановился и изрек:

– Господа!

Все тотчас смолкли.

– Я просил вас успокоиться, – продолжил он. – Я представляю здесь особу господина принца Гонзаго. Я его управляющий. Однако я вижу, что кое-кто позволил себе остаться в шляпе.

В тот же миг все шляпы словно ветром сдуло.

– Вот так-то лучше, – одобрил Пероль. – Господа, я имею сообщить вам следующее...

– Тихо! Тихо! – раздались голоса.

– Конторки в этой галерее будут построены и распределены завтра.

– Браво!

– Это все, что у нас осталось. Больше ничего нет. Все прочее, кроме личных покоев монсеньора и покоев госпожи принцессы, уже занято.

И Пероль поклонился.

Хор опять завел:

– Мне! Я записан! Черт возьми, я не позволю обойти себя!

– Да не толкайтесь!

– Вы задавите женщину!

Да, там были и женщины, прабабушки нынешних уродливых дам, что в наши дни пугают в два часа пополудни прохожих на подходах к Бирже.

– Наглец!

– Невежа!

– Нахал!

Затем раздались проклятия и визг дам-финансисток. Похоже, они вот-вот должны были вцепиться друг другу в волосы. Плюмаж и Галунье высунулись, чтобы лучше видеть свалку, но в этот миг двери за возвышением распахнулись настежь.

– Гонзаго! – шепнул гасконец.

– Миллиардер! – дополнил нормандец.

И оба машинально обнажили головы.

Действительно, на помосте появился Гонзаго в сопровождении двух молодых дворян. Он был все так же красив, хотя ему уже шел пятый десяток. При высоком росте он сохранил поразительную гибкость. На лбу его не было видно ни единой морщины; густые, черные как смоль волосы ниспадали кудрями на черный же бархатный кафтан самого простого покроя.

Богатство его наряда не имело ничего общего с богатством наряда Пероля. Его жабо стоило пятьдесят тысяч ливров, а бриллианты на орденской цепи, которая едва выглядывала из-под голубого атласного камзола, – не меньше миллиона.

Молодые дворяне, что сопровождали принца, шелапут де Шаверни, его родственник по линии Неверов, и младший де Навайль, были в пудренных париках и с мушками на лице. То были очаровательные молодые люди, чуточку женственные, немножко уже утомленные, но, невзирая на ранний час, успевшие поднять дух капелькой шампанского; шелка и бархат они носили с великолепной небрежностью.

Де Навайлю было уже лет двадцать пять, маркизу де Шаверни недавно исполнилось двадцать. Они остановились, взглянули на толкотню и разразились искренним смехом.

– Господа, господа, – сняв шляпу, уговаривал Пероль, – имейте хотя бы уважение к его светлости принцу!

Толпа, готовая уже схватиться врукопашную, затихла как по мановению волшебной палочки; все кандидаты на обладание клетушками дружно склонились в поклоне, все дамы присели в реверансе. Гонзаго приветствовал их, помахав рукой, и бросил:

– Поторопитесь, Пероль, мне нужна эта зала.

– Ну и образины! – промолвил маленький Шаверни, в упор лорнируя толпу.

Навайль расхохотался так, что у него слезы выступили на глазах, и только и смог повторить:

– Образины!

Пероль подошел к принцу.

– Они уже доведены до белого каления, – шепнул он, – и заплатят, сколько мы пожелаем.

– Пустите на торги! – закричал Шаверни. – Вот будет потеха!

– Помолчите, сумасброд! – одернул его Гонзаго. – Мы здесь не за столом.

Однако предложение показалось ему удачным, и он сказал:

– Ну что ж, торги так торги. Какую назначить цену?

– Пятьсот ливров в месяц за четыре фута на четыре, – ответил Навайль, убежденный, что это безумная цена.

– Тысяча в неделю, – перебил его Шаверни.

– Пусть будет полторы тысячи, – решил Гонзаго. – Начинайте, Пероль.

– Господа, – обратился тот к жаждущим, – поскольку эти места последние, и притом лучшие, мы предоставим их тем, кто больше предложит. Итак, номер девятьсот двадцать семь, полторы тысячи ливров!

По толпе прошел ропот, но никто не принял цены.

– Черт побери, кузен, – бросил Шаверни, – придется мне вам помочь. – И он крикнул: – Две тысячи ливров!

Претенденты с тоской переглядывались.

– Две с половиной! – во все горло выкрикнул Навайль.

Солидные кандидаты были потрясены и растеряны.

– Три тысячи! – раздался сдавленный голос толстого торговца шерстью.

– Принято! – поспешно сказал Пероль.

Гонзаго бросил на него разъяренный взгляд.

Да, Перолю недоставало полета ума. Он боялся, что у человеческого безумия есть предел.

– Ну и ну! – пробормотал Плюмаж.

Галунье стоял, молитвенно сложив руки. Он смотрел и слушал.

– Номер девятьсот двадцать восемь, – назвал управляющий.

– Четыре тысячи ливров, – небрежно произнес Гонзаго.

– С ума сбрендить! – ахнула перекупщица в туалете, купленном за двадцать тысяч луидоров, в котором ее племянница недавно венчалась с графом. Деньги эти она нажила на улице Кенкампуа.

– Беру! – крикнул аптекарь.

– Даю четыре с половиной! – надбавил торговец скобяным товаром.

– Пять тысяч!

– Шесть!

– Отдано! – объявил Пероль. – Номер девятьсот двадцать девять... – Но, поймав взгляд Гонзаго, надбавил: – За десять тысяч ливров!

– Четыре фута на четыре! – выдавил ошеломленный Галунье.

Плюмаж задумчиво пробормотал:

– Меньше, чем могила!

А торги уже шли полным ходом. Всех охватило сумасшествие. За девятьсот двадцать девятый номер торговались, словно от обладания им зависела жизнь, и, когда за следующую клетушку Гонзаго назначил цену в пятнадцать тысяч ливров, никто даже не удивился. Расплачивались, заметьте, не сходя с места, звонкой монетой либо государственными билетами.

Один из секретарей Пероля принимал деньги, второй заносил в записную книжку фамилии покупателей. Шаверни и Навайль перестали смеяться, они восхищались.

– Невероятное безумие, – заметил маркиз.

– Да, не будь я очевидцем, ни за что бы не поверил, – согласился Навайль.

А Гонзаго бросил с обычной насмешливой улыбкой:

– Ах, господа, Франция – прелестная страна. Но пора кончать. Все остальное по двадцать тысяч.

– Да это же даром! – восхитился Шаверни.

– Мне! Мне! Мне! – завопила толпа.

Торги продолжались под крики радости и вопли отчаяния. Золото потоком сыпалось на ступени, ведущие на помост, которые служили прилавком. Истинное удовольствие, к которому, правда, примешивалось известное ошеломление, было смотреть, с какой радостью люди опустошали набитые карманы. Получившие возжеленную квитанцию размахивали ею над головой. Хмельные от счастья, они мчались, вступали в квадраты, отмеченные мелом, и горделиво примеривались к ним. Потерпевшие поражение рвали на себе волосы.

– Мне! Мне! Мне!

Пероль и его подручные не знали, кого слушать. Неистовство нарастало. Когда пошли последние номера, казалось, вот-вот начнется кровопролитие. Девятьсот сорок второй номер, тот, в котором было всего два с половиной фута, был уступлен за двадцать восемь тысяч ливров. Пероль громко захлопнул записную книжку и объявил:

– Господа, торги закрыты.

На миг воцарилась небывалая тишина. Счастливые обладатели клетушек ошеломленно переглядывались. Гонзаго подозвал Пероля и распорядился:

– Очистите зал!

В эту же секунду в дверях, ведущих из вестибюля, появилась еще одна группа – придворных, откупщиков, дворян; они пришли засвидетельствовать почтение принцу Гонзаго. Увидев, что место занято, они остановились.

– Входите, господа, входите! – пригласил их Гонзаго. – Сейчас мы отправим всех этих людей.

– Входите, – добавил Шаверни. – Эти добрые люди, ежели захотите, уступят вам свои приобретения по двойной цене.

– И совершат большую ошибку, – заключил Навайль. – Привет, толстяк Ориоль!

– А, так вот он где, Пактол⁴¹, – бросил тот, отвесив глубокий поклон Гонзаго.

Ориоль был весьма многообещающий молодой откупщик. Среди прочих здесь были Альбре и Таранн, оба финансисты, барон фон Батц, благонамеренный немец, приехавший в Париж в надежде познать в этом городе все разновидности разврата, виконт де Лафар, Монтобер, Носе, Жиронн, все гуляки и распутники, все дальние родственники или уполномоченные дальних родственников Невера; принц Гонзаго созвал их на торжественный семейный совет, о котором упоминал господин де Пероль и на котором нам вскоре предстоит присутствовать.

– Как распродажа? – поинтересовался Ориоль.

---

⁴¹ Пактол – небольшая речка в Лидии, в которой, по преданиям, в древности добывали золото; в переносном смысле источник богатств.

- Неудачно, – холодно ответил Гонзаго.
- Ты слышал? – прошептал в укрытии Плюмаж.
- Галунье, стирая со лба крупные капли пота, сказал:
- Он прав. Эти петушки позволили бы ощипать себя до последнего перышка.
- Господин Гонзаго, вы потерпели неудачу в делах? – воскликнул Ориоль. – Да быть такого не может!
- Судите сами. Последние места я сдал одно за другим по двадцать три тысячи ливров.
- В год?
- В неделю!
- Новоприбывшие воззрились на будущие клетушки и на тех, кто их приобрел.
- Двадцать три тысячи! – в совершенном изумлении повторяли они.
- Надо было начинать с этой цифры, – сказал Гонзаго. – У меня была почти тысяча номеров. За сегодняшнее утро я получил бы чистыми двадцать три миллиона.
- Но это же безумие!
- Да. Но это только начало, мы еще не то увидим. Сперва я сдал двор, потом сад, потом вестибюль, лестницы, конюшни, службы, каретные сараи. Сейчас у меня остались только мои покои, но, черт возьми, у меня большое желание переселиться жить на постоянный двор.
- Кузен, – предложил де Шаверни, – по нынешним ценам я готов уступить вам свою спальню.
- Чем больше нехватка мест, – продолжал Гонзаго, стоя в кругу новых гостей, – тем сильнее возрастает лихорадка. А у меня уже ничего не осталось.
- Поищи, кузен. Доставим удовольствие твоим гостям и проведем небольшие торги.
- Да нету ничего, – отвечал Гонзаго, но, подумав, воскликнул: – А! Есть!
- Что? – слышалось со всех сторон.
- Собачья будка.

В группе придворных раздался хохот, однако торговцы не смеялись. Они задумались.

– Господа, вы полагаете, я шучу, – заявил Гонзаго, – а я готов держать пари, что стоит мне захотеть, и я получу за нее не сходя с места десять тысяч экю.

– Тридцать тысяч ливров за собачью будку! – раздался недоверчивый голос.

Придворные вновь расхохотались.

Но вдруг между Навайлем и Шаверни, которые хохотали громче всех, протиснулась странная голова с чудовищно включенными волосами – голова горбуна. Тонким, надтреснутым голосом горбун объявил:

– Беру собачью будку за тридцать тысяч ливров!

IV Щедрость

Горбун, несомненно, был умен, хотя он и согласился на эту ни с чем не сообразную цену. У него был острый, колющий взгляд и крючковатый нос. Чуть приметная улыбка, таящаяся в уголках губ, свидетельствовала о дьявольской хитрости. Одним словом, то был настоящий горбун.

Что же касается самого горба, то он был весьма изобилен и чуть ли не подпирал затылок. Подбородок горбуна почти утыкался в грудь. Ноги у него были уродливые, кривые, но отнюдь не тонкие, что, по общему мнению, является обязательным признаком всякого горбуна.

Странное это существо было одето в черный костюм весьма пристойного вида, манжеты и жабо из плоеного муслина сияли безукоризненной белизной. Все взоры обратились к нему, но, похоже, это его ничуть не смутило.

– Браво, мудрый Эзоп!⁴² – воскликнул Шаверни. – Мне кажется, ты отважный и ловкий спекулятор.

– Достаточно отважный, – ответил горбун, пристально взглянув на маркиза, – а вот ловкий ли, это мы увидим.

Его тонкий голосок прозвучал скрипуче, как детская трещотка. Все вокруг повторяли:

– Браво, Эзоп! Браво!

Плюмаж и Галуны уже ничему не удивлялись. Ошеломленные, они молча стояли, и вдруг гасконец тихо спросил:

– Дорогуша, а мы никогда не были знакомы с этим горбуном?

– Насколько я помню, нет.

– Силы небесные! Мне кажется, я где-то видел эти глаза.

Гонзаго тоже с исключительным вниманием разглядывал горбуна.

– Друг мой, а вам известно, что здесь платят наличными? – осведомился он.

– Известно, – отвечал Эзоп, потому что с этого момента у него не будет другого имени, кроме того, которым окрестил его Шаверни.

Он извлек из кармана бумажник и вручил господину де Перолю шестьдесят государственных казначейских билетов по пятьсот ливров. У этого человечка была настолько фантастическая внешность, что все, казалось, ждали: вот сейчас эти билеты превратятся в сухие листья. Однако с ними ничего не произошло.

– Расписку, – потребовал горбун.

Пероль выдал ему расписку. Эзоп сложил ее и сунул в бумажник, туда, где до этого лежали государственные билеты. Щелкнув по записной книжке Пероля, он объявил:

– Превосходная сделка! До свиданья, господа! – и учтиво отвесил поклон Гонзаго и его свите.

Все расступились, давая ему пройти.

Кое-кто еще смеялся, но у многих пробежал по спине необъяснимый холодок. Гонзаго стоял в задумчивости.

Пероль и его подчиненные начали освобождать залу от покупателей, которые уже мечтали, чтобы поскорей наступило завтра. Друзья принца все посматривали на дверь, за которой скрылся странный горбун в черном.

– Господа, пока не подготовят залу, прошу вас проследовать в мои покои, – пригласил Гонзаго.

---

⁴² По преданию, древнегреческий баснописец Эзоп был горбуном.

– Пора! – изрек за занавесом Плюмаж. – Сейчас или никогда. Пошли!

– Я боюсь, – ответил робкий Галунье.

– Ладно, я пойду первый, – решился гасконец.

Он взял Галунье за руку и, держа в другой руке шляпу, направился к Гонзаго.

– Бог мой! – заметив их, воскликнул Шаверни. – Похоже, кузен хочет представить нам комедию. Прямо маскарад какой-то! Горбун был неплох, но это, пожалуй, самая лучшая пара разбойников, каких я когда-либо видел.

Плюмаж-младший презрительно глянул на него. Навайль, Ориоль и прочие окружили двух друзей и с любопытством разглядывали их.

– Будь благодарен! – шепнул Галунье на ухо Плюмажу.

– Ризы Господни! – бросил тот. – Они, видать, никогда не встречались с благородными людьми, что так пьются на нас.

– Тот, что повыше, просто великолепен! – заметил Навайль.

– А мне больше нравится маленький, – объявил Ориоль.

– Что они тут делают? Собачья будка уже сдана.

К счастью, друзья уже добрались до Гонзаго, который, увидев их, вздрогнул.

– Что угодно этим храбрецам? – осведомился он.

Плюмаж отвесил поклон с благородным изяществом, присущим всем его действиям. Галунье поклонился не столь ловко, но тем не менее как человек, потерпевший в свете. Плюмаж-младший, обедев взглядом разряженную толпу, которая только что хохотала над ними, громко и внятно произнес:

– Мы с этим дворянином, будучи давними знакомцами монсеньора, явились засвидетельствовать вашей светлости свое почтение.

– А-а! – протянул Гонзаго.

– Если ваша светлость заняты не терпящими отлагательств делами, – еще раз поклонившись, продолжал Плюмаж, – мы придем снова в день и час, который соблаговолит назначить нам ваша светлость.

– Совершенно верно, – пролепетал Галунье, – мы будем иметь честь прийти еще раз.

Последовал третий поклон, после чего оба гордо выпрямились, положив руки на эфесы шпаг.

– Пероль! – позвал Гонзаго.

Явился управляющий, который выпроваживал последних покупателей.

– Ты узнаешь этих славных молодцов? – спросил Гонзаго. – Проводи их в службы. Пусть их там накормят и напоят. Одень их во все новое, и пусть они ждут моих распоряжений.

– О, монсеньор! – воскликнул Плюмаж.

– Великодушный принц! – проблеял Галунье.

– Ступайте! – приказал Гонзаго.

Они удалялись, пятась, отвешивая бесчисленные поклоны и метая пол облезлыми перьями шляп. Поравнявшись же с насмешниками, Плюмаж надел шляпу набекрень и приподнял концом рапиры обтрепанную полу плаща. Брат Галунье в точности повторил его. С презрительно высокомерным видом, задрав нос, подбоченясь, испепеляя грозными взглядами насмешников, они прошествовали следом за господином де Перолем через залу в службы, где поразили своей прожорливостью лакеев принца.

Насыщаясь, Плюмаж-младший объявил:

– Ну все, дорогуша, мы поймали удачу.

– Дай-то бог! – отвечал с полным ртом, как всегда куда более опасливый, брат Галунье.

– С каких это пор, кузен, ты пользуешься подобными орудиями? – поинтересовался Шаверни у принца, когда они ушли.

Гонзаго скользнул по нему рассеянным взглядом и ничего не ответил.

Вероятно, принц не расслышал вопроса: господа, окружавшие их, слишком громко говорили, наперебой пели Гонзаго дифирамбы и всячески старались обратить на себя его внимание. Все они были либо близкие к разорению дворяне, либо уже развращенные финансисты; никто из них пока еще не совершил ничего, что карается законом, и в то же время ни про одного из них нельзя было сказать, что он сохранил чистую, незапятнанную совесть. Все они по разным причинам нуждались в Гонзаго; он был их господином и повелителем, точь-в-точь как древнеримский патриций для толпы своих полуголодных клиентов. К Гонзаго их привязывали честолюбие, корысть, расчет и пороки.

Единственным, кто сохранял некоторую независимость, был молодой маркиз де Шаверни, чересчур сумасбродный, чтобы спекулировать, и слишком беззаботный, чтобы продаваться.

Впоследствии читателю станет ясно, что хотел сделать из них Гонзаго, хотя на первый взгляд он, находившийся в ту пору на вершине богатства, могущества и удачи, не нуждался ни в ком.

– А еще говорят о золотых копиях Перу! – заметил толстяк Ориоль, пока принц находился в некотором отдалении. – Да один дворец Гонзаго стоит Перу и всех его копей!

Молодой откупщик был круглый как шар, краснощекий, пухлый, одышливый. Девушки из Оперы ограничивались тем, что лишь по-дружески, не более, посмеивались над ним, пока он пребывал при деньгах и был расположен одаривать их.

– Ей-богу, здесь-то и есть подлинное Эльдorado, – согласился тощий и сухой финансист Таранн.

– Золотой дом, – добавил господин де Монтобер, – а верней, бриллиантовый!

– Та, фернее, приллиантовый, – подтвердил барон фон Батц.

– Иной вельможа целый год мог бы жить на то, что принц Гонзаго проживает за неделю, – подхватил Жиронн.

– А потому, – объявил Ориоль, – принц Гонзаго – король вельмож!

– Гонзаго, кузен мой, – вскричал с комически жалобным видом Шаверни, – смилуйся, пощади нас, а то эти славословия никогда не кончатся!

Принц, казалось, очнулся.

– Господа, – произнес он, не удостоив маленького маркиза ответом, поскольку не любил насмешек, – прошу вас проследовать в мои покои. Эту залу нужно освободить.

Когда все собрались у него в кабинете, он осведомился:

– Господа, вы знаете, почему я вас собрал?

– Мне говорили про какой-то семейный совет, – ответил Навайль.

– Более того, господа, то будет торжественный семейный сбор, если угодно, семейный трибунал, на котором его королевское высочество будет представлен тремя первыми сановниками государства: президентом де Ламуаньоном, маршалом де Вильруа и вице-президентом д'Аржансоном.

– Черт побери! – ахнул Шаверни. – Уж не идет ли дело о престолонаследии?

– Маркиз, – холодно обрезал Гонзаго, – мы говорим о серьезных вещах. Увольте нас от своих шуточек.

– Не найдется ли у вас, кузен, – демонстративно зевая, спросил Шаверни, – каких-нибудь книжек с картинками, чтобы я мог отвлечься, пока вы будете говорить о серьезных вещах?

Чтобы заставить его замолчать, Гонзаго улыбнулся.

– Так в чем, в сущности, дело, принц? – поинтересовался господин де Монтобер.

– А дело, господа, в том, что вы должны будете доказать свою преданность мне, – ответил Гонзаго.

– Мы готовы! – прозвучал многоголосый хор.

Принц поклонился и улыбнулся.

– Я велел особо позвать вас, Навайль, Жиронн, Шаверни, Носе, Монтобер, Шуази, Лаваллад, и других как родственников Невера, вас, Ориоль, как поверенного нашего родича де Шатийона, а вас, Таранн и Альбре, как уполномоченных обоих де Шателю...

– А, раз дело касается не наследия Бурбонов, – прервал его Шаверни, – значит речь пойдет о наследстве Неверов?

– Да, будет решаться вопрос о владениях де Невера и другие не менее важные дела, – ответил Гонзаго.

– Но на кой черт, кузен, тебе, который за час получил миллион, владения Невера?

Прежде чем дать ответ, Гонзаго с секунду помолчал.

– Разве я один? – проникновенным тоном задал он вопрос. – Разве я не обязан сделать состояние и вам?

Среди собравшихся раздался благодарный ропот. Все лица в той или иной степени озарились.

– Вы же знаете, принц, – сообщил Навайль, – что всегда можете рассчитывать на меня!

– И на меня! – подхватил Жиронн.

– И на меня! И на меня!

– И на меня тоже, черт побери! – произнес Шаверни последним. – Я только хотел бы знать...

Гонзаго не дал ему договорить, прервав с суровой надменностью:

– Ты слишком любознателен, кузен, и это тебя погубит. Хорошенько запомни: те, кто со мной, должны безоговорочно следовать моей дорогой, не важно, хороша она или плоха, прямо или извилиста.

– Но...

– Такова моя воля! Каждый свободен идти за мной или остаться, но каждый отставший от меня разрывает наш обоюдный договор, и с той поры я не желаю его знать. А те, кто со мной, должны видеть моими глазами, слышать моими ушами, думать моими мыслями. Они – руки, я – голова, и потому вся ответственность лежит на мне. Пойми меня, маркиз, я ищу только таких друзей, другие мне не нужны.

– И нам нужно только, чтобы наш светлейший родственник указывал нам дорогу! – ввернул де Навайль.

– Всесильный кузен, – поинтересовался Шаверни, – а будет ли мне дозволено смиренно и скромно задать один вопрос? Что я должен делать?

– Молчать и на совете отдать мне голос.

– Надеюсь, я не уязвлю трогательную преданность наших друзей, если скажу, что отношусь к своему голосу примерно так же, как к бокалу, из которого только что выпил шампанское, но...

– Никаких «но»! – прервал его Гонзаго.

Все воодушевленно зашумели:

– Никаких «но»!

– Монсеньор, мы все сплотимся вокруг вас! – веско заявил Ориоль.

– Монсеньор, – вставил Таранн, финансист шпаги⁴³, – умеет помнить о тех, кто ему служит!

Намек не должен быть слишком хитроумным, но этот был чересчур прямым. Каждый из присутствующих принял равнодушный и независимый вид, дабы его не заподозрили в корыст-

---

⁴³ В дореволюционной Франции было так называемое дворянство шпаги, то есть родовое, и дворянство мантии, в основном представители судейского сословия, получившие за заслуги либо купившие дворянство. «Финансист шпаги» – иронический термин, говорящий о том, что дворянин Таранн занимался финансовыми спекуляциями.

ности. Шаверни послал Гонзаго торжествующую, насмешливую улыбку. Тот погрозил ему пальцем, словно шаловливому ребенку. Гнев его прошел.

– Я чрезвычайно ценю преданность Таранна, – произнес он с ноткой презрения в голосе. – Таранн, друг мой, вы получаете податные откупы в Эперне.

– О, монсеньор! – выдохнул откупщик.

– Не нужно благодарностей, – остановил его Гонзаго. – Монтобер, откройте, пожалуйста, окно, мне что-то нехорошо.

Все бросились к окнам. Гонзаго страшно побледнел, на лбу у него выступил пот. Он смочил платок в бокале с водой, который ему подал Жиронн, и приложил ко лбу.

Шаверни, исполненный неподдельного беспокойства, подошел к нему.

– Пустяки, – успокоил его принц. – Простое утомление. Я почти не спал ночь и должен был присутствовать на утреннем приеме у короля.

– Да на кой черт вам, кузен, так надрываться? – воскликнул Шаверни. – Что может вам дать король? Я даже сказал бы, что может вам еще дать всемогущий Господь?

Что касается всемогущего Господа, Гонзаго тут не в чем было упрекнуть. Если он рано вставал, то вовсе не ради утренних молитв. Принц пожал руку Шаверни. Мы можем совершенно точно сказать, что он с радостью заплатил бы Шаверни за вопрос, который тот задал ему сейчас, любую цену.

– Неблагодарный! – укоризненно произнес Гонзаго. – Разве я для себя стараюсь?

Приближенные Гонзаго дошли уже до такой степени, что готовы были броситься на колени перед ним. Шаверни промолчал.

– Ах, господа, что за очаровательное дитя наш юный король! – промолвил Гонзаго. – Он знает ваши имена и всегда интересуется, как дела у моих милых друзей.

– Невероятно! – прошелестело среди присутствующих.

– Когда его высочество регент, который был в спальне вместе с принцессой Палатинской⁴⁴, раздвинул занавеси полога и юный Людовик открыл глаза, еще затуманенные сном, нам показалось, что взошла заря.

– Розовоперстая заря! – бросил неисправимый Шаверни.

Почему-то ни у кого не появилось желания приструнить его.

– Наш юный король, – продолжал Гонзаго, – протянул руку его королевскому высочеству, а потом, заметив меня, молвил: «А, принц! Доброе утро! Недавно вечером я видел вас на Аллее Королевы в окружении вашего двора. Вам придется отдать мне господина де Жиронна, он великолепный наездник».

Жиронн прижал руку к сердцу. Остальные поджали губы.

– «Мне очень нравится также господин де Носе, – продолжал пересказывать собственные слова его королевского величества Гонзаго. – И господин де Сальданья тоже. В бою он, наверно, непобедим».

– О нем-то зачем? – шепнул на ухо Гонзаго Шаверни. – Его же здесь нет.

И правда, со вчерашнего вечера никто не видел ни барона Сальданью, ни шевалье Фаэнцу. Не обращая внимания на замечание, Гонзаго продолжал:

– Его величество говорил со мной о вас, Монтобер, о вас, Шуази, и о других тоже.

– А его величество, – вновь не выдержал маленький маркиз, – соблаговолил отметить изящные и благородные манеры господина де Пероля?

– Его величество, – сухо ответил Гонзаго, – не забыл никого, кроме вас.

– Так мне и надо! – промолвил Шаверни. – Это для меня наука!

---

⁴⁴ Титул, который носила при французском дворе Шарлотта Елизавета Баварская (1652–1722), вторая жена брата Людовика XIV герцога Орлеанского, мать регента. Палатинат – Пфальц в Германии.

– При дворе уже знают о вашем предприятии с рудниками, Альбре, – не останавливался Гонзаго. – «А знаете, про вашего Ориоля, – сказал мне, смеясь, король, – мне говорили, что скоро он станет богаче меня».

– Какой ум! Какой государь будет у нас!

Всех обуял восторг.

– Но все отнюдь не кончилось словами, – с приятной и лукавой улыбкой промолвил Гонзаго. – Объявляю вам, друг Альбре, что вам будет подписана концессия.

– И это, разумеется, вашими стараниями, принц! – воскликнул Альбре.

– Ориоль, – повернулся Гонзаго к толстяку, – вы возводите в дворянское достоинство и можете повидаться с д'Озье насчет вашего герба.

Кругленький откупщик так раздулся от гордости, что казалось, вот-вот лопнет.

– Ориоль, – обратился к нему Шаверни, – ты до сих пор был в родстве со всей улицей Сен-Дени, а теперь стал родичем короля. Кстати, вот тебе герб: *на золотом фоне три лазурных чулка, два и один, а над ним пылающий ночной колпак, и девиз: «Utile dulce»*⁴⁵.

Все, кроме Ориоля, посмеялись. Ориоль явился на свет на углу улицы Моконсейм в лавке, где торговали чулками и прочим подобным товаром. Сбереги Шаверни эту шутку до ужина, она имела бы бешеный успех.

– Вы, Навайль, получаете просимую вами пенсию, – продолжал Гонзаго, это живое воплощение провидения, – а вы, Монтобер, патент.

Монтобер и Навайль пожалели о том, что смеялись.

– Вы, Носе, завтра поедете в королевских каретах в свите его величества. Жиронн, о том, чего я добился для вас, я сообщу, когда мы останемся с вами наедине.

Носе был доволен, а уж Жиронн – тем паче.

А Гонзаго все длил перечень благодеяний, не стоивших ему ничего, называя поочередно все имена. Даже барон фон Батц и тот не был забыт.

– Подойди ко мне, маркиз, – сказал наконец он.

– Я? – удивился Шаверни.

– Ты, ты, балованное дитя!

– О, кузен, я знаю свою судьбу! – дурашливо произнес маркиз. – Все мои юные соученики, которые послушно вели себя, получили *satisfecit*⁴⁶. А самое меньшее, что грозит мне, быть посаженным на хлеб и воду. Ах, – воскликнул он, стукнув себя кулаком в грудь, – признаю, я вполне заслужил это.

– На утреннем приеме был господин де Флери, воспитатель короля, – сообщил Гонзаго.

– Естественно, – заметил маркиз, – такова его должность.

– Господин де Флери строг.

– Такова его обязанность.

– Господин де Флери узнал про историю, которая у тебя произошла в монастыре фейанов с мадемуазель де Клермон.

– Ой! – ойкнул де Навайль.

– Ой! – подхватил Ориоль с товарищами.

– И ты, кузен, не дал отправить меня в изгнание? – полуутвердительно спросил Шаверни. – Премного благодарен.

– Речь, маркиз, шла вовсе не об изгнании.

– А о чем же тогда, кузен?

– О Бастилии.

– Значит, ты спас меня от Бастилии? Стократ благодарен!

---

⁴⁵ Приятное с полезным (*лат.*).

⁴⁶ Удовлетворительно (*лат.*).

- Я сделал более того, маркиз.
- Более, кузен? Мне, видно, придется пасть пред тобою ниц?
- Твои земли в Шанейле были конфискованы при покойном короле?
- Да. Когда отменили Нантский эдикт⁴⁷.
- Они приносили хороший доход?
- Двадцать тысяч экю, кузен, и я продался бы дьяволу даже за половину этой суммы.
- Твои земли в Шанейле возвращены тебе.
- Правда? – воскликнул маленький маркиз, потом, протянув руку Гонзаго, с самым серьезным видом произнес: – Что ж, слово сказано, я продаюсь дьяволу.

Гонзаго нахмурил брови. Его приспешники только ждали знака, чтобы возмущенно завопить. Шаверни обвел их презрительным взглядом.

– Кузен, – тихо заговорил он, выделяя каждое слово, – я желаю вам только счастья. Но если настанут дурные дни, толпа, окружающая вас, рассеется. Я никого не оскорбляю, таково правило, но я останусь с вами, даже если буду один.

---

⁴⁷ По Нантскому эдикту, изданному в 1598 г. Генрихом IV и завершившему Религиозные войны, гугенотам предоставлялась свобода вероисповедания и богослужения. Эдикт был отменен в 1685 г. Людовиком XIV, и его отмена сопровождалась преследованиями гугенотов.

V

Почему отсутствовали Фаэнца и Сальданья

Распределение благодеяний закончилось. Носе обдумывал, в каком наряде он завтра поедет в придворной карете. Ориоль, уже пять минут как дворянин, прикидывал, какие предки могли бы у него оказаться во времена Людовика Святого⁴⁸. Короче, все были довольны. Гонзаго явно не терял зря времени на малом утреннем приеме короля.

– Кузен, – обратился к нему маленький маркиз, – несмотря на великолепный подарок, который ты мне только что сделал, я не удовлетворен.

– Чего еще тебе надо?

– Не знаю, может, это из-за истории с мадемуазель де Клермон у фейанов, но Буа-Розе наотрез отказал мне в приглашении на сегодняшнее празднество в Пале-Рояле. Он сказал, что все билеты уже розданы.

– Еще бы! – воскликнул Ориоль. – Сегодня утром на улице Кенкампуа они шли нарасхват по десять луидоров. Буа-Розе заработал на этом, думаю, тысяч пятьсот-шестьсот ливров.

– Из которых половина причитается его хозяину аббату Дюбуа!

– А я видел, как один билет был куплен за пятьдесят луидоров, – сообщил Альбре.

– Мне и за шестьдесят не продали, – перебил его Таранн.

– Их просто рвут из рук.

– А сейчас они вообще стали, можно сказать, бесценными.

– Это потому, господа, что празднество будет исключительно великолепным, – сказал Гонзаго. – Присутствие на нем будет означать патент на богатство или благородство. Не думаю, что его высочеству регенту пришла в голову идея спекулировать билетами, но это, увы, беда нашего времени, и, право же, я не вижу ничего худого в том, что Буа-Розе или аббат Дюбуа немножко погрееют руки на такой мелочи.

– Так, значит, нынешней ночью гостиные регента будут заполнены маклерами и дельцами, – заметил Шаверни.

– Это завтрашнее дворянство, – бросил Гонзаго. – К тому все идет.

Шаверни хлопнул по плечу Ориоля.

– Ты, нынешний дворянин, на этих завтрашних небось будешь смотреть свысока? – спросил он.

Мы вынуждены сказать несколько слов об этом празднестве. Идея его родилась у шотландца Лоу, и чудовищные расходы по нему взял на себя тот же шотландец Лоу. Это празднество должно было стать символическим триумфом *системы*, как тогда говорили, шумным официальным подтверждением победы кредита над звонкой монетой. Дабы торжество получилось как можно более торжественным, Лоу добился, что Филипп Орлеанский предоставил для него залы и сады Пале-Рояля. Более того, приглашение делалось от имени регента, и благодаря одному этому триумф божества-бумаги становился неким национальным праздником.

Говорят, Лоу передал огромные суммы двору регента, чтобы во время празднества никто ни в чем не испытывал недостатка. С безмерным расточительством готовились всевозможные чудеса, чтобы ослепить приглашенных. Особенно много говорилось о фейерверке и балете. Фейерверк, заказанный кавалеру Джойе, должен был представить гигантский дворец, который Лоу замыслил построить на берегах Миссисипи. Ни одно из чудес света не должно было сравниться с ним: то будет мраморный дворец, изукрашенный всем тем бесполезным золотом, которое победивший кредит выведет из обращения. Дворец, огромный, как город, на который

---

⁴⁸ Людовик IX Святой (1214–1270) – французский король с 1226 г.

пойдут все драгоценные металлы мира. Это единственное, на что окажутся годны золото и серебро. Балет, аллегорическое произведение в духе того времени, также должен был представить кредит в виде ангела-покровителя Франции, ставящего ее во главе всех народов. Конец голоду, нищете и войнам! Кредит, этот второй мессия, ниспосланный милосердным Господом Богом, распространит по целому свету вновь обретенные наслаждения земного рая.

После такого празднества обожествленный кредит нуждался лишь в храме. А жрецы уже имелись.

Регент установил число входных билетов в три тысячи. Третью из них прибрал к рукам Дюбуа, столько же под шумок взял себе церемониймейстер Буа-Розе.

Во времена, когда царит зараза спекуляции, спекуляторство проникает повсюду и ничто не избегает его всеохватывающего влияния. В простонародных кварталах случается видеть, что дети, едва научившиеся ходить и не вполне еще научившиеся говорить, торгуют своими игрушками, превращая в объект купли-продажи надкусанный пряник, рванный бумажный змей или полдюжины стеклянных шариков, и точно так же, когда спекуляторская лихорадка охватывает народ, большие дети принимаются перепродавать все, что пользуется спросом и имеет успех: карты вин модного ресторана, билеты в удачливый театр, стулья в переполненной церкви. Все это происходит совершенно просто и естественно, и никому не приходит в голову возмущаться.

Ей-богу, господин Гонзаго выразил общее мнение, когда сказал, что не видит ничего худого в том, что Буа-Розе заработал пятьсот-шестьсот тысяч ливров на этих безделицах.

– Кажется, Пероль говорил мне, – сообщил он, извлекая бумажник, – что ему предлагали не то две, не то три тысячи луидоров за пачку приглашений, которые его высочество соблаговолил послать мне, но, право же, я предпочел сохранить их для своих друзей.

Заявление это было встречено шумным одобрением. У большинства присутствующих в карманах уже лежали билеты на празднество, но при цене их по сто пистолей, ей-богу, никакое дополнительное количество приглашений не оказалось бы избыточным. Да, в это утро принц Гонзаго был просто бесконечно любезен.

Он раскрыл бумажник и бросил на стол толстую пачку розовых листов, на которых в обрамлении прелестных виньеток из переплетающихся амуров и цветочных гирлянд был изображен Кредит, великий Кредит, держащий в руках рог изобилия. Начался дележ. Все брали на себя и своих друзей, кроме маленького маркиза, который оставался еще в некоторой степени дворянином и не привык перепродавать то, что получил в подарок. У благородного Ориоля было, похоже, бесчисленное множество друзей, потому что билетами он набил все карманы. Гонзаго молча наблюдал, как они хватают приглашения. Он встретился взглядом с Шаверни, и оба рассмеялись.

Ежели кто-то из них считал Гонзаго простофилей, то он весьма заблуждался: принц был себе на уме; в его мизинце ума было больше, чем у целой дюжины Ориолей вкупе с полусотней Жироннов или Монтоберов.

– Господа, – сказал он, – соблаговолите оставить два приглашения для Фаэнцы и Сальданы. Право, я удивлен, что не вижу их здесь.

Да, это был невероятный случай, чтобы Фаэнца и Сальданы не явились на зов.

– Я счастлив, господа, – говорил Гонзаго, пока шел дележ приглашений, так высоко котирующихся на улице Кенкампуа, – что смог сделать для вас эту сущую безделицу. Запомните хорошенько: где пройду я, там пройдете и вы. Вы моя священная когорта: ваше дело – всюду следовать за мной, мое дело – вести вас.

На столе остались только два приглашения, предназначенные для Сальданы и Фаэнцы. Все сгрудилось, со вниманием и почтением слушая своего предводителя.

– Я хочу вас предупредить, – продолжал Гонзаго, – что события, которые скоро произойдут, могут в какой-то мере показаться вам загадочными. Никогда не пытайтесь – и я не прошу, а требую этого – понять причины моего поведения; единственное, что от вас нужно: услышав

приказ, действовать. Пусть вас не беспокоит, что дорога может оказаться долгой и трудной, потому что, клянусь вам честью, в конце ее вас ждет богатство.

– Мы идем за вами! – воскликнул Навайль.

– Все до единого! – дополнил Жиронн.

А кругленький Ориоль с рыцарственным жестом завершил:

– Хоть в ад!

– Дьявол меня побери, кузен, – негромко бросил Шаверни, – до чего у нас верные друзья! Готов побиться об заклад...

Возгласы удивления и восторга не дали ему договорить. Он сам с полуоткрытым ртом восхищенно уставился на девушку поразительной красоты, которая неосторожно появилась в дверях спальни Гонзаго. Вероятно, она не ожидала встретить здесь столь многочисленное общество.

На юном, исполненном беззаботной радости лице девушки, вошедшей в двери, сверкала шаловливая улыбка. Увидев, сколько народу собралось у Гонзаго, она остановилась, быстро опустила на лицо кружевную вуаль, украшенную вышивкой, и застыла на пороге, словно прекрасное изваяние. Шаверни пожирал ее взглядом. Остальные прилагали титанические усилия, чтобы не пялиться на нее. Гонзаго, поначалу вздрогнувший, тут же овладел собой и устремился к ней. Он взял ее руку и поднес к губам, причем в его поведении почтительности было даже больше, чем галантности. Девушка не произнесла ни слова.

– Прекрасная затворница! – прошептал Шаверни.

– Испанка! – бросил Навайль.

– Так вот почему принц держит на запоре свой домик за церковью Сен-Маглуар!

Друзья принца с видом знатоков, каковыми они и были, любовались ее гибким и в то же время благородным станом, краешком крохотной волшебной ножки, густой, пышной короной шелковистых волос чернее смолы.

На незнакомке был парадный туалет, простая роскошь которого выдавала в ней знатную даму. И чувствовалось, что она умеет носить его.

– Господа, – объявил принц, – уже сегодня вы увидели бы это юное, драгоценное дитя, поскольку она драгоценна мне по многим причинам, и я собирался объявить об этом, но не думал, что это произойдет так скоро. В настоящую минуту я не буду иметь чести представить вас ей: еще не настало время. Прошу вас, подождите меня здесь. Вот-вот вы будете нам нужны.

Он взял девушку за руку и увел в свои покои, дверь за ними закрылась. На всех лицах явилось выражение легкомысленного веселья, и только лицо маркиза де Шаверни осталось, как и прежде, дерзко-насмешливым.

Наставник ушел, и эти большие школьники почувствовали себя свободными.

– Удачи! – крикнул Жиронн.

– Не будем их смущать! – подхватил Монтобер.

– Господа, – начал Носе, – вот так же покойный король совершил выход вместе с госпожой де Монтеспан⁴⁹ к собравшемуся двору. Кстати, Шуази, это твой почтенный дядюшка поведал о том в своих мемуарах... Присутствовали архиепископ Парижский, канцлер, принцы, три кардинала и две аббатисы, не говоря уже об отце Летелье⁵⁰. Король и графиня должны были торжественно попрощаться, дабы вернуться в лоно добродетели. Но тем не менее графиня рыдала, Людовик Великий прослезился, затем оба откланялись суровому собранию.

– Как она прекрасна! – задумчиво произнес Шаверни.

---

⁴⁹ Монтеспан, Франсуаза Атенаиса, маркиза де (1641–1707) – фаворитка Людовика XIV, который расстался с ней в 1678 г.

⁵⁰ Летелье, Мишель (1648–1719) – иезуит, последний духовник Людовика XIV, имевший на него огромное влияние.

– А вы знаете, какая пришла мне мысль? – воскликнул Ориоль. – Семейный совет собран по поводу развода!

Сначала все запротестовали, но потом каждый пришел к выводу, что это весьма и весьма возможно. Ни для кого не было секретом, что принц Гонзаго и его супруга совершенно не общались между собой.

– А ведь он так хитер, – заметил Таранн, – что способен оставить жену, но сохранить ее приданое.

– И потому ему нужны наши голоса, – согласился Жиронн.

– Шаверни, а ты что скажешь? – поинтересовался толстяк Ориоль.

– Скажу, – ответил маркиз, – что вы были бы подлецами, не будь вы такие дураки.

– Клянусь богом, кузен, – возмутился Носе, – ты уже в том возрасте, когда за дурные привычки наказывают, и я хочу...

– Ну, ну, – вмешался миролюбивый Ориоль.

Шаверни даже не взглянул на Носе.

– Как она прекрасна! – еще раз повторил он.

– Шаверни влюбился! – закричали со всех сторон.

– Только поэтому я прощаю его, – объявил Носе.

– А кто-нибудь знает хоть что-то об этой девушке? – осведомился Жиронн.

– Никто и ничего, – отозвался Навайль, – кроме того, что господин Гонзаго тщательно скрывает ее и что Пероль назначен рабом, обязанным исполнять все прихоти этой прелестной особы.

– Пероль ничего не рассказывал?

– Пероль никогда ничего не рассказывает.

– Ну да, ее же охраняют.

– В Париже она одну, самое большее, две недели, – высказался Носе, – потому что в прошлом месяце владычицей и повелительницей в маленьком домике нашего дорогого принца была Нивель.

– Да, и с той поры мы ни разу не ужинали там, – заметил Ориоль.

– В саду установлены, прямо сказать, караулы, – сообщил Монтобер, – и командуют ими попеременно Фаэнца и Сальданья.

– Всё тайны, тайны!

– Ладно, успокоимся. Все равно сегодня узнаем. Эй, Шаверни!

Маркиз вздрогнул, словно его внезапно разбудили.

– Шаверни, ты что, замечтался?

– Шаверни, почему ты молчишь?

– Скажи хоть что-нибудь, Шаверни! Можешь даже нас оскорбить!

Маркиз оперся подбородком на руку.

– Господа, – сказал он, – вы по нескольку раз в день губите свои души из-за каких-то банковских бумаг, а я ради этой красавицы погубил бы душу окончательно, раз и навсегда.

Оставив Плюмажа-младшего и Амабля Галунье в людской за обильно накрытым столом, господин де Пероль покинул дворец через садовую калитку. Прошествовав по улице Сен-Дени и пройдя за церковь Сен-Маглуар, он остановился перед калиткой другого сада, стены которого были почти скрыты огромными поникшими ветвями старых вязов. В кармане прекрасного кафтана господина де Пероля лежал ключ от этой калитки. В саду не было ни души. В конце сводчатой аллеи, такой тенистой, что она казалась таинственной, виднелся новый дом, построенный в греческом стиле; его перистиль окружали статуи. О, этот садовый дом был под-

линная драгоценность! Последнее творение архитектора Оппенора!⁵¹ По тенистой аллее господина де Пероль дошел до дома. В вестибюле торчали ливрейные лакеи.

– Где Сальданья? – осведомился Пероль.

Оказывается, господина барона Сальданью никто со вчерашнего дня не видел.

– А Фаэнца?

Ответ был точно таким же. На тощей физиономии управляющего выразилось беспокойство.

«Что бы это значило?» – подумал он.

Не задавая больше лакеям вопросов на этот счет, Пероль спросил, можно ли видеть мадемуазель. Забегали слуги. Наконец раздался голос первой камеристки. Мадемуазель ждет господина де Пероля у себя в будуаре.

Едва он вошел туда, мадемуазель закричала:

– Я не спала всю ночь! Я ни на миг не сомкнула глаз! Я не желаю больше оставаться в этом доме! С той стороны сада не улочка, а какой-то разбойничий притон!

Собеседницей Пероля была девушка поразительной красоты, которую мы только что видели во дворце принца Гонзаго. Но здесь, пока не облачившаяся в парадный туалет, в утреннем дезабилье, она казалась еще прекраснее, если только такое возможно. Белый свободный пеньюар позволял догадываться о совершенствах ее фигуры; длинные черные волосы свободно падали пышными локонами на плечи, а крохотным ножкам было просторно в атласных туфельках без задников. Чтобы подойти близко к такой прелестнице и не потерять голову, надо быть из мрамора. Но у господина де Пероля были все основания пользоваться доверием своего господина даже в подобных обстоятельствах. По части бесстрастности он мог бы поспорить с самим Месруром, главой черных евнухов халифа Гаруна аль-Рашида. Вместо того чтобы восхититься прелестями прекрасной собеседницы, он сказал:

– Донья Крус, господин принц желает сегодня утром видеть вас у себя во дворце.

– О чудо! – вскричала девушка. – Я выйду из своей тюрьмы? Пройду по улице? Да быть не может! Уж не снится ли вам наяву сон, господин де Пероль?

Она взглянула ему в лицо, рассмеялась и сделала двойной пируэт. Не моргнув даже глазом, управляющий добавил:

– Господин принц желает, чтобы вы явились во дворец в парадном туалете.

– В парадном туалете! – вновь воскликнула девушка. – *Santa Virgen!*⁵² Да я не верю ни одному вашему слову!

– И тем не менее, донья Крус, я говорю совершенно серьезно. Через час вы должны быть готовы.

Донья Крус глянула в зеркало и рассмеялась собственному отражению. Затем, взрывчатая, как порох, закричала:

– Анжелика! Жюстина! Госпожа Ланглуа! Ох, как они медлительны, эти француженки! – заявила она в гневе, оттого что те не прибежали еще до того, как она их позвала. – Госпожа Ланглуа! Жюстина! Анжелика!

– Надо немножко подождать, – флегматично заметил управляющий.

---

⁵¹ Оппенор, Жиль Мари (1672–1742) – французский архитектор и рисовальщик.

⁵² Пресвятая Дева! (исп.)

– А вы ступайте прочь! – приказала донья Крус. – Поручение вы исполнили. Я приду сама.

– Нет, я вас подожду, – объявил Пероль.

– *Santa Maria*⁵³, какая жалость! – вздохнула донья Крус. – Если бы вы знали, милейший господин де Пероль, с каким удовольствием я увидела бы какую-нибудь другую физиономию.

В этот момент в будуар одновременно вошли госпожа Ланглуа, Анжелика и Жюстина, три парижские горничные. Донья Крус уже думать забыла про них.

– Я не хочу, – заявила она, – чтобы два этих человека оставались ночью в моем доме, они пугают меня.

Донья Крус имела в виду Фаэнцу и Сальданию.

– Такова воля монсеньора, – сообщил управляющий.

– Разве я рабыня? – покраснев от гнева, воскликнула вспыльчивая красавица. – Или я просила привезти меня сюда? Но даже если я пленница, я хотя бы имею право выбирать себе тюремщиков! Знайте, либо здесь никогда больше не будет этих двух людей, либо я не пойду во дворец.

Госпожа Ланглуа, первая камеристка доньи Крус, подошла к господину де Перолю и стала что-то шептать ему на ухо.

Лицо управляющего, и без того бледное, покрылось мертвенной белизной.

– Вы сами видели? – дрожащим голосом спросил он.

– Да, видела, – ответила камеристка.

– Когда?

– Несколько минут назад. Их только что нашли обоих.

⁵³ Пресвятая Мария (исп.).

– Где?
– За дверцей, что выходит на улочку.
– Я не выношу, когда при мне шепчутся! – надменно произнесла донья Крус.
– Простите! – смиренно извинился управляющий. – Я хочу лишь сообщить вам, что двух людей, раздражающих вас, вы больше не увидите.
– Тогда пусть меня оденут! – приказала донья Крус.
– Вчера вечером они вдвоем поужинали внизу, – рассказывала камеристка, провожая Пероля к лестнице, – и Сальданья, который должен был караулить, решил проводить господина Фаэнцу. Мы слышали на улочке звон шпаг.
– Донья Крус говорила мне об этом, – заметил Пероль.
– Шум продолжался недолго, – продолжала камеристка, – а только что один лакей, выйдя на улочку, наткнулся на два трупа.
– Ланглуа! Ланглуа! – раздался голос прекрасной затворницы.
– Идите взгляните, – бросила камеристка, поспешно взбегая по ступенькам, – они лежат в конце парка.

В будуаре три горничные приступили к простому и приятному труду облачения прекрасной девушки. Уже через несколько минут донья Крус была всецело поглощена радостным созерцанием собственной красоты. Собственное отражение улыбалось ей. *Santa Virgen!* Так счастлива она не была еще ни разу с самого приезда в этот огромный город Париж, длинные черные улицы которого она видела всего однажды сквозь мрак осенней ночи.

«Наконец-то, – думала она, – мой прекрасный принц исполнит свое обещание. Я увижу людей, и они увидят меня. Париж, который мне так превозносили, предстанет передо мной не только как одинокий дом, стоящий за высокими стенами в холодном парке».

И, полная радости, она вырвалась из рук горничных и стала кружиться по комнате, словно сумасбродное дитя, каким, в сущности, она и была...

А в это время господин де Пероль дошел до конца парка. В темной грабовой аллее на куче сухих листьев были расстелены два плаща. Под ними угадывались очертания двух человеческих тел. Пероль, дрожа, приподнял сперва один плащ, потом второй. Под первым лежал Фаэнца, под вторым Сальданья. У обоих во лбу между бровями было по отверстию.

Зубы Пероля выбили дробь, и он опустил плащи.

VI Донья Крус

Есть одна страшная история, которую каждый романист поведал хотя бы раз в жизни, – история о несчастном младенце, похищенном у матери, обязательно герцогини, шотландскими джипси, калабрийскими цингари, рейнскими ромами, венгерскими цыганами или испанскими хитанами. Мы же пребываем в совершенном неведении и даже обязуемся не задаваться вопросом, была ли прекрасная донья Крус действительно похищенной герцогской дочерью или всего-навсего простой цыганкой. Нам единственно известно, что она всю жизнь провела с цыганами, кочуя вместе с ними от города к городу, от деревни к деревне, и за несколько мараведи плясала на площадях. Она сама поведает нам, как получилось, что она бросила эту свободную, но не слишком прибыльную профессию, переселилась в Париж и оказалась в садовом доме принца Гонзаго.

Через полчаса, после того как был завершен ее туалет, мы вновь видим донью Крус в комнате принца, взволнованную, несмотря на природную гордость, и несколько смущенную своим недавним и не слишком удачным появлением в парадной зале дворца де Неверов.

– Почему Пероль не проводил вас? – удивился Гонзаго.

– Ваш Пероль, – отвечала девушка, – потерял голову и вообще способность соображать, пока я одевалась. Он оставил меня на несколько минут, чтобы пройтись по парку, а когда вернулся, то был похож на человека, пораженного громом. Но надеюсь, – поинтересовалась она ласковым тоном, – вы вызвали меня не для того, чтобы расспрашивать о своем Пероле?

– Нет, – рассмеялся Гонзаго, – я вызвал вас вовсе не для разговоров о Пероле.

– Тогда говорите! – воскликнула донья Крус. – Вы же видите, в каком я нетерпении. Говорите же!

Гонзаго пристально смотрел на нее.

Он думал:

«Я долго искал, но вряд ли сумел бы выбрать лучше. Ей-богу, она похожа на него. И это отнюдь не только мое впечатление».

– Ну так что же! – повторила донья Крус. – Говорите.

– Сядьте, дорогое дитя, – молвил Гонзаго.

– Я возвращусь в свою тюрьму?

– Ненадолго.

– Значит, все-таки возвращусь, – огорченно произнесла девушка. – Сегодня я впервые увидела кусочек города при солнечном свете. Он прекрасен. После этого мое заключение покажется мне куда печальней.

– Здесь не Мадрид, – объяснил Гонзаго, – приходится принимать предосторожности.

– Но зачем, зачем предосторожности? Разве я причинила кому-нибудь зло, что должна прятаться?

– Разумеется, нет, донья Крус, но...

– Погодите, монсеньор, – с горячностью прервала она его, – выслушайте меня. У меня слишком много накопилось на сердце. Вам вовсе не было нужды, и я это прекрасно понимаю, напоминать мне, что мы не в Мадриде, где я была бедной сиротой, брошенной всеми, – да, все это так, – но зато свободной как ветер!

Несколько секунд она молчала, чуть сдвинув черные брови.

– А помните ли вы, монсеньор, – произнесла она, – что вы мне много чего обещали?

– И исполню гораздо больше, чем обещал, – ответил Гонзаго.

– Это опять же только обещание, а я уже начинаю терять веру в них.

Лицо ее вдруг смягчилось, и в глазах появилось мечтательное выражение.

– Все меня знали, – говорила она, – и простолюдины и сеньоры, они любили меня и, когда я приходила, кричали: «Идите посмотрите на цыганку, которая танцует хересский бамболео!» А если я задерживалась, то на Пласа-Санта за Алькасаром меня ожидало множество народа. А ночью мне снились во сне большие апельсиновые деревья около дворца, наполняющие ночной воздух благоуханием, и дома с кружевными башенками, в которых с наступлением сумерек приоткрываются жалюзи. О, своей мандолиной я, случалось, радовала и испанских грандов! Дивная страна, – вздохнула она со слезами на глазах, – страна ароматов и серенад! А здесь тень ваших парков холодна и вызывает дрожь.

Она склонила голову на руку. Гонзаго не прерывал ее и, казалось, размышлял о чем-то своем.

– Вы помните? – вдруг спросила она. – В тот вечер я танцевала несколько позже, чем обычно. На повороте темной улочки, что ведет к церкви Успения, я внезапно столкнулась с вами. Я испугалась, и в то же время во мне возникла надежда. Когда вы заговорили серьезно и ласково, от звука вашего голоса у меня сжалось сердце. А вы, загородив мне проход, спросили: «Как вас зовут, дитя мое?» – «Санта Крус, – ответила я. – Когда я жила со своими соплеменниками, гранадскими цыганами, меня звали Флор, но при крещении священник дал мне имя Мария де ла Санта Крус». – «Ах, так вы христианка?» – сказали вы. Быть может, монсеньор, вы все это забыли?

– Нет, – рассеянно бросил Гонзаго, – я ничего не забыл.

– А я, – молвила донья Крус, и голос ее задрожал, – буду помнить эти минуты до конца жизни. Я уже любила вас. Почему? Не знаю. По годам вы годитесь мне в отцы, но где бы я смогла найти возлюбленного прекрасней, благородней и блистательней, чем вы?

Произнеся это, она даже не покраснела. Стыдливость в нашем понимании была неведома ей. Гонзаго запечатлел у нее на лбу отеческий поцелуй. Донья Крус испустила глубокий вздох.

– Вы мне сказали, – продолжала она, – «Дитя мое, ты слишком красива, чтобы танцевать на площади с баскским бубном и в поясе из фальшивых цехинов. Идем со мной». И я пошла за вами. Я уже лишилась воли. Я увидела, что вы живете во дворце самого Альберони⁵⁴. Мне сказали, что вы являетесь послом регента Франции при испанском дворе. Но что мне было до того! На следующий день мы уехали. Вы не предоставили мне места в своей карете. Я ни разу еще даже не заикалась вам об этом, монсеньор, потому что виделась с вами редко и неподолгу. Я была одна, безутешна, всеми покинута. Весь долгий, бесконечный путь из Мадрида в Париж я проделала в карете с плотными, вечно задернутыми занавесками, и проделала я его в слезах и с самыми горькими сердечными сожалениями. Уже тогда я поняла, что согласилась на ссылку. И сколь же часто, о Пресвятая Дева, я с тоской вспоминала былые вечера, когда я была свободна, и свой утраченный беззаботный смех!

Гонзаго уже не слушал ее, мысли его были далеко.

– Париж! Париж! – с такой необузданностью воскликнула она, что принц вздрогнул. – Вспомните, как вы мне расписывали Париж. Париж – это рай для красивых девушек! Париж – волшебный сон, неисчерпаемые богатства, ослепительная роскошь, блаженство, которое никогда не приедается, праздник длиною в жизнь! Помните, как вы прельщали меня?

Она схватила ладонь Гонзаго и сжала ее в своих руках.

– Монсеньор! Монсеньор! – жалобно простонала она. – Я видела прекрасные цветы нашей Испании в вашем саду, они такие чахлые и печальные, что вот-вот погибнут. Неужели вы хотите убить и меня?

Вдруг быстрым движением донья Крус откинула назад свои роскошные волосы, и глаза ее вспыхнули.

– Запомните, – объявила она, – я не рабыня вам. Я люблю многолюдье, одиночество меня ужасает. Я люблю шум, безмолвие леденит меня. Мне нужен свет, движение, а главное, радость, живительная радость! Меня влечет веселье, смех пьянит меня, песни чаруют. Золото хересского вина вспыхивает в моих глазах алмазными блесками, и когда я смеюсь, то знаю, что становлюсь красивей!

– Очаровательная глупышка! – пробормотал Гонзаго чуть ли не с отеческой нежностью.

Донья Крус отпустила его руку.

– В Мадриде вы так не говорили, – бросила она и уже с гневом добавила: – Вы правы, я глупая, но намерена поумнеть. Я ухожу.

– Донья Крус! – укоризненно произнес принц.

Она расплакалась. Он вытащил платок и ласково утер ее слезы. Но не успели они высохнуть, как уже на смену им явилась надменная улыбка.

– Другие будут меня любить, – с угрозой произнесла донья Крус. – А обещанный вами рай – тюрьма. – В голосе ее была горечь. – Вы обманули меня, принц. Меня здесь ждал чудесный будуар в домике, который казался скопированным со дворца фей. Мраморные статуи, восхитительные картины, бархатные занавеси, расшитые золотом, и золото всюду – на лепке, на скульптурах, хрустальные люстры под потолком, а вокруг угрюмая, сырая тень, черные лужайки, на которые один за другим опадают листья, убитые холодом, что леденит и меня, безмолвные

---

⁵⁴ *Альберони, Джулио* (1664–1752) – итальянец по рождению, кардинал, дипломат и долгое время первый министр Испании.

камеристки, немногословные лакеи, свирепые телохранители и за мажордома мертвенно-бледный Пероль!

– Вы хотите пожаловаться на господина де Пероля?! – осведомился Гонзаго.

– Вовсе нет, он рабски исполняет малейшие мои прихоти. Со мной он говорит ласково и даже почтительно и всякий раз, обращаясь ко мне, метет перьями шляпы пол.

– Так чего ж вам еще?

– Вы смеетесь надо мной, монсеньор! Или вам неизвестно, что он установил замки на дверях моей комнаты и исполняет при мне роль стража сераля?

– Вы преувеличиваете, донья Крус!

– Принц, плененную птицу не радуют золоченые прутья клетки. Мне отвратительно у вас. Я в плену, и терпение мое на исходе. Я требую вернуть мне свободу!

Гонзаго улыбнулся.

– Почему вы прячете меня ото всех? Ответьте, я хочу знать!

Донья Крус властно вскинула прелестную головку. Гонзаго все так же с улыбкой смотрел на нее.

– Вы не любите меня! – воскликнула она, зардевшись, но не от смущения, а от досады. – А раз не любите, значит не вправе меня ревновать!

Гонзаго взял ее руку и поднес к губам. Донья Крус еще сильнее покраснела.

– Я думала... – пробормотала она, опустив глаза. – Как-то вы мне сказали, что вы не женаты. На все мои расспросы на этот счет мне отвечали молчанием. И когда вы приглашали ко мне всевозможных учителей, чтобы я обучилась всему, что составляет очарование французских дам, я думала, что вы – почему я должна молчать об этом? – так вот, я думала, что вы меня любите.

Она на миг умолкла, чтобы украдкой взглянуть на Гонзаго, глаза которого светились удовольствием и восторгом.

– И я старалась, – продолжала она, – стать лучше и достойней. Я трудилась с воодушевлением, с пылом. Ничто не казалось мне трудным. Я чувствовала, что нет таких препятствий, которые могли бы сломить мою волю. Вы улыбаетесь! – с неподдельной яростью вскричала она. – Принц, ради Пресвятой Девы, не смейте улыбаться, или я взбешусь! – Она встала перед Гонзаго и без всяких обиняков спросила: – Чего же вы хотите, если не любите меня?

– Донья Крус, я хочу сделать вас счастливой, – мягко ответил Гонзаго, – счастливой и могущественной.

– Сперва сделайте меня свободной! – вскричала взбунтовавшаяся пленница.

Гонзаго пытался успокоить ее, а она только повторяла:

– Я хочу быть свободной! Свободной! Свободной! Больше ничего мне не надо! – Но тут же, следуя потоку своих взволнованных мыслей, она заговорила о другом: – Нужен ли мне Париж? Да, но Париж ваших обещаний, шумный и блистательный, такой, каким я его предугадываю, сидя в своей темнице. Я хочу выходить, хочу, чтобы меня видели. К чему мне мои драгоценности в четырех стенах? Взгляните на меня! Вы хотите, чтобы я извела себя слезами? – Внезапно она звонко рассмеялась. – Взгляните же на меня, принц! Я уже утешилась. Я больше никогда не буду плакать, я буду всегда весела, но пусть мне покажут Оперу, которую я знаю только по названию, пусть мне покажут праздники, балы...

– Донья Крус, – холодно прервал ее Гонзаго, – сегодня вечером вы наденете самые дорогие свои украшения.

Она подняла на принца недоверчивый и заинтересованный взгляд.

– Я повезу вас, – продолжал Гонзаго, – на бал к его высочеству регенту.

Ошеломленная девушка не знала, что сказать.

Ее выразительное личико побледнело, потом порозовело.

– Это правда? – выдавила она, еще не веря.

– Правда, – подтвердил Гонзаго.

– Значит, вы сделаете это? – воскликнула она. – О, тогда я прошу у вас прощения за все! Вы самый добрый человек, вы мой друг!

Она бросилась ему на шею, а потом принялась скакать как безумная, тараторя при этом:

– На бал к регенту! Мы поедем на бал к регенту! Даже сквозь толстые стены, сквозь холодный пустынный парк, сквозь запертые окна до меня долетали слухи о бале у регента, и я знала, что там будут чудеса. И я увижу этот бал! О, спасибо, спасибо, принц! Если бы вы знали, как вы прекрасны, как добры! Бал ведь будет в Пале-Рояле, да? О, я умираю от желания взглянуть на Пале-Рояль!

Донья Крус стояла в другом конце комнаты. Одним прыжком она оказалась рядом с Гонзаго и опустилась на колени на подушку у его ног. Положив обе руки на колено принца и пристально глядя на него, она крайне серьезно осведомилась:

– В каком туалете я буду?

– На балах при французском дворе, донья Крус, – объяснил Гонзаго, – есть нечто, что оттеняет и подчеркивает красоту лица куда сильнее, чем самый изысканный туалет.

Донья Крус попыталась угадать.

– Улыбка? – спросила она, как ребенок, которому задали простенькую загадку.

– Нет, – ответил Гонзаго.

– Изящество?

– И улыбку, и грациозность у вас не отнять, донья Крус, но того, о чем я говорю...

– У меня нет. Но что же это?

Гонзаго медлил с ответом, и она нетерпеливо бросила:

– Вы дадите мне это?

– Да, донья Крус.

– Но что же это такое, чего у меня нет? – настаивала кокетка, одновременно торжествующе глядясь в зеркало.

Разумеется, зеркало не могло ответить на вопрос вместо Гонзаго.

Гонзаго произнес:

– Имя!

Донья Крус рухнула с вершины ликования. Имя! У нее нет имени! Конечно же, Пале-Рояль – это не Пласа-Санта за Алькасаром. Тут не будешь плясать под баскский бубен в поясе из фальшивых цехинов на талии. Ах, бедная донья Крус! Гонзаго сейчас пообещал ей, но обещания Гонзаго... И потом, как дается имя? Правда, принц, похоже, решил пойти ей навстречу и разрешить ее недоумения.

– Дорогое дитя, если у вас не будет имени, – заговорил он, – вся моя нежная дружественность к вам окажется бессильной. Ваше имя всего-навсего было потеряно, и я нашел его. У вас славное имя, одно из славнейших во Франции.

– Правда? – воскликнула девушка.

– Вы принадлежите к могущественному семейству, – торжественным тоном объявил Гонзаго, – находящемуся в родстве с нашими королями. Ваш отец был герцог.

– Герцог! – повторила донья Крус. – Вы сказали – был? Значит, он умер?

Гонзаго наклонил голову.

– А моя мать?

Голос бедной девушки задрожал.

– Ваша мать – принцесса, – ответил Гонзаго.

– Она жива? – вскричала донья Крус, и сердце ее готово было выскочить из грудной клетки. – Вы сказали: «Она принцесса»! Моя мать жива! Пожалуйста, расскажите мне о ней!

Гонзаго приложил палец к губам.

– Не сейчас, – прошептал он.

Но на донью Крус таинственный вид не действовал. Она схватила обе руки Гонзаго и принялась забрасывать его вопросами.

– Нет, вы сейчас, прямо сейчас расскажете о моей матери! Боже мой, как я буду ее любить! Она, конечно, очень добрая и очень красивая, да? – И вдруг тон ее изменился, из нетерпеливого стал задумчивым. – Странно, я всегда думала, что так и случится. Какой-то голос постоянно мне нашептывал, что я дочь принцессы.

Гонзаго с трудом удержался от улыбки.

«Все они одинаковы», – подумал он.

– По вечерам, засыпая, – продолжала донья Крус, – я видела свою мать, она склонялась над моим изголовьем. У нее были длинные черные волосы, жемчужное ожерелье, горделивые брови, бриллиантовые серьги в ушах, и она так ласково смотрела на меня. Как зовут мою мать?

– Пока вам еще нельзя знать это, донья Крус.

– Почему?

– Это очень опасно.

– Понимаю! – не дала она ему договорить, видимо под влиянием какого-то романтического воспоминания. – Понимаю! В театре в Мадриде я смотрела комедии, и там тоже девушкам никогда сразу не говорили имя матери.

– Никогда, – подтвердил Гонзаго.

– Пусть это опасно, но ведь я никому не проговорюсь, – заверила донья Крус. – Я не выдам эту тайну даже под страхом смерти!

И она выпрямилась, гордая и прекрасная, как Химена⁵⁵.

– Я не сомневаюсь в этом, – заверил ее Гонзаго. – Но, дорогое дитя, вам осталось уже совсем немного ждать. Через несколько часов тайна перестанет быть тайной, и вы узнаете имя вашей матери. А сейчас я могу вам сказать только одно: вас зовут не Мария де Санта Крус.

– Мое настоящее имя Флор?

– Тоже нет.

– Так как же меня зовут?

– При рождении вас нарекли именем вашей матери, которая была испанка. Вас зовут Аврора.

Донья Крус вздрогнула и повторила:

– Аврора! – И тут же, хлопнув в ладоши, прошептала: – Какое странное совпадение!

Гонзаго внимательно взглянул на нее. Он ждал, что еще она скажет, но в конце концов спросил:

– А почему вы так удивились?

– Это ведь очень редкое имя, – задумчиво промолвила девушка, – и мне вспомнилось...

– Что? – встревоженно осведомился Гонзаго.

– Милая Аврора! – прошептала донья Крус, и глаза ее увлажнились. – Какая она была добрая и хорошенькая! Я так любила ее!

Гонзаго прикладывал чудовищные усилия, чтобы скрыть, до какой степени все это интересует его. К счастью, донья Крус всецело углубилась в воспоминания.

– Вы когда-то знали девушку по имени Аврора? – делано безразличным тоном спросил Гонзаго.

– Да.

– И какого она была возраста?

– Моя ровесница.

– Давно это было?

– Очень давно.

---

⁵⁵ Героиня трагедии Пьера Корнеля «Сид» (1636).

Донья Крус пристально взглянула на Гонзаго и задала вопрос:

– Монсеньор, а почему это так вас заинтересовало?

Но Гонзаго был из тех людей, что всегда держатся начеку. Он взял донью Крус за руку и ласково ответил:

– Дитя мое, меня интересует все, что любите вы. Расскажите мне о вашей давнишней подружке Авроре.

VII

Принц Гонзаго

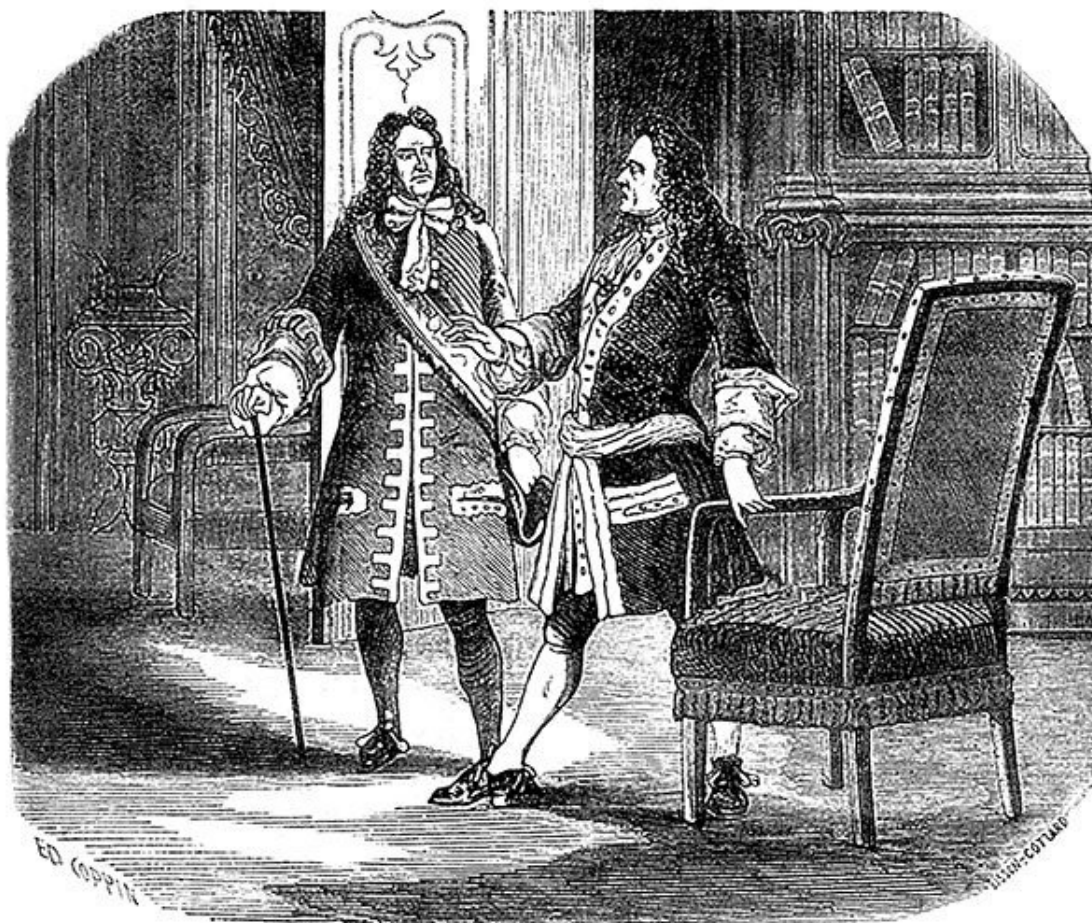
Богатая и роскошная, как, впрочем, и весь дворец, спальня Гонзаго с одной стороны выходила в промежуточную комнату, служившую будуаром и сообщавшуюся с малой гостиной, где мы оставили откупщиков и дворян, а с другой – в библиотеку, которой в Париже не было равных по богатству и числу собранных в ней книг.

Гонзаго был человек весьма начитанный, ученый-латинист, неплохо знавший великих писателей Древнего Рима и Эллады, при случае тонкий богослов и к тому же крайне сведущ в философии.

Если бы при этом он был порядочным человеком, ничто не смогло бы устоять перед ним. Но порядочность ему была несвойственна. Чем сильнее человек, не имеющий твердых правил, тем дальше отходит он от прямого пути.

С ним получилось как с тем принцем из детских сказок, который родился в золотой колыбели, окруженной добрыми феями. Феи одарили новорожденного всем, что может составить славу и счастье человека. Но одну фею позабыли пригласить, и она, разобидевшись, пришла сама, исполненная гнева, и объявила: «Ты будешь иметь все, чем одарили тебя мои сестры, но...» И этого «но» оказалось достаточно, чтобы бедный принц стал несчастней самого презренного бедняка.

Гонзаго был красив, Гонзаго родился безмерно богатым. Гонзаго происходил из рода государей, он был мужествен, и доказательств тому имелось немало; он обладал знаниями и умом; немногие люди владели словом с таким блеском, как он; его дипломатические таланты были широко известны и весьма ценились; при дворе не было человека, не подпавшего под его очарование, но... Но у него не было ни чести, ни совести, и его прошлое тяготело и правило его настоящим. Он уже был не в силах остановиться на той наклонной плоскости, на которую ступил еще в юные годы. Самым роковым образом он вынужден был вновь и вновь творить зло, чтобы скрыть свои давние преступления. Обратись он к добру, при своей натуре он был бы образцом великодушия, но как творец зла он был неутомим. Ничто не сдерживало его. И после двадцати лет борьбы он не испытывал ни малейшей усталости.

Что же касается угрызений совести, то Гонзаго верил в них не больше, чем в Бога. Вряд ли нам есть смысл подсказывать читателю, что донья Крус была для него всего лишь орудием, умело выбранным орудием, которое, по всей видимости, должно будет действовать наилучшим образом.

Избрал эту девушку Гонзаго отнюдь не случайно. Он долго колебался, прежде чем остановил на ней свой выбор. Донья Крус соединяла в себе все качества, о которых он мечтал, в том числе известное сходство, разумеется весьма слабое, но вполне достаточное, чтобы сторонние люди могли изречь драгоценнейшие для него слова: «А в ней, знаете ли, видны *фамильные черты*». И эти слова сразу придадут лжи видимость правдоподобия. Но сейчас внезапно возникло обстоятельство, которого Гонзаго не предвидел. После недавнего потрясающего сообщения отнюдь не донья Крус была наиболее взволнована; Гонзаго потребовались все его дипломатические таланты, чтобы скрыть охватившую его тревогу. И все же, несмотря на дипломатическое искусство принца, девушка заметила его беспокойство и была этим удивлена.

И хотя Гонзаго проявил огромную изворотливость, его последние слова не уничтожили возникших у доньи Крус сомнений. У нее зашевелились подозрения. А женщине, чтобы заподозрить, вовсе не обязательно понимать. Что могло так взволновать этого сильного и столь хладнокровного человека? Произнесенное имя – Аврора... Но что в этом имени? Ну, во-первых, как сказала прелестная затворница, имя это редкое, а во-вторых, не стоит сбрасывать со счетов предчувствие. Звук этого имени поразил Гонзаго. Именно так можно определить ту силу потрясения, которую испытал суеверный принц. Он мысленно сказал себе: «Это предостережение». Какое предостережение? Гонзаго верил в звезды, во всяком случае в свою звезду. У звезд есть голос, и его звезда заговорила с ним. И если только что прозвучавшее имя стало

открытием, то последствия этого открытия были настолько серьезны, что не стоит удивляться потрясению и тревоге принца. Восемнадцать лет он вел поиски! Он встал под предлогом, что хочет посмотреть, кто это шумит в саду, но на самом деле чтобы скрыть волнение и совладать со своим лицом.

Спальня его была расположена в углу, на стыке главного корпуса с правым крылом дворца, и выходила окнами в сад. Напротив были окна покоев, которые занимала принцесса Гонзаго. Занавеси на них были плотно задернуты. Донья Крус тоже встала и хотела подойти к окну. Двигало ею не только детское любопытство.

– Сядьте, – сказал ей Гонзаго. – Вас пока что не должны видеть.

Под окнами и по всему бывшему парку колыхалась плотная толпа. Но принц даже не взглянул на нее, его мрачный и задумчивый взор был прикован к окнам жены.

«Придет ли она?» – думал он.

Донья Крус, надув губки, уселась на свое место.

«Тем не менее это будет решающее сражение, – мысленно промолвил он и мысленно же добавил: – Но любой ценой я должен узнать...»

Когда он уже отходил от окна, чтобы вернуться к юной собеседнице, ему показалось, что он заметил в толпе того странного человечка, чья эксцентрическая выходка так потешила утром всех собравшихся в парадном зале, иными словами, горбуна, купившего будку Медора. Горбун держал молитвенник и тоже смотрел на окна принцессы Гонзаго. В других обстоятельствах Гонзаго, вероятней всего, обратил бы на это внимание, поскольку обыкновенно он ничего не упускал из виду, но сейчас он очень хотел узнать. Однако если бы он еще хоть минуту постоял у окна, то увидел бы следующее: с крыльца левого крыла спустилась камеристка принцессы, подошла к горбуну, который что-то ей сказал и вручил молитвенник. После этого камеристка вернулась к своей госпоже, а горбун растворился в толпе.

– Мои новые постояльцы поссорились и подняли шум, – объяснил Гонзаго, садясь рядом с доньей Крус. – Так на чем мы, дорогое дитя, остановились?

– На имени, которое я буду отныне носить.

– На имени, которое вам принадлежит, Аврора. Да, но потом нас что-то отвлекло. Вы не помните что?

– Вы уже забыли? – лукаво улыбнувшись, удивилась донья Крус.

Гонзаго сделал вид, будто припоминает.

– А, ну как же! – воскликнул он. – Вы вспомнили девочку, которую вы любили и которую тоже звали Аврора.

– Красивую девочку и сироту, как я.

– Вот как? Это было в Мадриде?

– Да, в Мадриде.

– Она была испанка?

– Нет, француженка.

– Ах, француженка? – с великолепно разыгранным безразличием бросил Гонзаго.

При этом он сделал вид, будто сдерживает зевоту. Сторонний наблюдатель пребывал бы в полной уверенности, что принц поддерживает разговор из чистой вежливости. Однако все его хитрые уловки были тщетны, и в этом его могла бы убедить лукавая улыбка доньи Крус.

– И кто же опекал ее? – с рассеянным видом поинтересовался Гонзаго.

– Пожилая женщина.

– Это естественно, но кто платил дуэнье?

– Один дворянин.

– Тоже француз?

– Да.

– Молодой, старый?

– Молодой и очень красивый.

Она смотрела ему в упор в лицо. Гонзаго притворился, будто вновь подавляет зевоту.

– Но зачем вы расспрашиваете меня о вещах, которые нагоняют на вас скуку? – рассмеялась донья Крус. – Этого дворянина вы не знаете. Я даже не представляла, что вы так любопытны.

Гонзаго понял, что следует играть осторожней.

– Я отнюдь не любопытен, дитя мое, – ответил он, сменив тон. – Вы меня еще не знаете. Разумеется, меня несколько не интересуют ни эта девушка, ни этот дворянин, хотя в Мадриде я знал немало народу, но если я расспрашиваю, то, значит, у меня есть на то причины. Соболаговолите сказать мне имя этого дворянина.

Взгляд девушки стал недоверчивым.

– Я забыла его имя, – сухо ответила она.

– Уверен, если вы захотите... – улыбаясь, настаивал Гонзаго.

– Повторяю: я забыла его.

– Давайте напряжем память... Попробуем вместе.

– Но зачем вам имя этого дворянина?

– Давайте попытаемся вместе, и вы увидите, зачем оно мне. Может быть, его звали...

– Ваша светлость, – прервала его донья Крус, – у меня ничего не получится, я не вспомню.

Это было произнесено так решительно, что дальнейшие настояния становились бессмысленными.

– Хорошо, не будем больше об этом, – бросил Гонзаго. – Очень досадно, и сейчас я вам объясню почему. Французский дворянин, живущий в Испании, может быть только изгнанником. К сожалению, там много таких. У вас, дорогое дитя, здесь нет подруги-сверстницы, а подружиться ведь очень непросто. Я подумал: «У меня есть некоторое влияние, и я добьюсь, чтобы этого дворянина помиловали, он вернется, привезет девушку, и моя дорогая донья Крус больше не будет одинока».

Все это он произнес с такой неподдельной искренностью, что бедная простушка была тронута до глубины души.

– Ах, – воскликнула она, – как вы добры!

– Я не злопамятен, – улыбнулся Гонзаго, – у нас есть еще время.

– Я не посмела бы попросить вас о том, что вы мне сейчас предложили, но мне бы страшно этого хотелось, – сказала донья Крус. – Но вам нет надобности разузнавать имя этого дворянина и писать в Испанию: я видела свою подругу.

– Как давно?

– Совсем недавно.

– И где же?

– В Париже.

– Здесь? – поразился Гонзаго.

Донья Крус уже ничуть не остерегалась его. Гонзаго все так же улыбался, но несколько побледнел.

– Господи, да это было в тот день, когда я приехала, – рассказывала простушка, не дожидаясь расспросов. – Когда мы проехали через заставу Сент-Оноре, я принялась ругаться с господином де Перолем, требуя открыть занавески, которые он упорно держал задернутыми. Он не дал мне увидеть Пале-Рояль, и этого я ему никогда не прощу. Заворачивая недалеко отсюда, карета задела за дом. Я услышала, что в комнате в нижнем этаже поют. Господин де Пероль придерживал занавеску рукой, но ему пришлось отдернуть ее, потому что я так ударила его веером по руке, что тот сломался. Я узнала голос, приподняла занавеску. В окне первого этажа я увидела мою милую Аврору, она совсем не изменилась, только стала красивей.

Гонзаго вытащил из кармана записную книжку.

– Я вскрикнула, – продолжала рассказ донья Крус. – Кони вновь пустились в галоп. Я хотела выйти из кареты, кричала. О, если бы у меня хватило сил, я задушила бы вашего Пероля!

– Так вы говорите, – прервал ее Гонзаго, – эта улица находится неподалеку от Палероля?

– Совсем рядом.

– Вы узнали бы ее?

– Я даже знаю, как она называется, – сообщила донья Крус. – Я первым делом спросила ее название у господина де Пероля.

– И как же она называется?

– Певческая улица. Но что вы там пишете, принц?

Гонзаго действительно что-то нацарапал в записной книжке. Он ответил:

– То, что необходимо, чтобы вы встретились со своей подругой.

Радостно зардевшись, донья Крус вскочила, глаза ее сияли от счастья.

– Вы добры, вы поистине добры, – сказала она.

Гонзаго закрыл записную книжку на защелку.

– Дорогое дитя, скоро вы сможете вынести окончательное суждение на этот счет, – промолвил он, – а пока нам придется на несколько минут расстаться. Вы будете участвовать в торжественной церемонии. Не бойтесь выказать свое смущение или тревогу, это естественно, и вас поймут.

Он встал и взял донью Крус за руку.

– Через полчаса, самое большое, вы увидите свою мать.

Донья Крус схватилась за сердце:

– Что мне ей сказать?

– Вы не должны ничего скрывать из невзгод, перенесенных вами в детстве, ничего, понимаете? Вы должны говорить только правду, одну только правду.

Гонзаго приподнял занавес, скрывающий вход в будуар.

– Пройдите туда, – сказал он.

– Я буду молить Бога за свою матушку, – прошептала донья Крус.

– Молитесь, донья Крус, молитесь. Это торжественнейший час в вашей жизни.

Гонзаго поцеловал ей руку, она прошла в будуар, и занавес опустился.

– Мой сон сбылся, – довольно громко произнесла девушка. – Моя мать оказалась принцессой.

Оставшись один, Гонзаго сел за бюро и сжал голову руками. Ему необходимо было сосредоточиться, привести в порядок взбудораженные мысли.

– Певческая улица, – пробормотал он. – Интересно, одна ли она? Сопровождает ли он ее? Но это была бы неслыханная дерзость. Да она ли это?

Некоторое время он сидел, уставившись в пространство, и наконец решительно произнес:

– Это надо выяснить прежде всего.

Он позвонил. Никто не ответил. Он кликнул Пероля. И вновь молчание. Гонзаго поднялся и прошел в библиотеку, где управляющий обыкновенно дожидался его распоряжений. Там никого не было. Лишь на столе лежал адресованный ему конверт. Гонзаго раскрыл его. В нем лежала записка, написанная рукой Пероля, следующего содержания:

Я приходил, мне нужно многое Вам сообщить. В садовом доме произошли чрезвычайные события.

Ниже в виде постскриптума было добавлено:

Кардинал де Бисси сейчас у принцессы. Я слежу.

Гонзаго смял записку и пробормотал:

– Сейчас они все убеждают ее: «Примите участие в совете – ради себя, ради вашей дочери, если она жива». Но она непреклонна и не придет. Эта женщина мертва. Но кто ее убил? – вдруг задал он себе вопрос и, поблуднев, опустил глаза.

Невольно, сам того не желая, он продолжал размышлять вслух:

– Как она была горда когда-то! Красавица из красавиц, добрая, как ангел, мужественная, как рыцарь! Пожалуй, это единственная женщина, которую я мог бы полюбить, будь я способен полюбить женщину.

Он поднял голову, и скептическая улыбка вернулась на его уста.

– Каждый за себя! Моя ли вина в том, что, когда хочешь взойти на определенный уровень, приходится подниматься по ступеням из людских голов и сердец?

Возвратившись в спальню, он бросил взгляд на занавеси, закрывающие вход в будуар, где находилась донья Крус.

«Она молится, – подумал он. – Право, сейчас мне даже хочется поверить в нелепицу, именуемую голосом крови. Она была взволнована, но не слишком, не так, как девушка, которую действительно похитили и которая вдруг услышала: „Сейчас вы увидите свою мать!“ Что требовать от этой цыганочки: она всегда мечтала о бриллиантах, о празднествах. Волка невозможно приручить».

Гонзаго приложил ухо к двери будуара.

– А она и впрямь молится! – прошептал он. – Забавно, у всех этих подкидышей, сирот в каком-то уголке сумасбродного мозга таится убеждение, которое родилось в раннем младенчестве и умрет с их последним вздохом, убеждение в том, что у них мать – принцесса. Все они бродят по свету и ищут своего отца – короля. Но эта очаровательна, она истинное сокровище! О, в простоте душевной она, даже не понимая того, будет служить мне. И если бы сегодня какая-нибудь славная крестьянка, подлинная ее мать, явилась и раскрыла ей объятия, она, покраснев от негодования, отшатнулась бы. Мы еще увидим слезы на глазах у слушателей, когда она будет рассказывать о своем детстве. Комедия проникает во всякое действие...

На бюро стоял хрустальный графин с испанским вином и бокал. Гонзаго налил бокал до краев и осушил его.

– Смелей, Филипп! – промолвил он, склонившись над разбросанными бумагами. – Это будет решающий бросок костей! Сегодня или никогда! Мы накинem покров на прошлое. То будет великолепная игра и богатейший выигрыш! Миллионы банка Лоу могут превратиться, подобно золотым монетам в «Тысяче и одной ночи», в сухие листья, а огромные владения Невера – это прочно, они никуда не денутся.

Он принялся приводить в порядок свои записи, которые сделал задолго до этого дня, и мало-помалу лоб принца разгладился, словно устрашающие мысли оставили его.

«И не стоит предаваться иллюзиям, – прервав работу, вновь погрузился он в размышления, – месть регента была бы ужасна. Да, он легкомыслен, забывчив, но он хранит память о Филиппе де Невере, которого любил сильнее, чем брата. Я видел у него на глазах слезы, когда он смотрел на мою жену в трауре: ведь она была вдова Невера. Но как я все ловко провел! Прошло уже девятнадцать лет, и никто не попытался даже намекнуть на мою причастность».

Гонзаго провел тыльной стороной ладони по лбу, словно отгоняя неотвязную мысль.

«Но все равно, я решу это окончательно. Найду виновного, а когда он будет казнен, будет поставлена точка, и я смогу спокойно спать».

Среди бумаг, что лежали перед ним и в большинстве своем написанных шифром, лежал листок с такими словами: «Узнать, верит ли принцесса Гонзаго в то, что ее дочь жива». А ниже было приписано: «Узнать, у нее ли хранится акт о рождении».

«Ради этого ее приход был бы желателен, – подумал он. – Я заплатил бы сто тысяч ливров, лишь бы узнать, есть ли у нее акт о рождении дочери и вообще существует ли он, потому что, если он существует, я его получу. А вдруг? – мысленно промолвил он, поддавшись надежде. –

Ведь матери немножко смахивают на этих подкидышей, о которых я недавно думал и которые повсюду видят своих родителей. Матери точно так же всюду видят своих детей. А вдруг она раскроет объятия моей цыганочке? О, тогда это будет победа, великая победа! Праздники, гимны Божьему милосердию, пиры! Одним словом, „*Te Deum*“⁵⁶. И да здравствует наследница де Невера!»

Гонзаго расхохотался. Отсмеявшись, он продолжал нить своих размышлений:

«Ну а через некоторое время юная и прекрасная принцесса может скончаться. Мало ли умирает молодых девушек? Всеобщий траур, надгробная речь, произнесенная архиепископом. А мне – огромное наследство, которое я, черт побери, наконец приберу к рукам!»

На колокольне церкви Сен-Маглуар пробило два пополудни. На этот час было назначено открытие семейного совета.

---

⁵⁶ «Тебе, Бога хвалим» (*лат.*) – начальные слова католического благодарственного гимна.

VIII

Вдова Невера

Нельзя, конечно, сказать, что благородному Лотарингскому дворцу было предопределено стать притоном спекуляторов, но в то же время следует признать, что он был крайне удачно расположен и наилучшим образом приспособлен для этого. В парк, который граничил с улицами Кенкампуа, Сен-Дени и Обри-ле-Бюше, вели трое великолепных ворот. Особенно первые могли бы стоять в золоте столько же, сколько весят тесанные камни, из которых они недавно были сложены. И впрямь, разве эта ярмарочная площадь не была куда удобней, чем улица Кенкампуа, где всегда стояла грязь по колено, а по обеим сторонам располагались ужасные вертепы, где с большим удовольствием резали откупщиков? Парку Гонзаго явно было предназначено отбить первенство у улицы Кенкампуа. Все предсказывали это, и по случайности все предсказывавшие оказались правы.

Уже сутки все вспоминали опочившего горбуна Эзопа I. Бывший солдат гвардии по фамилии Грюэль и по прозвищу Кит пытался занять его место, но у него был рост шесть с половиной футов, то есть он был великан. Он мог как угодно наклоняться, но все равно спина его оказывалась слишком высоко, чтобы стать удобным пюпитром. Но Кит объявил, что сожрет любого Иону⁵⁷, который попробует составить ему конкуренцию. И эта угроза сдерживала столичных горбунов. И рост и нрав Кита были таковы, что каждый понимал: он проглотит их одного за другим. Человек он был вовсе не злой, но за день выпивал шесть, а то и семь кувшинов вина, а вино в 1717 году стоило дорого, так что ему просто необходимо было зарабатывать на жизнь.

Когда наш горбун, приобретший будку Медора, явился вступить во владение своим имуществом, в парке Невера очень смеялись. Вся улица Кенкампуа сбежалась поглазеть. Его сразу окрестили Эзопом II, горб его был сочтен исключительно удобным и имел бешеный успех. Но Кит ворчал, Медор тоже.

Кит сразу увидел в Эзопе II мало того что соперника, но еще и победителя. А поскольку Медор тоже пострадал не меньше, то оба они объединились в ненависти. Кит стал покровителем Медора, который скалился, показывая длинные зубы, всякий раз, когда видел нового владельца своей будки. Все это было чревато трагическими событиями. Никто ни секунды не сомневался, что горбуну суждено быть проглоченным Китом. Вследствие чего, следуя библейской традиции, ему дали второе прозвище Иона. Что ж, немногие негорбуны удостоились бы столь достойного и почтенного прозвища. И никакого преувеличения тут не было: Эзоп II, он же Иона, самым ясным и точным образом олицетворял собой идею горбуна, пожранного китом. Так что канва надгробной речи над ним была уже заранее готова.

Но похоже, Эзоп II был не слишком обеспокоен ужасной судьбой, которая его ожидает. Он вступил во владение будкой и весьма неплохо меблировал ее, поставив там небольшую скамеечку и сундук. Прямо скажем, даже Диоген в своей бочке, которая на самом деле была амфорой, устроился с меньшими удобствами. А в Диогене, по свидетельству всех историков, было росту пять футов шесть дюймов.

Запастье Эзопа II было обмотано шнурком, на котором болтался довольно большой холщовый мешок. Он приобрел доску, чернильницу и перья, иначе говоря, вложил средства в орудия труда. Когда он видел, что какая-нибудь сделка близка к завершению, он скромно подходил, точь-в-точь как его незабвенный предшественник Эзоп I, окунал перо в чернильницу и ждал. Как только сделку заключали, он клал себе на горб доску, на доску клали документы и

---

⁵⁷ Намек на ветхозаветного пророка Иону (Книга пророка Ионы), которого проглотил кит.

ставили подписи с удобством, и ничуть не меньшим, чем в будке уличного писца. Чуть только оба участника сделки расписывались, Эзоп II, держа чернильницу в одной руке, другою снимал доску, уже игравшую роль чашки для получения мзды, забирал с нее доброхотное даяние, которое находило упокоение в мешке из грубой холстины.

Твердого тарифа не существовало. Эзоп II по примеру своего предшественника принимал все, кроме медной монеты. Но разве на улице Кенкампуа имела хождение медная монета? В те благословенные времена медь использовали лишь для получения ярь-медянки, чтобы травить богатых дядюшек.

Эзоп II находился здесь с десяти утра. Около часу дня он кликнул одного из продавцов холодных мясных закусок, что сновали по этому торжищу бумагами, купил хлебец с золотистой корочкой, пулярку, от одного взгляда на которую уже текли слюнки, и бутылку шамбертена. А чего вы удивляетесь? Его дело оказалось весьма прибыльным.

Его соперник не мог бы позволить себе такого.

Эзоп II уселся на скамеечку, разложил на сундуке провиант и стал подкрепляться на виду у спекуляторов, ожидавших, когда он утолит голод. У живых пюпитров имеется один недостаток: им необходимо есть. Видели бы вы, что в это время творилось! Перед будкой выстроилась очередь, и никому не пришло в голову воспользоваться спиной Кита. Великан, вынужденный пить в кредит, пил вдвое больше обычного. Он рычал от ярости. Его сообщник Медор злобно скалил зубы.

– Эй, Иона, – кричали со всех сторон, – ты скоро кончишь обедать?

Иона был великодушен, он отсылал клиентов к Киту, но все жаждали воспользоваться его услугами. Все-таки это большое удовольствие – ставить роспись на горбе. А кроме того, Иона не лез за словом в карман. Вы же знаете, горбуны весьма умны. Его остроты уже повторяли. Кит подстерегал удобный случай, чтобы расправиться с ним.

Отобедав, Иона крикнул своим пронзительным голосом:

– Солдат, дружок, не желаешь ли доесть курицу?

Кит был голоден, но его сдерживала ненависть.

– Подлец! – завопил он, а Медор злобно залаял. – Ты предлагаешь мне свои объедки!

– Тогда пришли свою собаку, – миролюбиво ответил горбун, – и перестань оскорблять меня.

– Ах, ты хочешь мою собаку? – взревел Кит. – Так получай же ее! – Он свистом позвал пса и велел: – Куси, Медор! Куси!

Кит появился в саду уже дней шесть назад. Иногда живые существа проникаются друг к другу симпатией с первого взгляда, так произошло и у Кита с Медором. Медор хрипло взлаял и ринулся к будке.

– Берегись, горбун! – закричали спекуляторы.

Но Иона ждал пса, не проявляя паники. Когда Медор, казалось, вот-вот ворвется в свою будку, как во взятый приступом город, Иона схватил остатки курицы и швырнул ее в пасть собаки. О чудо! Вместо того чтобы возмутиться, Медор стал облизываться. Его язык старательно выискивал волоконца курятины, оставшиеся на шерсти.

Этот мастерский военный маневр был встречен взрывом громкого хохота. Со всех сторон раздавались крики:

– Браво, горбун, браво!

– Медор, скотина, куси его, куси! – продолжал науськивать собаку великан Кит.

Но подлый Медор окончательно предал его. Эзоп II купил пса, бросив ему куриную ножку. Ярость солдата дошла до последних пределов. Теперь он сам ринулся к будке.

– Бедняга Иона! – прореагировал хор спекуляторов.

Иона, посмеиваясь, вышел из будки и предстал перед Китом. Кит схватил его за шиворот и поднял в воздух. Горбун все так же смеялся. И в тот момент, когда Кит собрался его швырнуть

наземь, Иона вывернулся, встал ногой на колено гиганта-солдата и подпрыгнул, словно кошка. Никто не смог бы сказать, как все произошло, настолько стремительным было это движение. А в результате Иона уже сидел верхом на толстой шее Кита, не переставая смеяться. По толпе прошел ропот удовлетворения. Эзоп II спокойно объявил:

– Проси, солдат, пощады, не то я тебя удавлю.

Покрасневший, разъяренный Кит прилагал безумные усилия, пытаясь избавиться от седока. Эзоп II, видя, что противник просить пощады не намерен, сжал колени. У гиганта вывалился язык. Он побагровел, затем посинел; было ясно, что у горбуна чудовищно сильные ноги. Через несколько секунд Кит, изрыгнув последнее ругательство, сдавленным голосом взмолился о пощаде. Зрители разразились рукоплесканиями. Иона ослабил тиски, легко спрыгнул наземь, бросил к ногам побежденного великана золотую монету, взял из будки доску, чернильницу, перья и весело крикнул:

– Господа клиенты, за работу!

Аврора де Келюс, вдова герцога де Невера, супруга принца Гонзаго, сидела в красивом кресле с прямой спинкой; кресло, как и вся мебель в ее молельне, было черного дерева. Она носила траур, и все, что окружало ее, было облачено в траур. Ее наряд, простой до аскетичности, вполне гармонировал с суровой простотой этой уединенной обители.

Молельня представляла собой квадратную комнату со сводчатым потолком, в центре которого находился медальон кисти Эсташа Лесюера⁵⁸, написанный в той аскетической манере, что свойственна второму периоду его жизни. На стенных панелях черного дуба без позолоты висели великолепные гобелены, представляющие сцены на религиозные сюжеты. Между двумя окнами возвышался алтарь. Он был накрыт черным, словно на нем только что отслужили панихиду. Напротив алтаря висел портрет во весь рост герцога Филиппа де Невера в возрасте двадцати лет. Он был подписан Миньяром⁵⁹. Герцог был изображен в мундире генерал-полковника швейцарской гвардии. Рама была затянута черным крепом. Невзирая на христианские символы, видневшиеся повсюду, эта комната вполне могла бы сойти за обитель вдовы-язычницы. Артемизия⁶⁰, принявшая крещение, и та не смогла бы создать более пылкий культ памяти царя Мавсола. Все-таки христианство требует от скорби больше смирения и меньше пафоса. Впрочем, немногих вдов можно упрекнуть в чрезмерности их горя. Правда, тут нужно принять во внимание и особое положение принцессы, которая силой была вынуждена выйти замуж за господина Гонзаго. Так что ее траур был как бы знаменем отъединенности и сопротивления.

Уже восемнадцать лет Аврора де Келюс была женой принца Гонзаго. Но можно сказать, что она совершенно не знала своего супруга: она не желала ни видеть его, ни слышать.

Гонзаго делал все, чтобы добиться разговора с нею. Нет никаких сомнений, он любил ее, и, быть может, любил даже сейчас, на свой манер, разумеется; он был о ней, и вполне справедливо, весьма высокого мнения. Он думал, поскольку был уверен в силе своего красноречия, что, ежели принцесса согласится выслушать его, он выйдет победителем из этого испытания. Но принцесса, непреклонная в своем отчаянии, не желала быть утешенной. Она была одинока в этой жизни. И упивалась своим одиночеством. У нее не было ни друга, ни наперсницы, а ее духовный пастырь был всего лишь поверенным тайн ее прегрешений. То была женщина гордая, закаленная страданием. Одно-единственное чувство оставалось живо в ее сердце, одетом в броню, – материнская любовь. Единственное, что она любила, любила страстно, – память о своей дочери. Память же о Невере стала для нее как бы религией. Мысль о дочери придавала

⁵⁸ Лесюер, Эсташ (1616–1655) – французский художник-классицист, мастер декоративной живописи.

⁵⁹ Миньяр, Пьер (1612–1685) – французский художник-портретист.

⁶⁰ Артемизия (IV в. до н. э.) – супруга и сестра правителя Галикарнаса Мавсола. После его смерти воздвигла ему огромную богатую гробницу, одно из семи чудес света, названную Мавзолеем.

ей жизни и наполняла смутными мечтами о будущем. Всем известно и понятно глубокое влияние, оказываемое на человека вещественными объектами. Принцесса Гонзаго, одинокая среди своих служанок, которым было запрещено заговаривать с нею, живущая в окружении безмолвных картин, иссохла и умственно и чувственно. Иногда она говорила священнику, который исповедовал ее:

– Я мертва.

И это была правда. Несчастливая женщина жила словно призрак. Жизнь ее была подобна мучительному сну. Она вставала утром, и молчаливые прислужницы одевали ее в мрачные одежды, затем чтица раскрывала молитвенник. В девять приходил священник, чтобы отслужить панихиду. Весь остальной день она сидела неподвижно, безмолвная, в полном одиночестве. После бракосочетания она ни разу не покидала дворец. Свет почитал ее сумасшедшей. Малого недоставало, чтобы при дворе воздвигли еще один алтарь – Гонзаго за его супружескую терпеливость. Действительно, надо признать, что за все это время никто не услышал от Гонзаго ни единой жалобы.

Как-то принцесса сказала своему исповеднику, обратившему внимание на то, что глаза у нее покраснели от слез:

– Мне приснилось, что я нашла свою дочь. Она оказалась недостойной называться мадемуазель де Невер.

– И как же вы поступили во сне? – поинтересовался священник.

– Так, как поступила бы в действительности: прогнала ее!

После этого дня она стала еще печальней и угрюмей. Мысль о возможном падении дочери неотступно преследовала ее. И тем не менее она не прекращала самых деятельных поисков во Франции и за границей. Гонзаго никогда не отказывал в деньгах супруге. Но конечно, он постарался, чтобы весь свет был посвящен в тайну его великодушия.

В начале осени исповедник порекомендовал принцессе принять на службу женщину ее возраста, тоже вдову, к которой он проявлял участие. Женщину звали Мадлен Жиро, она была тихая и преданная.

Принцесса особо приблизила ее к себе. Именно Мадлен Жиро отвечала теперь господину де Перолю, которому было поручено дважды в день справляться о состоянии здоровья принцессы, просить для господина Гонзаго позволения засвидетельствовать ей свое почтение и сообщать, что прибор госпожи принцессы стоит на столе.

Мы уже знаем, какой ответ давала ежедневно Мадлен:

– Госпожа принцесса благодарит господина Гонзаго, она не принимает; она слишком нездорова, чтобы выйти к столу.

В это утро у Мадлен было много работы. Вопреки обыкновению, пришло множество визитеров, просивших провести их к принцессе. То были все люди важные и значительные: господин де Ламуаньон, канцлер д'Агессо, кардинал де Бисси, кузены принцессы герцоги де Фуа и де Монморанси-Люксембур, принц Монакский со своим сыном герцогом де Валантинуа и множество других, явившихся по причине торжественного семейного совета, членами которого все они являлись и который должен был состояться как раз сегодня.

Совершенно не сговариваясь друг с другом, они хотели выяснить, каково нынешнее положение принцессы, и узнать, нет ли у нее тайных претензий к принцу, своему супругу. Принцесса отказалась их принять.

Единственно к ней был допущен старик-кардинал де Бисси, пришедший от имени регента. Филипп Орлеанский просил передать своей благородной кузине, что память о Невере вечно жива в его душе. Он сделает все, что только можно, для вдовы де Невера.

– Ваша светлость, – завершил свою речь кардинал, – господин регент весь к вашим услугам. Скажите, чего вы хотите?

– Я ничего не хочу, – ответила Аврора де Келюс.

Кардинал пытался задавать ей вопросы. Старался вызвать ее на откровенность или на жалобы. Она упрямо хранила молчание. Кардинал удалился с ощущением, что беседовал с женщиной, тронувшейся в уме. Право, Гонзаго заслуживает всяческого сочувствия!

Кардинал отклонялся как раз в тот момент, когда мы оказались в молельне принцессы. По своему обыкновению, она пребывала в мрачной неподвижности. В ее застывших глазах не ощущалось мысли. Взглянув на нее, вы решили бы, что перед вами мраморное изваяние. Мадлен Жиро пересекла комнату, но принцесса не обратила на нее внимания. Мадлен подошла к молитвенной скамеечке, стоявшей около принцессы, и положила на нее молитвенник, который укрывала под накидкой. После этого, скрестив на груди руки, она встала перед госпожой, ожидая, когда та заговорит с нею или что-нибудь прикажет. Принцесса подняла на нее взгляд и спросила:

– Вы откуда пришли, Мадлен?

– Из своей комнаты, – ответила камеристка.

Принцесса опустила глаза. Только что, прощаясь с кардиналом, она вставала, чтобы отдать ему реверанс, и в окно увидела Мадлен, стоящую в парке среди толпы спекуляторов. Это обстоятельство пробудило неутраченную подозрительность принцессы. Мадлен намеревалась что-то сказать, но не решалась. Она была добрая женщина и, видя глубокую скорбь своей госпожи, испытывала к ней искреннее и почтительное сострадание.

– Ваша светлость, позвольте обратиться к вам, – робко пробормотала она.

Аврора де Келюс улыбнулась и подумала: «Вот и еще одну подкупили, чтобы она обманывала меня». Ее так часто предавали! Вслух же она произнесла:

– Говорите!

– Ваша светлость, – начала Мадлен, – у меня есть ребенок, в нем вся моя жизнь, и я отдала бы все, что есть у меня, кроме сына, чтобы вы стали счастливой матерью, как я.

Вдова Невера промолчала.

– Я бедна, – продолжала Мадлен, – и до моего поступления на службу к вашей светлости моему маленькому Шарло часто не хватало самого необходимого. О, если бы я могла отплатить вашей светлости за все то, что ваша светлость сделала для меня!

– Вам что-нибудь нужно, Мадлен?

– Нет! Нет! – воскликнула камеристка. – Речь идет только о вашей светлости. Этот семейный совет...

– Мадлен, я запрещаю вам упоминать о нем.

– Ваша светлость, – умоляюще промолвила Мадлен, – любимая моя госпожа, даже если вы скажете, что прогоните меня...

– Я прогоню вас, Мадлен.

– Я все равно исполню свой долг и спрошу: «Ваша светлость, хотите ли вы обрести свое дитя?»

Принцесса вздрогнула, побледнела и вцепилась обеими руками в подлокотники кресла. Она привстала. В этот момент у нее упал носовой платок. Мадлен наклонилась, чтобы поднять его. При этом она задела карман своего передника, и раздался звон. Принцесса вперила в нее холодный, незамутненный взгляд.

– У вас в кармане золото, – негромко бросила она.

И, словно забыв о своем высоком происхождении и о надменности, присущей ее натуре, принцесса, подобно обычной женщине, охваченной подозрением и желающей подтвердить его, засунула руку в карман к Мадлен. Камеристка, сложив руки на груди, заплакала. Принцесса вытащила пригоршню золота: с десятков двойных испанских пистолей.

– Господин Гонзаго недавно приехал из Испании, – промолвила принцесса.

Мадлен упала на колени.

– Ваша светлость! Ваша светлость! – со слезами восклицала она. – Благодаря этому золоту мой Шарло выучится. А тот, кто дал мне его, тоже приехал из Испании. Богом заклинаю вас, ваша светлость, не прогоняйте меня, прежде чем не выслушаете!

– Ступайте! – приказала принцесса.

Мадлен пыталась умолять. Но принцесса властным жестом указала ей на дверь и повторила:

– Ступайте!

Камеристка вышла, и принцесса упала в кресло. Она сидела, закрыв лицо белыми сухими ладонями.

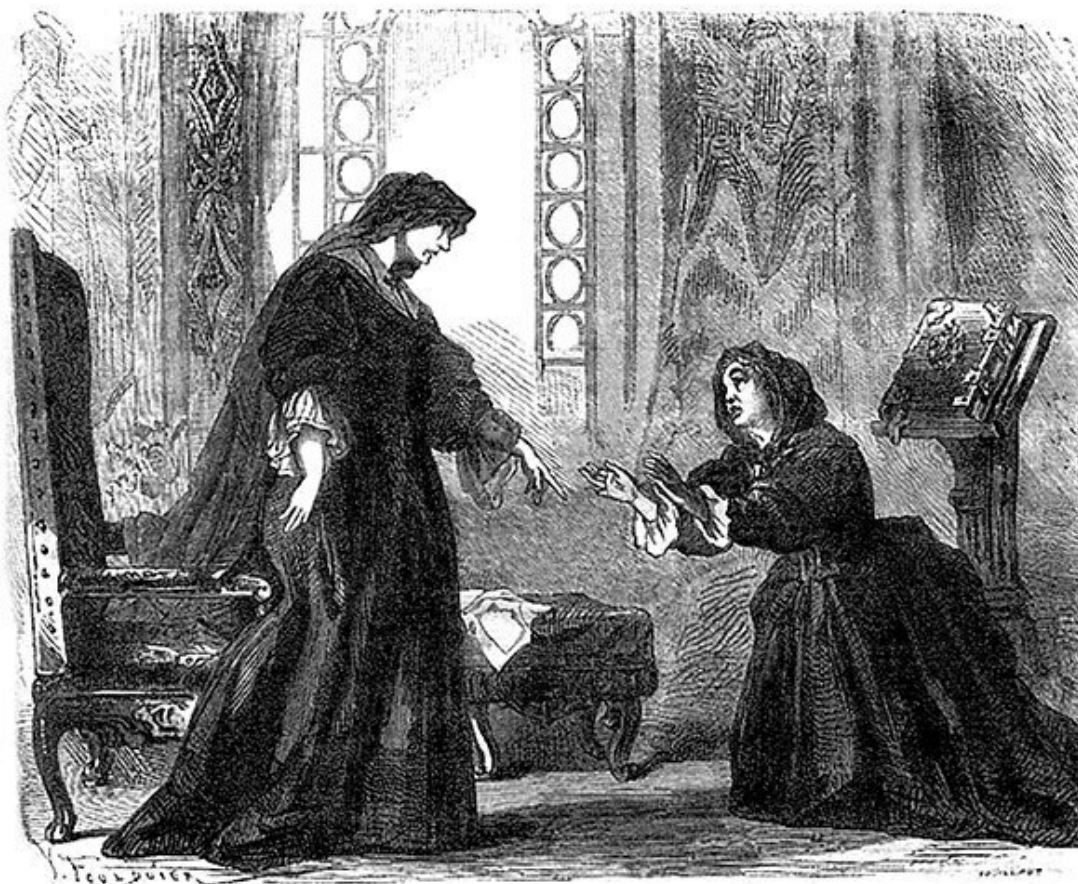
– А ведь я готова была полюбить эту женщину! – чуть ли не простонала она. – Никому! Никому! – повторяла она, и в голосе ее звучал ужас одиночества. – Господи, сделай так, чтобы я не верила никому!

Некоторое время она сидела, спрятав лицо в ладони, и вдруг из груди ее вырвалось рыдание.

– Дочь моя! Доченька! – душераздирающе выкрикнула она. – Пресвятая Дева, я хочу, чтобы она умерла! Уж тогда-то я встречу ее подле тебя.

Подобные бурные приступы были редки у этой угасшей натуры. Когда они проходили, несчастная женщина долго чувствовала себя разбитой. Прошло несколько минут, прежде чем она перестала рыдать. Обретя наконец голос, принцесса взмолилась:

– Смерти прошу! Иисусе, Спаситель, ниспошли мне смерть!

Она взглянула на распятие, стоящее на алтаре:

– Господи! Разве я мало выстрадала? Сколько же еще длиться этой муке?

Она протянула руки к распятию и со всей тоской исстрадавшейся души повторила:

– Смерти прошу! Господи Иисусе, в память ран твоих, в памяти страстей твоих, пошли мне смерть! Матерь Божия, в память слез твоих, даруй мне смерть!

Руки у нее опали, веки сомкнулись, и она в изнеможении откинулась на спинку кресла. В какой-то миг могло показаться, что милосердное небо вняло мольбе принцессы, но вскоре по ее телу пробежала слабая дрожь и судорожно сжатые руки шевельнулись. Она подняла веки и уставилась на портрет Невера. Глаза ее были сухими, и в них появилась странная неподвижность, от которой мороз продирает по коже.

Молитвенник, который Мадлен положила на краешек молитвенной скамейки, стоило его взять в руки, сам раскрывался на одной и той же странице, столько раз ее перечитывали. На этой странице находился французский перевод псалма «Miserere mei, Domine»⁶¹. Принцесса Гонзаго по нескольку раз в день прочитывала его. Через четверть часа она протянула руку за молитвенником. Молитвенник раскрылся на странице с псалмом. Секунду-другую принцесса смотрела на него, не видя. И вдруг, вздрогнув, вскрикнула.

Она протерла глаза, огляделась вокруг, чтобы убедиться, что не грезит.

– Книгу никто не трогал, – прошептала она.

Она перестала бы верить в чудо, если бы видела молитвенник в руках Мадлен. Но она поверила в чудо. Она неожиданно распрямилась, глаза ее засветились, и она вдруг предстала во всем блеске своей былой красоты – прекрасной, гордой, сильной. Она опустилась на колени перед молитвенной скамеечкой. Раскрывшийся молитвенник лежал перед ее глазами. В десятый раз она перечитывала несколько строчек, начертанных на полях псалма незнакомой рукой и представляющих собой как бы ответ на первый стих: «Помилуй меня, Боже». Ибо рядом со стихом было написано:

Бог смилуетя, если в Вас есть вера. Наберитесь мужества, дабы защитить свою дочь: явитесь на семейный совет, даже если Вы будете больны или при смерти, и вспомните пароль, который был когда-то у Вас с Невером.

– Его девиз: «Я здесь!» – прошептала Аврора де Келюс и со слезами на глазах воскликнула: – Дитя мое! Доченька моя! – а через секунду совершенно твердым голосом промолвила: – Набраться мужества, чтобы защитить ее? Мужества у меня хватит, и свою дочь я защищу!

---

⁶¹ «Помилуй меня, Боже» (лат.) – католическое песнопение на слова покаянного 50-го псалма.

IX

Защитительная речь

Парадная зала Лотарингского дворца, которая этим утром была обесчещена постыдными торгами и которой завтра предстояло быть оскверненной толпой торгашей, приобретших ее по частям, в этот час, казалось, в последний раз озарилась ярким светом. С уверенностью можно сказать, что никогда, даже в пору великих Гизов, под ее сводами не заседало столь блистательное собрание.

У Гонзаго были причины желать, чтобы эта церемония прошла со всей важностью и торжественностью. С вечера были разсланы от имени короля письма, приглашающие на нее. Поистине, можно было подумать, что речь пойдет о деле государственной важности, что предстоит «Королевское чтение»⁶², на котором в семейном кругу решаются судьбы великой нации. Кроме президента парламента де Ламуаньона, маршала Вильруа и вице-канцлера д'Аржансона, представлявших регента, на почетной скамье восседали кардинал де Бисси между принцем де Конти и послом Испании, старый герцог де Бомон-Монморанси рядом со своим кузеном Монморанси-Люксембуром, принц Монакский Гримальди, оба Ларошешуара, один из которых был герцогом де Мортемаром, а второй принцем де Тонне-Шарантом, а также Коссе, Бриссак, Граммон, Аркур, Круа, Клермон-Тоннер.

Мы перечислили только принцев и герцогов. Что же касается маркизов и графов, то их можно было считать на десятки.

Нетитулованные дворяне и поверенные располагались ниже возвышения. Их было множество.

Это достойное собрание, естественно, делилось на две части: на тех, кого Гонзаго купил, и на независимых.

Среди первых был один герцог, один принц, несколько маркизов, изрядное количество графов и почти вся нетитулованная мелочь. Гонзаго рассчитывал красноречием и *неоспоримостью своих прав* привлечь на свою сторону и остальных.

Перед открытием заседания все по-свойски болтали друг с другом. Никто толком не знал, по какому поводу созван совет. Большинство полагало, что для решения спора между принцем и принцессой из-за владений де Невера.

У Гонзаго было немало пылких сторонников, принцессу защищали несколько старых почтенных вельмож и несколько юных странствующих рыцарей.

После появления кардинала возникло еще одно предположение. Отчет, который сделал его высокопреосвященство касательно нынешнего состояния рассудка принцессы, навел на мысль, что речь пойдет о взятии ее в опеку.

Кардинал, который не особенно выбирал выражения, объявил:

– Эта милейшая особа почти окончательно свихнулась.

После такого заявления общее мнение склонилось к тому, что она не явится на семейный совет. Тем не менее ее поджидали, поскольку так было принято. Гонзаго с некоторым высокомерием, которое ему охотно простили, сам потребовал отсрочки. В половине третьего господин президент де Ламуаньон занял председательское кресло; заседателями при нем были кардинал, вице-канцлер, господа де Вильруа и де Клермон-Тоннер. Глава канцелярии Парижского парламента взял на себя функции секретаря, четыре королевских нотариуса помогали ему как контролеры-протоколисты. Все пятеро принесли в этом качестве присягу. Жаку Тальману, главе парламентской канцелярии, было поручено зачитать акт о созыве совета.

---

⁶² Так назывался торжественный день заседания в парламенте, когда на него являлся король и лично заставлял парламент регистрировать тот или иной королевский указ, против которого возражал парламент.

В акте сообщалось, что Филипп Французский, герцог Орлеанский, регент, намеревался собственной персоной председательствовать на сем семейном съезде как по причине дружбы, какую он питает к принцу Гонзаго, так и по братской привязанности, каковая связывала его некогда с покойным герцогом де Невером, однако заботы правления, бразды коего он не может отпустить ни на день, тем паче ради частных дел кого бы то ни было, удерживают его в Пале-Рояле. Вместо его королевского высочества назначаются комиссары и королевские судьи господа де Ламуаньон, де Вильруа и д'Аржансон. Господин кардинал будет выступать королевским попечителем принцессы. Настоящий совет наделяется правом верховного суда, могущего по собственному усмотрению решать в последней инстанции без права последующих апелляций все вопросы касательно наследства покойного герцога де Невера, в частности, разрешать сопутствующие государственные вопросы, а равно наделяется правом в случае необходимости вынести решение, кому передать в окончательное владение имущество, принадлежавшее де Неверу. Гонзаго собственноручно отредактировал текст этого акта, так что вряд ли можно было представить документ, более благоприятный для него.

Чтение акта выслушали в торжественном молчании, после чего кардинал осведомился у господина де Ламуаньона:

– Есть ли поверенный у ее светлости принцессы Гонзаго?

Президент громко повторил вопрос. Гонзаго взял слово, чтобы самолично ответить на него, попросить назначить поверенного и перейти к дальнейшему обсуждению, но тут обе створки парадной двери распахнулись, и приставленные к ним придверники встали по обе стороны, не доложив, кто прибыл.

Все поднялись. Такой вход могли совершить только сам Гонзаго либо его супруга. И действительно, в дверях появилась принцесса, как обычно, одетая в траур, но столь гордая и прекрасная, что при виде ее по рядам пробежал восторженный ропот. Никто не ожидал увидеть ее, а уж тем паче никто не ожидал ее увидеть такой.

– Что вы сейчас скажете, кузен? – шепнул Мортемар на ухо де Бисси.

– Черт побери, провалиться мне на этом месте! – ахнул прелат. – О, я даже стал богохульствовать! Это больше чем чудо.

Спокойно, выделяя каждое слово, принцесса произнесла с порога:

– Господа, в поверенном нет необходимости. Я пришла.

Гонзаго поспешно вскочил и бросился навстречу супруге. С галантностью, исполненной почтительности, он предложил ей руку. Принцесса не отказалась опереться на нее, но все заметили, что она вздрогнула, когда коснулась его руки, и без того бледное лицо ее еще сильнее побледнело.

У самого возвышения располагались приспешники Гонзаго: Навайль, Жиронн, Монтобер, Носе, Ориоль и прочие; они первыми расступились, образовав перед принцем и принцессой широкий проход.

– Какая пара! – воскликнул Носе, когда супруги поднимались по ступенькам на возвышение.

– Тсс! – остановил его Ориоль. – Я никак не могу понять, патрон доволен или взбешен ее приходом.

Патрон – это значит Гонзаго. Но он и сам, пожалуй, пока не понимал этого. Для принцессы заранее было приготовлено кресло. Оно стояло по правую сторону, почти у самого края возвышения, рядом с табуретом, на котором сидел кардинал. По правую руку от принцессы находилась портьера, скрывающая дверь в личные покои принца. Дверь была закрыта, портьера задернута. Потребовалось некоторое время, чтобы волнение, произведенное появлением принцессы, улеглось. Гонзаго, вне всякого сомнения, использовал эту передышку для внесения изменений в план сражения; было заметно, что он погружен в глубокие раздумья. Президент парламента приказал вторично зачитать акт о созыве совета, после чего объявил:

– Его светлость принц Гонзаго намеревался изложить, чего он требует фактически и по праву. Мы ждем, что он соблаговолит взять слово.

Гонзаго тотчас же поднялся. Он отвесил глубокий поклон сперва супруге, потом судьям, представляющим короля, и напоследок всем остальным. Принцесса, стремительно обведя взглядом зал, сразу же опустила глаза. Она недвижно сидела, напоминая собой изваяние.

О, Гонзаго был и впрямь прекрасный оратор: голова высоко поднята, прямо-таки скульптурные черты, чуть покрасневшее лицо, в глазах огонь. Начал он говорить сдержанно, почти что с робостью.

– Никто здесь не подозревает, будто я мог созвать подобное собрание только ради того, чтобы заявить о своекорыстном интересе, и тем не менее, прежде чем приступить к сей весьма важной теме, я испытываю потребность признаться в почти ребяческом страхе, который ощущаю. Когда я думаю, что должен выступать перед столькими блистательными и прославленными умами, меня ужасает моя неспособность, и дело тут вовсе не в степени знакомства с языком и не в произношении, от которого сыны Италии так никогда и не могут избавиться; нет, причина не в моем акценте: он не сможет послужить мне помехой.

После столь сверхакадемического вступления на губах почетных членов совета появились улыбки. Гонзаго никогда ничего не делал зря.

– Прежде всего позвольте мне, – продолжал он, – высказать благодарность всем тем, кто в данных обстоятельствах почтил наше семейство своей благосклонной заботой. И прежде всего господину регенту, о коем можно говорить с полной откровенностью, поскольку его нет среди нас, этому благородному и превосходному правителю, который всегда оказывается первым, когда речь идет о достойном и добром деле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.